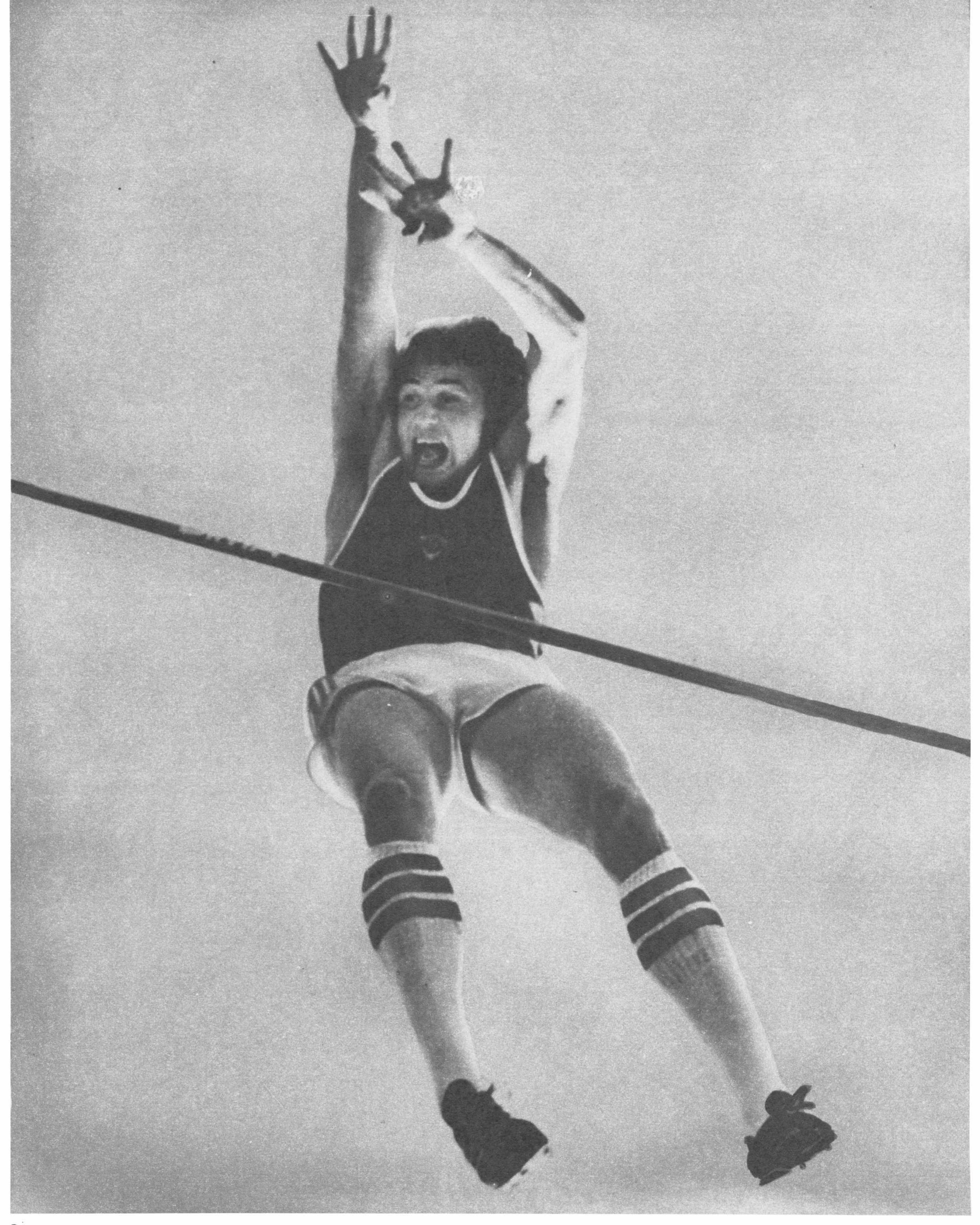

ОГОНЁК
ЛЕНИН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 30 ИЮЛЬ 1985
МОСКВА, КИНОФЕСТИВАЛЬ:
УСПЕХИ, ИТОГИ...
РОССИЯ
FILM FESTIVAL IN MOSCOW!
SOYEZ LES BIENVENUS A MOSCOU!
1985
МОСКВА
КИНОФЕСТИВАЛЬ

Это телефото агентства АП—ТАСС передало из Парижа. Вот он, радостный момент: Сергей Бубка преодолел высоту на отметке 6 метров.

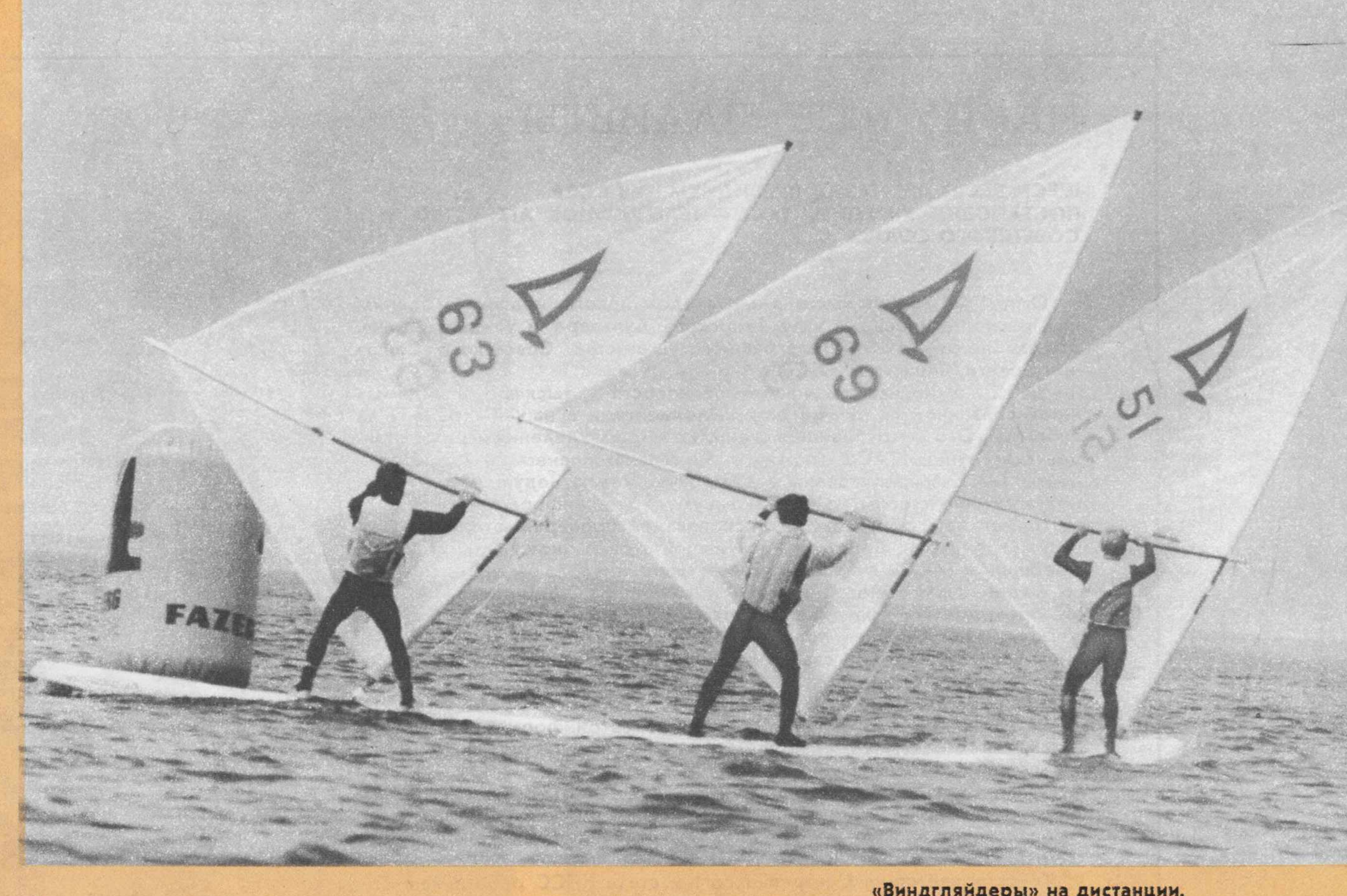
6.00!

В воскресенье, 14 июля, информационные агентства всего мира сообщили о том, что на соревнованиях в Париже советский прыгун с шестом Сергей Бубка преодолел планку на шестиметровой высоте, установив рекорд мира.

До этого дня самым выдающимся мировым рекордом в легкой атлетике считался результат, достигнутый в 1968 году американцем Бобом Бимоном в прыжке в длину,— 8 метров 90 сантиметров. И вот в другом, «смежном» виде показан феноменальный результат.

В. ВИКТОРОВ,
фото В. САЛЬМРЕ

Олимпийский центр парусного спорта в Таллине, открытый пять лет тому назад, в дни XXII Олимпийских игр, стал за это время известен яхтсменам всех стран. На гостеприимных балтийских просторах выступали бразильцы и датчане, греки и голландцы, яхтсмены ГДР и ФРГ. Здесь оттачивают свое мастерство советские рулевые и шкотовые. И есть своя закономерность в том, что именно таллинский центр парусного спорта получил право первым испытать «Виндглэйдеры» на XXII Олимпиаде, прежде чем они получили права олимпийского гражданства в Лос-Анджелесе. И вот теперь, спустя пять лет, «новички» снова и на этот раз вполне официально вышли в Таллине на старт мирового чемпионата.

«Виндглэйдеры» на дистанции.

ПАРУСА МИРА...

Эстонский яхтсмен Тоомас Саада ведет гонку.

Впрочем, назвать «Виндглэйдеры» новичками можно только условно, потому что еще до таллинского чемпионата уже состоялось четыре мировых первенства, а с 1976 года проводятся еще и Кубки мира.

У этих самых маленьких и самых дешевых по сравнению с другими классами яхт большая и бурная история, о которой нам рассказал президент международной ассоциации «Виндглэйдеров» голландец Бенджамен де Роос. Оказывается, первую парусную доску сделал 12-летний английский паренек. Он приспособил к старой двери парус и смело вышел в море, а вскоре после этого начался подлинный «досковый бум» и фирмы разных стран стали выпускать парусные доски различных конструкций. («Виндглэйдеры», к примеру, выпустила одна из фирм ФРГ, и теперь, хоть она и уступила свои права французской верфи, доски сохранили свое первоначальное название.) Особенно большую активность проявили американцы, долгое время пытавшиеся заменить на международных соревнованиях «Виндглэйдеры» досками своих конструкций. Дело даже дошло до международного суда, на котором английский мальчик выиграл процесс и получил патент.

См. стр. 6—7.

НА ПУЛЬСЕ ПЛАНЕТЫ

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД ПРЕЗИДИУМ ЦИК СССР ПОСТАНОВИЛ УЧРЕДИТЬ ТАСС — ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Огромный глобус высится над входом нового, красивого здания, что расположилось на углу Тверского бульвара и улицы Герцена. Это эмблема ТАСС — Телеграфного агентства Советского Союза при Совете Министров СССР.

ТАСС можно назвать «фабрикой новостей», тысячью невидимых нитей связанной со своими корреспондентами в нашей стране и за рубежом. Это — крупнейшее агентство мира. Отделения и корреспондентские пункты ТАСС открыты в 98 странах планеты, а корреспонденты ТАСС аккредитованы в 125 государствах. Ведущее телеграфное агентство страны не только аккумулирует информацию, но после тщательной обработки и доскональной проверки отправляет ее своим абонентам. Ведь только в нашей стране около 4 тысяч газет. Сообщения ТАСС идут на радио и телевидение.

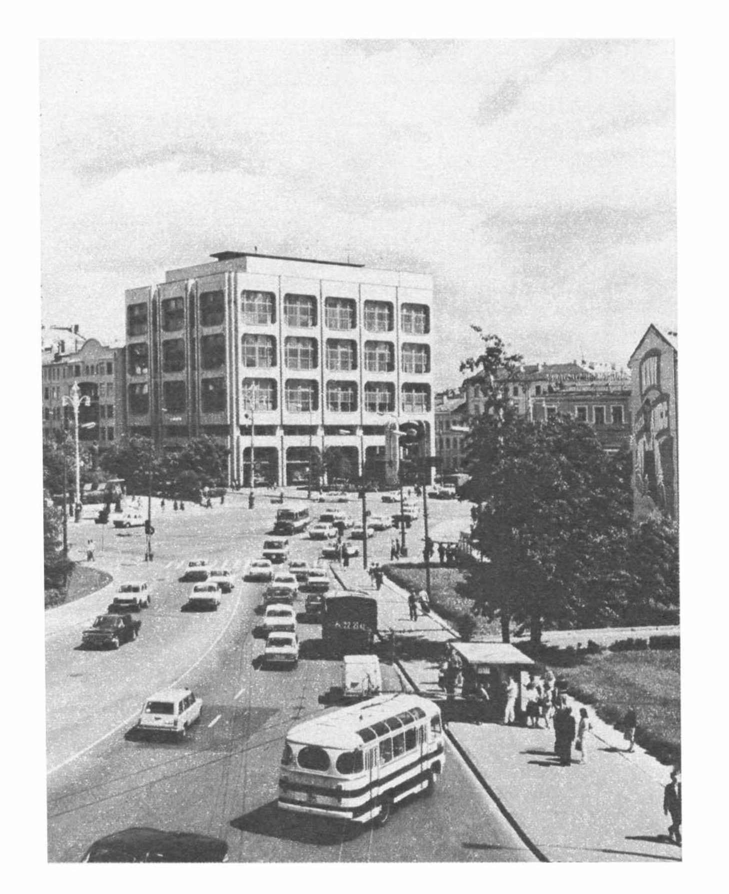
А для зарубежного читателя и слушателя сообщения ТАСС — это прежде всего правдивая информация о жизни в нашей стране, о миролюбивой внешней политике Советского государства. Информацией ТАСС пользуются свыше 600 зарубежных агентств, министерств информации, редакций газет и журналов, телевизионных и радиокомпаний из 115 стран мира.

ТАСС является мощным поставщиком фотоинформации. Ежегодно агентство рассылает советским и зарубежным подписчикам более 6,5 миллиона фотоснимков.

Шестидесятилетию в биографии агентства было посвящено торжественное собрание, состоявшееся 10 июля в Москве.

Собравшиеся с воодушевлением избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС.

Текст приветствия Центрального Комитета КПСС работникам Телеграфного агентства Советского Союза огласил секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков. Он пожелал коллективу новых творческих успехов в освещении многогранной жизни советского народа, его борьбы за претворение в жизнь предначертаний партии.

ПУТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

А. ПАЛАГИН,
доктор технических наук

МЕРА УСКОРЕНИЯ

В Академии наук УССР идут поиски наиболее действенных связей науки с производством. На основе богатого опыта содружества с промышленностью Института электросварки имени Е. О. Патона и Института кибернетики имени В. М. Глушкова появились принципиально новые подразделения — инженерные центры.

В отличие от опытного завода инженерный центр является как бы штабом разработки нескольких родственных и наиболее перспективных научных тем. Работа центра не заканчивается созданием опытного образца. Он занимается доводкой и совершенствованием предложенного метода или технологии. И все это сочетается с поиском новых сфер их применения. Так что главной особенностью инженерного центра является конкретное воплощение научного достижения, сулящее скорую и значительную практическую отдачу.

Инженерный центр нашего Института кибернетики имени В. М. Глушкова способствует внедрению новых автоматизированных технологий в области микроэлектроники, механизации интеллектуального труда.

Известно, что ныне первостепенное внимание должно быть уделено станкостроению и ускорению развития вычислительной техники, а также приборостроению, электротехнике и электронике.

Именно они являются как бы катализаторами научно-технического прогресса. Тут достаточно широкое поле для приложения сил нашего инженерного центра. Вот пример. Одним из главных элементов любого электронного устройства является печатная плата. На основе научных разработок института в инженерном центре создали технологию, которая позволяет автоматизировать размещение элементов на плате. При этом плотность размещения сразу возросла в полтора-два раза! Эта разработка уже внедрена в объединении «Электронмаш» и других предприятиях. Может она применяться и во многих иных отраслях.

Совместно с учеными Института ядерных исследований АН УССР специалисты нашего центра разработали методику плазменной обработки металлизируемых отверстий в печатных платах. Короткий дуговой разряд исключает обработку кислотами и дорогими реактивами. А ведь подобная операция повторяется многие миллионы раз на многих производствах...

Не вдаваясь в дальнейшие технологические подробности, скажу о главном: создание инженерного центра позволяет нам последовательно определять научно-производственные задачи в области микроэлектроники. Мы должны ориентироваться на производство, которое несложно переналадить как в смежной отрасли, так и для выпуска видоизмененной продукции.

Инженерные центры делают первые шаги и нуждаются во всяческой поддержке. Пока же легче перечислить вопросы, успешно решенные, чем те, которые предстоит решить. Пример? В нашем центре все сотрудники вплоть до инженеров и снабженцев числятся в штате СКБ. Но там, в хозрасчетном конструкторском подразделении, свои задачи и свои цели. Единственный, кто не отягощает своим присутствием его штат,— это научный руководитель, то есть я, ибо я еще являюсь и заместителем директора института. Уверен, надо сделать так, чтобы штат сотрудников инженерного центра не висел бы бременем на СКБ.

Не укомплектована пока и технологическая база подобных центров. Ее следует создавать с долевым участием заинтересованных министерств, предприятий. А это связано с регламентацией самого процесса внедрения. Ведь что получается? Предприятие, которое предоставляет цех для внедрения (процесса порой мучительного, с бесконечными доделками), остается внакладе. Ему мешают работать, отвлекают от плана его людей, расходуют его сырье... Но вот новинка пошла! И дала блестящий результат. Ну и что? Родственные предприятия берут эту новинку на вооружение и, не зная никаких хлопот, пожинают плоды!.. Мне кажется, необходим договор на промышленную доработку новшества, в котором бы четко указывалось, какие льготы и авторские права остаются за инженерным центром, а какие за предприятием — пионером внедрения. В договоре обязательно предусмотреть неизбежные производственные потери в сырье, энергии, а сначала и в уровне производительности. Все это, разумеется, окупится.

Практически даже самая законченная научная разработка не сразу вписывается в технологическую цепочку действующего предприятия. Местные инженеры и рабочие, тонко знающие свое производство, осваивая новинку, «дотягивают» ее, отлаживают, вносят поправки и упрощения. Работа эта кропотливая и непрестижная. Хотя именно благодаря ей металл обретает, образно говоря, душу. Стоит подумать и над тем, чтобы внедрение как таковое не обезличивалось, то есть чтобы рабочие, инженеры пользовались авторскими правами наряду с учеными и разработчиками.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (3027)

20—27 ИЮЛЯ

Они едут в Москву.

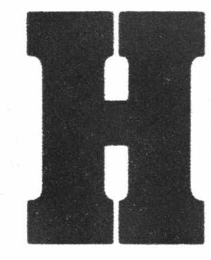

Традиционный кросс на одну «фестивальную» милю.

26 ИЮЛЯ КУБИНСКИЙ НАРОД ОТМЕЧАЕТ ДЕНЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

САЛЮТ, КОМПАНЬЕРО ФЕРНАНДО!

**Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Ночью разверзлись небеса, и на Гавану обрушился тропический ливень. Наши среднерусские ливни не идут с ним ни в какое сравнение. А потом началась гроза. Желто-белые молнии вспарывали небо и вонзались прямо в море. Дождь стал еще сильнее. Мы не на шутку встревожились: на утро назначено несколько встреч. Каково же было наше удивление, когда вынырнувшее из бирюзового Карибского моря солнце осветило совершенно сухую набережную. Да, в июле здесь жара такая, что вода испаряется почти мгновенно.

Проснувшись в Гаване, я никак не мог решиться на то, с чего привык начинать день в Москве — с утреннего кросса. Но пока я сомневался, мимо окон промелькнуло несколько человек в спортивной форме, потом еще и еще... Впечатление такое, что пол-Гаваны делает утреннюю пробежку. Я влился в этот поток и почувствовал себя как в Измайловском парке. В какой-то момент споткнулся, и тут же бежавший рядом парень на довольно чистом русском языке сказал:

— Осторожней! Здесь есть и выбоины.

— Спасибо.

— Вы из Союза? Я там учился в строительном. Два года как вернулся.

— А почему так много бегунов?

— Знаете, что такое «контра эль седентаризмо»? Это общекубинская кампания против сидячего образа жизни.

— Замечательно! То-то я не встретил ни одного толстого кубинца.

— И не встретите. Ну, привет! Мне направо. Увидимся завтра в это же время. Меня зовут Фернандо.

В том, что Фернандо был прав, мы убедились буквально через три часа, когда познакомились с членами кубинской фестивальной делегации. Это произошло на набережной. Ока-

Будущий врач Хосефа Диас.

Румба перед посадкой на теплоход.

Скрипач.

зывается, все восемьсот участников XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве должны выполнить спортивный норматив, то есть за определенное время пробежать одну «фестивальную» милю — 1985 метров.

— Все? — переспросил я.— И музыканты, и артисты, и рабочие, и студенты?

— Конечно, все. А как же иначе! Кому, как не молодым, быть застрельщиками «контра эль седентаризмо»?! На фестиваль едут лучшие представители нашей молодежи, значит, и бегать они должны лучше всех.

Гремели оркестры, развевались флаги, звенели песни, вспыхивали аплодисменты — и группы бегунов одна за другой отправлялись на дистанцию. После финиша юноши и девушки собрались в тенистом парке. Тут и состоялось наше знакомство.

Марлен дель Кармен Хиль — врач, член Союза молодых коммунистов Кубы.

— Родилась я в Гаване, где и окончила университет,— рассказывает Марлен.— Когда Фидель сказал, что врачей не хватает в селах, я поехала в провинцию Гранма. Там леса, горы. Я работаю в селе Минас дель Фрио. Под моим попечением сто двадцать семей. Живут они очень разбросанно. Люди выращивают кофе, трудятся на лесоразработках.

— И много больных?

— Боюсь, что потеряю квалификацию,— смеется Марлен.— Народ в горах крепкий. Зато есть проблемы с гигиеной. Поэтому я часто езжу по усадьбам и рассказываю крестьянам обо всем, что касается гигиены и профилактики заболеваний.

— А были у вас трудные случаи?

— Были. Принимала довольно сложные роды. Но малыш появился крепенький, как и все горцы. Конечно, работать в селе не то, что в городе. Пришлось научиться ездить верхом, ориентироваться в тропическом лесу. Но однажды я все-таки заблудилась. Это произошло в День национального восстания 26 июля, когда на всей Кубе праздник. Ведь именно 26 июля 1953 года стало началом всенародной борьбы, увенчавшейся победой революции. Я рада, что в этом году юбилей штурма казармы Монкада отмечу в Москве!

Лоренцо Эстрада Мартинес — шофер автобуса, имеет звание «Лучший молодой водитель».

— На каком маршруте вы работаете? — спросил я.

— На семьдесят шестом. Это четырнадцать километров от Гаваны до Сантьяго де Лас Вегас.

— Из кабины автобуса вам многое видно. Что изменилось на вашем маршруте за последнее время?

— Заканчивается строительство завода по сборке телевизоров, реконструирован туристский комплекс «Рио Кристаль», расширяется аэропорт, отремонтировано кафе «Эль Прадо», вырос целый жилой городок Мульгаба — там был пустырь, а теперь шестьдесят прекрасных домов.

— А что нового в личной жизни?

— Я стал неплохим шофером. До революции о такой профессии деревенский парень мог только мечтать. Родился и вырос я в провинции Пинар дель Рио, в большой и бедной крестьянской семье. У меня шесть братьев и две сестры — и все, как говорится, вышли в люди: два брата — летчики, один — капитан, остальные — механизаторы и полеводы. Я женился, жду сына.

— А как с жильем?

— Полный порядок! Уже покупаю мебель. Наше предприятие построило дом своими силами. Принимал в этом участие и я. После смены за рулем смену — с мастерком, зато теперь у меня просторная двухкомнатная квартира!

— Мы с мужем тоже справили новоселье,— подхватывает Нэри Ромеро Маркес.— Я живу в селе. Наш кооператив выращивает табак. Все мои братья и сестры, а нас одиннадцать человек, работают либо в кооперативе, либо на стройке. Так вот, мы с мужем взяли ссуду и сами построили дом.

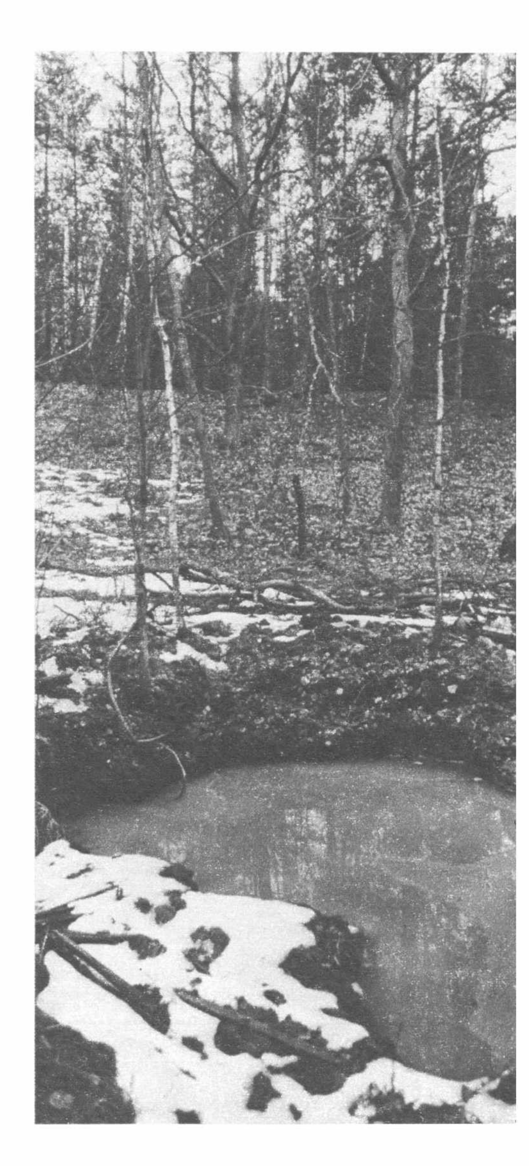
— А я уже три года живу вдали от родины,— говорит Луис Эрнандес,— в Мозамбике.

— Кто вы по профессии?

— Врач-стоматолог. Работаю в Мапуту. Там вместе с кубинскими врачами работают советские, чехословацкие, болгарские, венгерские медики. Это и есть социалистический интернационализм в действии. Мой отец — докер в порту, а мы, три брата и сестра, стали врачами. Так вот, отец спросил меня: зачем ты едешь в Москву? Я объяснил ему, что надеюсь встретить там друзей и единомышленников из разных стран. Я расскажу им о Кубе, о нашей революции, думаю, узнаю много поучительного. Все это сделает нас дружнее, а значит, и сильнее. Это очень важно, ведь все вместе мы отвечаем за жизнь, за мир...

На другой день к причалу гаванского порта подошел белоснежный лайнер «Собинов». Кубинская делегация поднялась на борт, прозвучали традиционные прощальные гудки — три длинных, один короткий, и теплоход взял курс на Ленинград. До встречи в Москве, компаньерос!

Гавана — Москва.

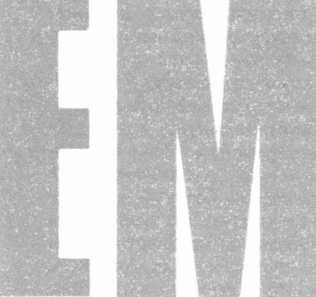

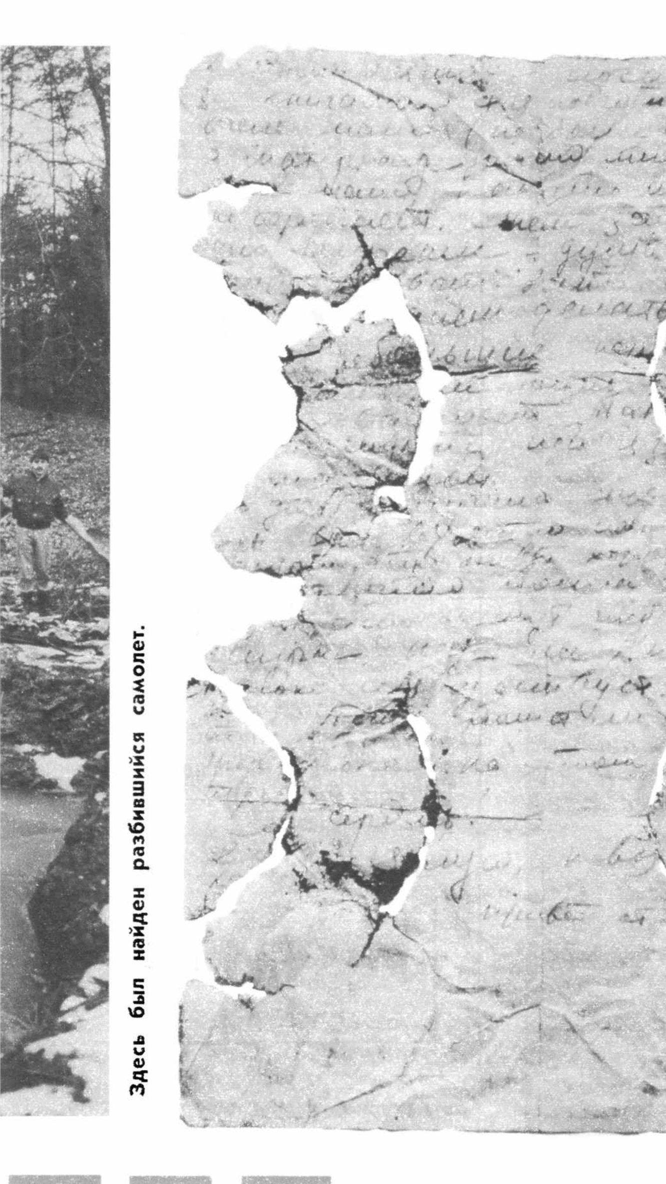
СОВЕТ

●

Летом памятного 1944 года началось освобождение Польши от фашистского ига. В огнях сражений крепло советско-польское братство по оружию. Более 600 тысяч советских воинов погибли на польской земле. Здесь чтят память освободителей. Имена наших солдат носят сотни школ, площадей, улиц. Новое поколение поляков, не знавших войны, продолжает поиск неизвестных советских героев, отдавших жизнь за свободу их родины.

Здесь был найден разбившийся самолет.

Письмо летчика.

ЕМ

22 ИЮЛЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ — ДЕНЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЛЬШИ

СКОГО ЛЕТЧИКА

«Мой ученик Генрик Вышиньский,— написала в «Огонек» преподавательница строительного техникума из Варшавы Кристина Немец,— принес мне письмо, которое он нашел среди обломков советского самолета «Як-1М». Эти обломки Генрик раскопал у деревни Соколувек, недалеко от Варшавы. Он нашел также хорошо сохранившиеся снаряды, линейку пилота, угломер с инициалами КА, кусочки конверта. По-моему, это два конверта с флагами СССР, США и Англии. На них надпись «да здравствует англо-советско-американско боево...», штамп —44-й год и какие-то цифры 744-8. Сохранились и фрагменты карт. С другой стороны какие-то записи. К сожалению, мы не смогли прочесть ничего, кроме «Б-24», «Б-17», «П-51».

Прошло сорок лет с тех пор, как «Як» упал на польскую землю. Быть может, пилот не погиб. Его останки не обнаружены. Пишу об этом потому, что самолет, о котором идет речь, не единственный, выкопанный моим учеником. В первом были найдены останки погибшего.

Опубликуйте это письмо. Может, жив тот советский летчик, будем очень рады встретить его в нашей школе».

Выполняя просьбу Кристины Немец, мы позвонили в Варшаву и попросили корреспондентов польского агентства «Интерпресс» отправиться в деревню Залубице-Нове. Вот что они рассказали.

Генрик и его младший брат Анджей уже два года собирают реликвии второй мировой войны, свои находки братья хранят в пристройке к родительскому дому, помнящему еще наполеоновское нашествие. Получился настоящий музей польско-советского братства по оружию. На полках ряды солдатских касок, фуражек и пилоток, на стенах висят пулеметные ленты с гильзами от патронов. Есть здесь и обезвреженная мина, гранаты, осколки авиабомбы, пистолет, множество различных документов, в том числе военных карт.

Все эти предметы ребята нашли в окрестных лесах. Самая волнующая находка братьев — сбитый в бою советский самолет.

— Мой дядя говорил мне,— рассказывает Генрик,— что в августе 1944 года в здешних местах шли бои с гитлеровцами. На земле и в воздухе. Местные жители были свидетелями вынужденной посадки горящего советского истребителя. Это видели не только они, но и советские солдаты, которые с помощью ракет пытались указать летчику нужное направление. Но безуспешно.

Узнав эту историю, братья начали поиски. Детали самолета «Як-1М» были обнаружены в песчаном холме, окруженном густым кольцом деревьев. Некоторые навигационные приборы, части бортовой радиостанции и оптический прицел хорошо сохранились. На радиостанции можно прочесть обозначение ее типа РСИ-4 и номер 069288. На оптическом прицеле — знак ПБР-1а и номер 241771, а также серп и молот.

В песке братья нашли карту и конверт с письмом. На карте можно было различить Белоруссию, Минск, Центральную Польшу, реку Березину, а также польские города Радом, Пётркув-Трыбунальский и их пригороды. Огромную ценность представляло, разумеется, письмо, оно могло навести на след летчика, которому было адресовано. Стремительно падая, самолет глубоко врезался в песок, который как бы законсервировал ценный документ.

На конверте можно прочесть: «Полевая почта № 20». Дата «7 августа 1944 года» и штамп военной цензуры. Текст же самого письма прочесть было нельзя.

Одноклассницы Генрика Вышиньского показали найденное им письмо работникам Дома советской культуры в Варшаве. Они обратились к польским специалистам-графологам, которые расшифровали некоторые фрагменты письма. Оказалось, что писала «дорогому Жорику» молодая девушка:

«Видишь, что сделала война. Ты далеко от меня, и я с каждым днем теряю надежду, что мы увидимся». Далее она жалуется, что у нее очень много работы, потому что началась экзаменационная сессия: «Мне надо сдать 7 экзаменов. Сижу целыми ночами. Осталось мало времени, не больше 2—3 дней. Днем тяжело работаю, встаю в 4—5 утра». В заключение девушка писала: «Целую, твоя Тат...»

И вот вместе с братьями Вышиньскими мы находимся на месте события сорокалетней давности. Вокруг тишина, ни души. Автомобиль въезжает на широкую поляну, которая упирается в поросший соснами и березами холм. У его подножия наполненная водой яма диаметром в несколько метров — результат раскопок Генрика и Анджея. Останков пилота не обнаружено. Возможно, летчику удалось покинуть самолет или его тело было найдено и предано земле партизанами, а время стерло следы могилы.

Судя по строению местности, можно предположить, что самолет пикировал в сторону поляны, но летчик не смог посадить машину и врезался в холм.

На месте катастрофы и поныне лежат куски металла, детали «Яка». Братья Вышиньские собираются продолжить поиски.

Недавно в городской комитет ПОРП в Радзымине пришло письмо из далекого Архангельска. Его написал бывший летчик Николай Иванович Алексеев, который в составе 36-й авиадивизии принимал участие в освобождении Радзымина. Студенты Архангельского медицинского института, где Николай Иванович преподает политическую экономию, хотят познакомиться с историей и сегодняшним днем этого города.

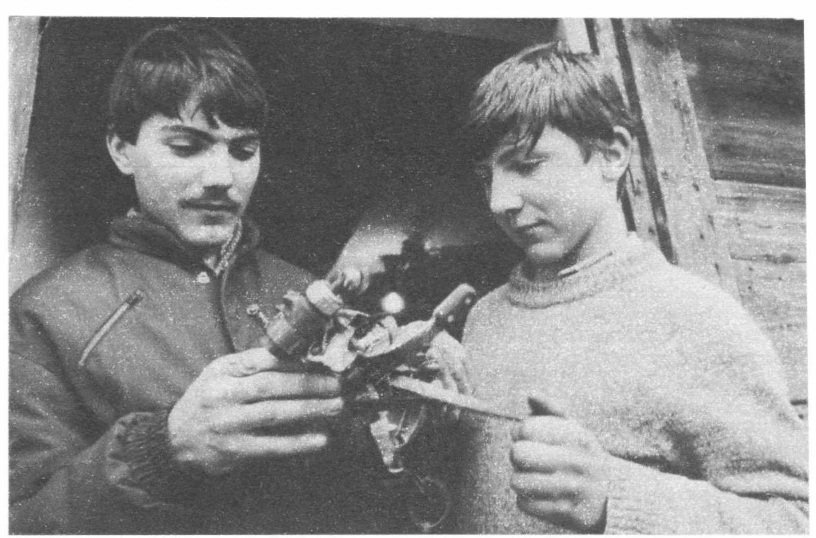
Письмо летчика вызвало широкий отклик среди жителей Радзымина. Первый секретарь городского комитета партии Эльжбета Лахма передала его учителю общеобразовательного лицея Яну Романко — он председатель городского отделения Общества польско-советской дружбы.

Жители Радзымина хотят пригласить освободителя своего городка к себе в гости. Не исключено, что его визит прольет свет на события в деревне Соколувек.

Мы надеемся, что в поиск советского летчика включатся и читатели «Огонька».

Славомир ОРЛОВСКИЙ

Братья Генрик и Анджей Вышиньские. **Фото М. Билевича**

ПРОТИВ АМЕРИКАНСКИХ РАКЕТ

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор
Советского телевидения в ФРГ
Фото автора

На массовой манифестации в Бонне тысячи жителей ряда западногерманских городов выступили с требованием прекратить установку американских ядерных ракет и демонтировать уже размещенные. Участники митинга на Мюнстерской площади заявили решительный протест против затеянной американской администрацией подготовки к созданию космических ядерных вооружений и втягивания Федеративной Республики Германии в это опаснейшее предприятие.

Демонстранты установили большой макет «Першинга» и повесили на него фотографии разрушенных в минувшую войну городов. Надписи на снимках гласили: «Не ждет ли всю страну еще худшая судьба!» Здесь же были установлены фотоплакаты [один из них — на фото]: «Долой политику устрашения народов!»

Давно пора внять голосу разума, говорили участники манифестации, и начать ядерное разоружение.

— Мир, основанный на страхе,— сказал молодой рабочий из Дюссельдорфа,— не может быть прочным. Не устрашение, а реальное прекращение гонки ядерных вооружений — вот что нужно нам сегодня...

Бонн.

Специально для «Огонька»

ПАРУСА МИРА...

См. стр. 1.

«Виндглайдеры» стали самым распространенным типом парусной доски, и МОК признал их олимпийским классом. Но на этом история парусных досок не закончилась. Сейчас доске-монотипу, создаваемому по обусловленным параметрам, противопоставляются доски свободных конструкций. Какой принцип победит, пока неясно, но на первенство мира в Таллине заказ на подготовку досок получила таллинская спортивная верфь, и именно здесь было построено восемьдесят «Виндглайдеров», на которых и выступили участники чемпионата.

Мы пришли на причал, где к первой гонке готовились «Виндглайдеры», чтобы познакомиться с ними не на воде, а на суше. Четырехметровые доски, уложенные на асфальте, были похожи на акульи туши, стремительные, хищные обводы сверкали белизной, а рядом лежали металлические гики с натянутыми на них парусами.

ИСТИНА И

В спортивном зале для фехтовальных поединков, спешно переоборудованном в мрачный бетонированный бункер с железными клетками, вот уже почти два месяца происходит судебный поединок истины и лжи.

Сервантесу принадлежит известный афоризм: истина обязательно всплывает поверх лжи, как масло — поверх воды. Так получилось и в зале спорткомплекса «Форо италико». Ложь и клевета убийцы Агджи (после участия в террористическом акте против либерального турецкого журналиста Ипекчи он стрелял в Иоанна Павла II), несмотря на отчаянные попытки опытных авторов антиболгарского сценария и режиссеров шумного пропагандистского шоу, потерпели сокрушительное поражение еще до того, как в поединок вступил без вины виноватый «главный обвиняемый». Допрос Сергея Антонова начался именно в тот день, когда ему исполнилось 37 лет.

Состоялась первая на процессе очная ставка Сергея с клеветником Агджой. Мягкий и добродушный болгарин показал характер истинного патриота свободолюбивой родины, решительно отверг гнусную клевету убийцы-провокатора из террористической банды «серых волков». Вот что сказал Сергей Иванов Антоноз:

— Прежде всего хочу сказать, уважаемый господин председатель, господа судебные заседатели, что перед вами стоит один невиновный, оклеветанный человек. Много клеветы было произнесено в этом зале против моей родины, против меня и против нас, болгар. Убежден в одном: истина одна. Я невиновен. Ничего не имею общего со всей этой невероятной историей, в которой меня обви-

Дул шестибалльный ветер, самая подходящая погода для парусных досок, и, спущенные на воду, они сразу же на большой скорости уходили на дистанцию.

Какими же крошечными, беззащитными выглядели доски рядом с большими яхтами — «Звездниками», «Соллингами» и «Торнадо». Но надо сказать, что рулевые и шкотовые килевых яхт с большим уважением относятся к хозяевам парусных досок, и немногие пытаются их освоить. Они требуют от спортсменов большой ловкости, хладнокровия и выносливости. Ведь дистанция гонки на «Виндгляйдерах» — около десяти миль, и это расстояние в напряженной борьбе с соперниками спортсмены проводят стоя, управляя парусом в шесть квадратных метров только руками, причем «папинг» — покачивание паруса — правилами запрещается.

Затянутые в черные гидрокостюмы, с обязательными спасательными жилетами, «досковики», если их можно так назвать, издали кажутся стоящими прямо на воде, а довольно часто яхтсмены оказываются и в воде. Когда парусные доски появились у нас, яхтсмены называли их хозяев «радикулитчиками», потому что сухими те никогда на берег не возвращаются. Ни одна гонка не обходится без того, чтобы многие участники не потерпели одной или нескольких аварий, оказавшись в положении пловцов. Но как же быстро и ловко они снова взбираются на свои доски, поднимают паруса и продолжают борьбу.

Евгений Богатырев — чемпион мира

Балтика словно по заказу приготовила для участников мирового чемпионата много сюрпризов. Накануне первой гонки, когда яхтсмены получили возможность провести последнюю тренировку, налетел ураган и порывы ветра достигали двенадцати баллов, первая гонка состоялась при шестибалльном ветре, в следующие дни соревнования проходили при минимальном и при средних ветрах, а седьмая, последняя, гонка вообще не могла состояться, потому что сила ветра не достигала и четырех метров в секунду.

Сюрпризы преподнесли участникам первенства и советские яхтсмены. Если после первой гонки лидером соревнований стал известный голландский гонщик Эрик Ясперс, который незадолго до чемпионата завоевал Кубок мира, то уже следующую гонку при слабом ветре он закончил лишь восьмым, третью—одиннадцатым, четвертую — тринадцатым, пятую — двадцать седьмым, а шестую — сорок вторым. Лидером соревнований после второй гонки совершенно неожиданно для всех стал 18-летний яхтсмен Евгений Богатырев. Он великолепно провел соревнование в легком классе, никому не уступая первенства вплоть до последней, шестой гонки, но и ее закончил вторым, вслед за чемпионом страны советским спортсменом Сергеем Самокишем, обеспечив себе золотую медаль. Вслед за ним поднялись на пьедестал почета еще два советских спортсмена, Сергей Самокиш и Виктор Мелехов, а борьба яхтсменов, выступавших в тяжелом классе (от 70 килограммов и выше), закончилась победой москвича Федора Рытова, которому всего полтора очка проиграл эстонский гонщик Тоомас Саада.

На таллинском чемпионате впервые оспаривали призовые медали женщины. Здесь убедительной победы добилась польская спортсменка М. Палаш-Пясецка. Лишь в одной гонке она уступила первое место советской яхтсменке Ю. Казаковой, которая и завоевала серебряную медаль, а бронзовая досталась ученице Пясецкой — И. Буржинской.

Для советских яхтсменов чемпионат мира в Таллине — большая школа. До сих пор они редко участвовали в крупных международных соревнованиях и вот теперь, добившись победы, будут готовиться к олимпийской регате, которая состоится на просторах Тихого океана.

ЛОЖЬ

Николай ПАНИЕВ

няют. Никогда я не видел, никогда я не встречался с лицом, которое меня обвиняет. Убежден в том, что люди разберутся в истине. Знаю, что все эти невероятные обвинения против меня, против моей страны являются абсурдной клеветой, фантастическими измышлениями. Я оказался так долго вдали от родины, от моей семьи, от друзей и коллег из-за, повторяю, невероятных обвинений и измышлений одной личности, которую никогда не видел, не встречал. Человек не может быть одновременно в двух местах. Убежден, что в ходе предварительного следствия и на настоящем процессе восторжествует истина, что непременно наступит тот прекрасный день, когда я снова буду на моей родине, в моей семье, среди своих друзей.

Семена лжи, брошенные опытным мастером дезинформации из ЦРУ Клэр Стерлинг, вскоре переросли в большую ложь на страницах ряда западных газет и журналов, ввели в заблуждение многих людей. Версию о «болгарском следе» подхватил с помощью агентов заказных спецслужб и приговоренный к пожизненному заключению убийца и лжец Агджа.

Поначалу темная и грязная камера Агджи, вскоре меблированная под кабинет-спальню с телевизором и транзистором, превратилась в место встреч с «обработчиками» из спецслужб Италии и США, масонской ложи «П-2», итальянских террористических «красных бригад», тюремной церкви... Даже «первооткрывательница болгарского следа» Стерлинг вынуждена была отметить в прошлом году на страницах итальянского журнала «Панорама», что глава «каморры» — неаполитанской мафии обрабатывал «серого волка», который пытался «любой ценой выбраться из клетки».

После долгого молчания обработанный «главный свидетель» заговорил, да с таким рвением беспардонного лжеца, с циничной изобретательностью, что следователь И. Мартелла как-то признался: «Агджа врал самым бессовестным образом.— И добавил: — Неужели найдется сумасшедший, способный довериться этому болтливому турку?» Но после визита в штаб-квартиру ЦРУ сам автор этих слов... поверил и потратил три года поистине сизифова труда для обвинительного заключения по делу о «болгарском следе». Так бессовестный лжец, сумасшедший и болтун, как характеризовал заговорившего убийцу сам следователь, предстал на процессе уже не как обвиняемый, а в парадоксальной роли «главного свидетеля». На одном из судебных заседаний, пишет итальянская «Мессаджеро», лжесвидетель ухитрился в течение пяти минут выдвинуть три версии, которые полярно отличались друг от друга. Еще одна итальянская газета, «Стампа», делает вывод: «Агджа — лжец. Он симулянт, который способен с большой ловкостью смешать ложь с истиной. Мы не можем ему верить ни как подсудимому, ни как свидетелю. Судебный процесс не должен стать местом для его лжи... его клеветы на Болгарию как на виновницу покушения». Та же «Стампа» недавно сделала и другой вывод: «Все эти измышления непристойно выслушивать в зале суда». Американский специалист по проблемам анализа средств массовой информации Эдвард Херман в журнале «Ковет экшн», в частности, пишет: «Западные средства массовой информации, как и итальянский суд, подходя с предвзятых позиций, делают вид, что всерьез воспринимают абсурдный спектакль, который должен был бы вызвать только насмешки, если бы он не служил определенным политическим целям и не пользовался поддержкой определенных кругов».

Угрозу миру
Неизменно
Несет
Заморский флот
Военный!

Рис. Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
фото Д. ДЕБАБОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

10 июля 1985 года в Советском Союзе произведен запуск очередного искусственного спутника Земли «Космос-1667». Он предназначен для продолжения исследований влияния факторов космического полета на живые организмы. На борту его находятся две обезьянки — Верный и Гордый, а также другие объекты биологических исследований. Накануне запуска биоспутника наши специальные корреспонденты побывали в Институте медико-биологических проблем. Оттуда их репортаж.

Верный сидел в капсуле перед изогнутым световым пультом, крепко пристегнутый ремнями. Под его защитным жилетом было скрыто двадцать датчиков, постоянно регистрирующих ток крови в сосудах, работу сердца, напряжение мышц, температуру тела. Под шапочкой на голове — электроды, ежесекундно рапортующие о работе мозга.

Он уже прошел предполетные тренировки на центрифуге и других аппаратах, и сейчас проверялись его находчивость и сообразительность.

...Верный — небольшая обезьянка макака-резус. В московский Институт медико-биологических проблем она попала из сухумского Института экспериментальной патологии и терапии АМН СССР, а чтобы стать «космонавтом», прошла очень жесткий отбор специалистов: из двухсот претендентов лишь шесть зачисляются в «отряд космонавтов».

Увидев на пульте световой сигнал, Верный мгновенно нажал соответствующий рычаг. И тотчас получил вознаграждение за сообразительность — порцию особенно любимого им сока шиповника.

— Быстрая реакция, ты у нас отличник, работаешь без ошибок,— ласково погладив животное, говорит научный сотрудник Марина Ширвинская. Она занимается тренировкой животных.

Верный, ободренный похвалой, продолжал ловко нажимать нужные рычаги и с аппетитом слизывал постоянно бегущую к его рту струй-

Академик Олег Георгиевич Газенко.

ЗАЧЕМ НУЖЕН

Видеоконтроль. В центре управления экспериментом внимательно следят за поведением животного.

Последняя тренировка перед полетом в космос.

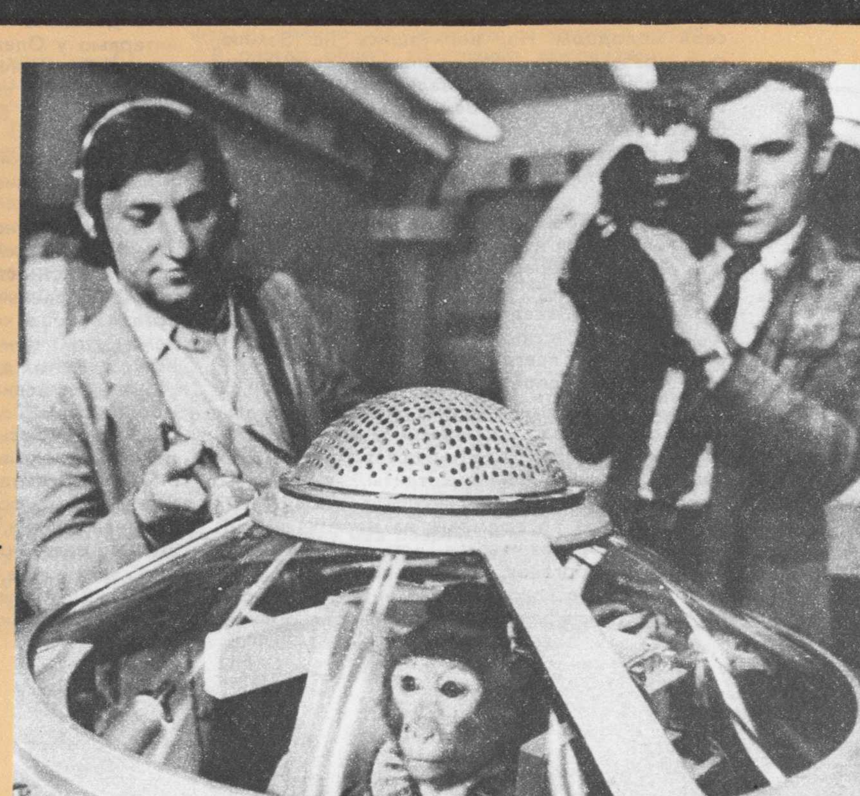
БИОСПУТНИК?!

Они тоже полетят в космос.

Знаменитый Абрек (слева) и его друзья.

Завершен последний зачетный эксперимент в макете биоспутника.

ку сладкого желтоватого сока. Только на секунду он отвлекся: его взволновал фотообъектив, но, увидев, что сидящая рядом в такой же капсуле другая обезьянка безмятежна, Верный тоже успокоился.

— Обезьяны не терпят одиночества, скучают, волнуются,— объясняет Марина.— Поэтому и тренировки проводятся с двумя, тремя животными. Если же условия требуют, чтобы обезьяна была одна, рядом ставят зеркало, это ее успокаивает.

Вся информация о состоянии животного с датчиков поступает на приборы в соседнее помещение, записывается, обрабатывается.

— В вашем институте первые опыты по космической биологии были сделаны на собаках, именно они проложили путь человеку в космос. А почему теперь вы работаете с обезьянами? — спрашиваю я В. П. Кротова, доктора медицинских наук.

— Собака — классический, традиционный объект русской физиологии,— говорит Владимир Павлович.— Нам было с чем сравнить полетные материалы. Именно опыты с собаками помогли в короткий срок ответить на основной вопрос: может ли человек лететь в космос.

Сейчас наступил новый этап: люди подолгу живут и работают в космосе. И ученым надо знать теперь тонкие процессы, происходящие в организме космонавта, структурные изменения тканей, понять механизм возникающих изменений, скажем, прилив крови к голове космонавта в невесомости, изучить, оценить и предложить профилактические меры. Вот здесь и помогает опыт на обезьянах как модели, наиболее близкой человеку. В этих исследованиях мы тесно сотрудничаем с биологами и медиками многих стран.

В институте сегодня сотрудники с улыбкой вспоминают, как робко начинали они работать с обезьянами. Животное это нежное, подвижное, чрезвычайно эмоциональное, бурно выражает свои реакции. Даже советовались с дрессировщиками, имеющими опыт работы с обезьянами. Особенно озадачила ученых давняя встреча со знаменитым итальянским дрессировщиком Капиллини. Он рассказал, что, когда вез обезьян морем, одна из них умерла со страху, услышав громкий гудок парохода. Думалось, разве животные с такой обостренной чувствительностью выдержат запуск в космос, шум, перегрузки!

Но тренировки, основанные на поощрении, ласке, положительных эмоциях, постепенно делали свое дело. Эксперименты на советских биологических спутниках показали, что обезьяны хорошо переносят полет в космос.

Мы проходим в помещение, которое здесь называют «спортзал», где в большом вольере резвятся обезьяны. Едва мы входим, как от общей группки отделяется одна из них, пожалуй, самая крупная и упитанная. Требовательно и приветливо сквозь сетку вольера она протягивает нам свою лапку.

— Ох, Абрек, избаловали все тебя, смотри, какой ты стал толстый,— весело укоряет обезьянку научный сотрудник Ирина Гиряева, но достает из кармана припасенное для нее яблоко.

Абрек уже побывал в космосе и вел там себя молодцом. Но, вернувшись на Землю, стал чрезвычайно прожорливым — сотрудники его баловали, подкармливали вкусненьким, вот он и растолстел, вырос, «потерял форму» и больше не летает, служит науке здесь, на Земле.

Все работы с животными ведутся здесь ради здоровья человека, имеют выход не только в космическую, но и земную медицину. Например, ультразвуковые датчики, созданные специально для космоса, применяются при хирургических операциях.

Другой объект исследований на биоспутниках — крысы. Заведующая лабораторией кандидат биологических наук Любовь Владимировна Серова всегда с жаром подчеркивает вклад своих подопечных в космическую науку.

Крысы, как считают исследователи,— идеальная модель для космических исследований. Во-первых, легко адаптируются к тому или иному фактору, неприхотливы, выносливы, быстро размножаются. Поэтому наблюдения растягиваются во времени, на нескольких поколениях прослеживается, есть ли изменения внутренних органов, тканей после того или иного космического эксперимента. Крыс можно поместить в условия повышенного облучения, а также в другие экстремальные обстоятельства. Например, впервые удалось проследить за развитием плода у крысы в невесомости.

— Еще раз подтвердилось, насколько надежно сохранен плод в материнском организме,— рассказывает Любовь Владимировна Серова,— однако у самой роженицы обнаруживаются некоторые отклонения, прежде всего из-за состояния эмоционального стресса. Роды после полета проходят сложнее, что связано, по-видимому, главным образом с мышечными проблемами.

Сообщения ТАСС о запусках биоспутников весьма лаконичны. А сколько труда, сколько решенных и, увы, пока не решенных проблем скрывается за скупым текстом этих сообщений. Здесь, в институте, ясно понимаешь это. Например, как в спутнике разместить животных, чтобы и им было удобно, и науке хорошо, как кормить их, убирать за ними.

В свое время К. Э. Циолковский предполагал, что запущенные надолго в космос без человека животные погибнут, так как в невесомости они не смогут найти себе пищу, не сумеют съесть ее. Припоминается, сколько было волнений, когда ждали сообщения с места посадки биоспутника «Космос-605». В спутнике было девять блоков по пять крыс в каждом. Специалисты в группе поиска решили сначала вынуть всех животных, а потом уже сообщить в Москву. Чего только не передумали здесь за это время! А животные оказались все живы...

Начиная с 1973 года в космосе побывало уже семь биоспутников серии «Космос». Неожиданностей становится теперь все меньше. Увеличивается число работ по международной программе. К советским исследователям присоединились ученые социалистических стран, Франции, США... Биоспутники уходят в космос, чтобы безопасно мог там работать человек.

— Сегодня люди живут и работают в космосе подолгу, достаточно вспомнить 237-суточный полет советских космонавтов. Что дает врачам уверенность разрешать столь длительные полеты? Что делает специалистов по космической медицине столь смелыми? — спрашиваю я директора Института медико-биологических проблем академика О. Г. Газенко.

Разговор наш происходит в «святая святых» института — в Центре сбора и обработки медицинской и биологической информации, поступающей сюда с советских космических кораблей, орбитальных станций и биоспутников.

— Постоянный, точный контроль за состоянием космонавтов, умение дать прогноз развивающихся событий и, наконец, возможность немедленно прекратить полет, если здоровье экипажа этого потребовало,— отвечает ученый.— Знание, техника и опыт делают нас, как вы сказали, «смелыми», а я бы определил так: уверенными, что не проглядим нюансов, угрожающих здоровью космонавта.

Олег Георгиевич Газенко занимается космической медициной, по существу, с первых ее шагов. В те годы было сенсацией, когда в добром здравии возвратились на Землю Белка и Стрелка — «космические» собачки. Мне довелось тогда брать по этому поводу интервью у Олега Георгиевича, молодого кандидата биологических наук. Полет Юрия Гагарина был еще впереди. А теперь 237-суточная работа людей в космосе стала пройденным этапом.

— И все-таки, Олег Георгиевич, мы знаем о поведении живого организма в космосе еще далеко не все. Что поможет заглянуть за эту грань неизвестности?

— Наука. Исследования на Земле и в космосе. В частности, на биоспутниках. Здесь мы получаем данные о тонких процессах в живом организме не косвенными, а прямыми методами, при помощи вживляемых электродов, всевозможных датчиков.

...На советских биоспутниках летали в космос растения, одноклеточные организмы, фаги, мыши, крысы, собаки, обезьяны. Черепахи даже облетели вокруг Луны.

Человек пытается разгадать, возможна ли жизнь в космосе вообще, каковы границы и пределы жизни, как влияет на человека, животных, растения гравитация, земное притяжение. Здесь еще много тайн, и высшая задача науки, разгадывая тайны, открывая истину,— служить человеку.

За размышлениями и воспоминаниями, от которых холодком теснило в груди, не заметил, как приблизились к повороту на Гжатск. Только обратил внимание, что чем ближе к Вязьме, тем магистраль становилась оживленнее: в сторону фронта шли груженые машины, маршевые роты, артиллерийские батареи на тракторной и конной тягах. Небо над дорогой казалось низким от мглы и дымки. Временами то впереди, то сзади слышались раскаты бомбежек. Но машинам генерала армии Жукова удалось избежать встречи с немецкими самолетами, и вскоре, свернув вправо с Минской магистрали, они оказались в лесу меж Гжатском и небольшой деревушкой. Здесь, под лесным покровом, и частично в деревне располагался штаб Резервного фронта, в котором по приказу Ставки были объединены резервные армии и армии фронта Можайской линии обороны, за исключением 29-й и 30-й армий, уже действовавших в составе Западного фронта.

Начальник штаба фронта генерал-майор Ляпин и начальник артиллерии генерал-майор Говоров ждали приезда Жукова. Об этом свидетельствовал накрытый к обеду стол под бревенчатым тентом, натянутым рядом с «подземельями» командного пункта.

За обеденным столом сидели и беседовали недолго. Понимали друг друга с полуслова. Жуков давно знал обоих генералов как мастеров военного дела высокого класса. Сказав им об этом в дружеском порыве, он тут же предупредил, что ждут их вместе с ним тяжкие испытания, хотя бы потому, что противостоящая группировка немцев превосходит силы Резервного фронта, располагает мощными танковыми кулаками и постоянной авиационной поддержкой.

Затем спустились в главное, хорошо освещенное помещение командного пункта. Расчерченные цветными карандашами карты на бревенчатых стенах и на подставках ничего особенно нового не сказали Жукову, и он, посмотрев в хмурые от тревог лица Ляпина и

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Говорова, предложил сейчас же ехать в штаб 24-й армии генерала Ракутина.

Георгию Константиновичу казалось, что даже не в штабе армии, сдерживающей и контратакующей своими слабо укомплектованными дивизиями противника, который рвется на восток из Ельнинского выступа, а непосредственно на командных пунктах их командиров он сумеет постигнуть какую-то главную истину, вещественно, материально-зримо ощутит противника и найдет ведущую мысль, которая подскажет нужные решения. А решений надо было принять много. Важнейшее — необходимо найти единственно разумное применение наличествующих войсковых соединений; и чтоб эта разумность стала очевидной для всех командиров и их штабов, ибо в атмосфере предельного напряжения физических и нравственных сил людей очень важно непременно устремить их к единому, ясному всем замыслу, который пока надо будет держать в строжайшем секрете. И необходимо требовательным взглядом посмотреть на командиров — все ли на своих местах, нет ли среди них недоумков, не способных извлекать опыт из боевой повседневности, понапрасну губящих человеческие жизни.

Огромное солнце, будто налившись вишневым соком, медленно погружалось за далекий горизонт. Когда оно с оживленной шоссейной магистрали, по которой ехали машины командования Резервным фронтом, стало из-за лесов невидным, лишь залив тусклой крас-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—29.

МОСКВА, 41-й

нотой небо, всем показалось, что это не закат, а еще один далекий пожар, подобно тем, которые багрово отсвечивали где-то в стороне Ельни, западнее Вязьмы и над Ярцевом. Гнетущее это было зрелище, от которого невозможно оторвать заледенелый взгляд, как от текущей крови.

Поздним вечером приехали в штаб 24-й армии. Лес, блиндажи, землянки, часовые вокруг, щели в земле, поваленные бомбежкой деревья. Руководство армии уже ждало приезда Жукова и его свиты: встречало у шлагбаума — лесного контрольно-пропускного пункта. Георгий Константинович рассеянно выслушал представлявшегося ему командующего 24-й армией генерал-майора Ракутина, рядом с которым стояли какие-то люди с темными от сумерек и казавшимися одинаковыми лицами. Не дождавшись конца доклада, в котором слышалось волнение командарма, он, стараясь быть дружелюбным, перебил его:

— Поедем знакомиться при свете. А то мы будто на посиделках при каганце с девчатами общаемся — на ощупь.

— А вам случалось такое, Георгий Константинович?— с веселостью в голосе спросил обычно не всегда склонный к шуткам генерал Говоров.

— А почему ж нет?— засмеялся Жуков.— Корни мои — деревенские. Правда, жениться начал в Москве, когда у дядьки осваивал скорняцкое дело и почувствовал в руках надежную профессию.

Через несколько минут подъехали к блиндажу командарма и спустились в его просторные, хорошо освещенные и укрытые многими накатами могучих бревен глубины. Здесь тоже все было готово к докладу оперативно-тактической обстановки в полосе 24-й армии. Это Жуков отметил с удовлетворением — карты и прочность блиндажа; ведь из Москвы все здесь виделось куда более зыбким, ненадежным, неустоявшимся.

— Ну вот, это другое дело,— баритонально произнес Георгий Константинович, всматриваясь в незнакомые лица окружавших его людей.

Сорокалетний генерал-майор Ракутин Константин Иванович был в форме войск НКВД, так как ранее служил в пограничных войсках. Высокий, физически крепкий блондин, он производил впечатление волевого и энергичного человека. В его взгляде было что-то дерзкое, несколько самоуверенное.

Отметив это как обнадеживающие в военном деле приметы, Жуков перевел взгляд на поднявшего к козырьку руку члена Военного совета армии дивизионного комиссара Абрамова Константина Кириковича. Большие проницательные глаза Абрамова будто смотрели в самую душу и вопрошали неизвестно о чем. Видимо, немало тяжкого повидали уже они на Смоленской земле, немало переплавилось боли, сомнений, надежд в его сердце. Сразу же хотелось верить, что человек этот крепок, надежен и понимает свою роль здесь как главного представителя партии.

Ощущение Абрамова как личности особенно передалось Георгию Константиновичу при взаимном рукопожатии — крепком, истинно мужском. Даже по малым приметам Жуков умел угадывать человеческие натуры.

Был здесь и начальник политотдела батальонный комиссар Моисеев, державшийся при «высоких чинах» с некоторой застенчивостью, но не без сознания своей не последней роли в сложном войсковом организме.

Затем началось самое главное: знакомство с оперативно-тактической обстановкой на участке фронта 24-й армии.

— Докладывайте,— коротко сказал Жуков, обращаясь к Ракутину и будто смущаясь своей естественной суровости, прозвучавшей в его голосе.

Уловив эту суровость, генерал Ракутин чуть смешался и начал говорить с некоторой неуверенностью. Но Жуков не обращал на это внимания. Он знал, что не всем командирам и генералам, работавшим ранее в пограничных войсках, присуще разбираться в оперативном искусстве во всех его сложностях и тонкостях — они мастера своего дела.

Ничего особенно нового не почерпнул из доклада Ракутина генерал армии Жуков. Хмуро всматривался в карты, схемы, сводки, мысленно анализируя ситуацию, как она складывалась. Все было сложно и в то же время просто. 2-я немецкая танковая группа, прорвав нашу оборону южнее Смоленска и захватив 19 июля Ельню, позволила своему командованию создать важный, хорошо укрепленный плацдарм, с которого планировалось возобновление наступления на Москву. На плацдарме, по данным войсковой разведки, противник сосредоточил семь пехотных и несколько танковых и моторизованных дивизий. Попытки 24-й армии встречными ударами под основание Ельнинского выступа окружить и уничтожить вражескую группировку пока ни к чему не привели. Рубежи обороны противника выгодно отличались от наших исходных позиций рельефом местности: нейтральные полосы были открытыми, что позволяло неприятелю успешно отражать атаки советских войск и наносить им немалые потери. Враг и сам пытался атаковать, особенно в районе деревни Ушаково вдоль шоссе Ельня — Дорогобуж.

И еще обратил внимание Жуков на прочность вражеских оборонительных укреплений, состоявших из трех поясов. Траншеи полного профиля, пулеметные гнезда, дзоты с установленными в них крупнокалиберными пулеметами и пушками, закопанные танки и бронемашины. Между оборонительными поясами громоздились витки спиральных и колючих проволочных заграждений и таились замаскированные мины. Каждая занятая противником деревня была превращена им в самостоятельный опорный пункт, связанный взаимной огневой поддержкой с другими подобными пунктами. Невозможно было нащупать перед вражеской обороной хоть метр пространства, который бы не простреливался перекрестным огнем.

Удрученным, глубоко озабоченным вернулся генерал армии Жуков в штаб своего фронта.

Позвонил начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову, кратко изложил обстановку в районе Ельнинского выступа, спросил, нет ли возможностей усилить 24-ю армию артиллерией, реактивными минометами и танками.

— Насчет усиления будем думать и вести расчеты,— грустно, тихим голосом ответил Борис Михайлович.— А по поводу ваших первых решений, Георгий Константинович, то я полагаю, что вы намерены самолично прощупать оборону немцев...

Жуков про себя даже рассмеялся, так ему была знакома эта манера маршала Шапошникова подсказывать кому-либо лучшее оперативное решение. При докладах командующих или начальников штабов Борис Михайлович вносил поправки или давал рекомендации именно таким образом:

«Я вас понял так, что вы предлагаете...» — и так далее. Тот, кто докладывал, обычно делал после этого паузу, соображая: «Что тут? Не подвох ли?» А когда начинал понимать, что маршал подсказывает ему лучший вариант, поспешно отвечал утвердительным «да».

Генерал армии принял решение усилить 24-ю армию частями Резервного фронта, превратить ее в армейскую группировку, перед которой ставилась задача встречными ударами дивизий под основание Ельнинского выступа окружить и уничтожить соединения противника и в дальнейшем продолжать наступление на запад.

Радужные надежды грели суровое солдатское сердце Георгия Константиновича Жукова, но пока им не было суждено сбыться.

36

В эти тяжкие, опасные для Советского Союза недели лидеры ведущих империалистических держав возвращались мыслями в те времена, когда ими вершилась предательская акция мюнхенского сговора, преследовавшая цель всевозможными уступками, поблажками и науськиваниями умиротворить Германию... Не оправдались надежды владык мира золотого тельца. Взращенное ими дитя — германский фашизм — начало не только алчно разевать клыкастую пасть, требуя все новых территорий для своего владычества, но и хищно запускало когти в территории смежных государств, в том числе и в гриву английского льва. А сейчас вся надежда сторонников антибольшевизма возлагалась на то, что в схватке с Советским Союзом фашистская Германия и ее сообщники не только раздавят Страну Советов, созданную Лениным и его большевистской партией, но и сами иссякнут, выдохнутся, и Германия перестанет существовать как реальная угроза для других государств планеты. В то же время терзала некоторых буржуазных лидеров тревога: а если СССР рухнет, не обескровив гитлеровские армии, или вдруг пойдет он на заключение мирного договора с Германией, смирившись с территориальными потерями?.. Тогда, несомненно, наступят черные дни вначале для Великобритании, а потом... За этим «потом» таились все новые опасения и бедствия многих государств и материков.

Неуютно чувствовали себя и Соединенные Штаты Америки, опасаясь того, что Япония нападет на Советский Союз, утвердится в Сибири, усилит этим свой военный потенциал, а затем поднимет могучий кулак, угрожающий Америке, а также ее и английским колониям.

Все это, вместе взятое, заставило президента США Франклина Рузвельта и главу английского правительства Черчилля непрестанно обмениваться точками зрения на остро беспокоившую их военно-политическую ситуацию в мире.

В разгар общих тревожных предвидений в середине июля Рузвельт послал в Англию Гарри Гопкинса — одного из наиболее энергичных сторонников своей политики так называемого Нового курса. Встречи и беседы Гопкинса с Черчиллем, с другими высокопоставленными лицами английского правительства привели его к выводу, что принимать какие-либо решения по избавлению мира от фашистской угрозы можно будет только после того, когда станет ясно, как долго продержится под напором германских армий Советский Союз. И Гопкинс вдруг решил, что ему надо непременно побывать в Москве, встретиться со Сталиным и лично от него получить ответы на главные вопросы времени, уяснить для себя, чтоб затем дать Рузвельту и Черчиллю информацию о возможностях СССР к сопротивлению и о том, действительно ли его положение столь катастрофично, как об этом сообщает из Москвы своему президенту американское посольство. Но лететь в Москву без разрешения Рузвельта и без каких-либо его полномочий Гопкинс не мог, и поэтому 25 июля 1941 года он послал в Белый дом телеграмму, в которой запрашивал: «...Я хотел бы знать, сочтете ли вы важным и по-

лезным, чтобы я поехал в Москву... Мне кажется, что нужно сделать все возможное и обеспечить, чтобы русские прочно удерживали фронт, даже если их разобьют в нынешнем сражении. Если на Сталина можно как-то повлиять в критический момент, я думаю, это стоило бы сделать путем прямого обращения от вашего имени через личного представителя. Мне кажется, что на карту поставлено так много, что это следует сделать».

Телеграмма была большой, затрагивавшей и ряд других вопросов. В ее конце многозначительно звучала фраза: «Настроение здесь у всех бодрое, но англичане понимают, что события в России дают им лишь временную передышку».

На второй день вечером пришел ответ от Рузвельта. Президент Америки одобрял идею Гопкинса о посещении им Москвы. В телеграмме также сообщалось: «Сегодня вечером я вам отправлю послание для Сталина».

В Москве, в Наркомате иностранных дел СССР, узнали о предстоящем визите Гарри Гопкинса — личного представителя президента США Рузвельта — от послов Англии и США в СССР и из телеграммы советского посла в Англии Майского Ивана Михайловича, который характеризовал Гопкинса как одного из наиболее энергичных сторонников новой рузвельтовской политики. Гопкинс, как информировал Майский, активно претворял эту политику в жизнь; уже в начале второй мировой войны он стал видным государственным деятелем и дипломатом, игравшим большую роль в выработке многих решений правительства США. Как личность, он был целеустремлен и пунктуален, но не отличался крепким здоровьем.

Таким образом, руководители Америки, Англии, а затем и СССР пришли к единому мнению, что миссия Гарри Гопкинса в Москву — одна из самых необычайно важных и ценных за весь период второй мировой войны. Правда, посол Майский узнал об этой тайной миссии после Черчилля, но пока Гопкинс находился в пути к Архангельску, телеграф безотказно сделал свое дело.

Уже имел при себе важную телеграмму и Гарри Гопкинс, которую прислал ему в день отъезда в Москву исполняющий обязанности государственного секретаря США Сэмнер Уэллес. В ней, в частности, говорилось:

«Президент просит вас при первой встрече с г-ном Сталиным передать ему от имени президента следующее послание: «Г-н Гопкинс находится в Москве по моей просьбе для того, чтобы обсудить с вами лично или с другими официальными лицами, которых вы, возможно, назначите, жизненно важный вопрос о том, как мы можем наиболее быстро и эффективно предоставить помощь, которую Соединенные Штаты способны оказать вашей стране в ее великолепном сопротивлении вероломной агрессии гитлеровской Германии...»

И далее:

«Я прошу вас относиться к г-ну Гопкинсу с таким же доверием, какое вы испытывали бы, если бы говорили лично со мной. Он сообщит непосредственно мне о ваших взглядах, которые вы ему изложите, и расскажет мне о том, что вы считаете самыми срочными отдельными проблемами, по которым мы можем оказать помощь.

Разрешите мне в заключение выразить общее для нас всех в Соединенных Штатах восхищение замечательной храбростью, проявленной русским народом в деле защиты своей свободы, в борьбе за независимость России. Успех вашего народа и всех других народов в противодействии агрессии Гитлера и его планам завоевания мира ободряет американский народ».

На второй день после прибытия Гопкинса в Москву американский посол Лоуренс Штейнгардт в 18 часов 30 минут повез его в Кремль для встречи со Сталиным.

Это было 30 июля 1941 года.

Сталин, назначив время для приема личного представителя президента США, за два часа до этого пригласил к себе наркома иностранных дел СССР Молотова для определения единых точек зрения на проблемы, которые будут затронуты в беседе с Гарри Гопкинсом, а также для короткого анализа отношений Америки и Англии с СССР за последние годы, что бы можно было предполагать об их дальнейшей международной политике.

Сталин был не в духе после вчерашнего запальчивого разговора с генералом армии Жуковым и сегодняшнего доклада Жукова о сдаче им поста начальника Генерального штаба и доклада маршала Шапошникова о вступлении на этот пост — самый тяжкий сейчас в армии, как понимал Сталин, и самый горячий. При плохом настроении, когда Сталин находился в кабинете один, он иногда приближался к окну и задумчиво рассматривал украшенное лепными военными атрибутами двухэтажное здание Арсенала, стоявшего напротив. Вдоль его фасада чернели отверстиями стволы пушек, отбитых русскими войсками у армии Наполеона. Редко расставленные парные окна с глубокими откосами говорили о внушительной мощи стены двухметровой толщины.

Над крышей закамуфлированного, как и весь Кремль, Арсенала плавилось в сизой дымке поднебесья клонящееся к западу солнце.

Сталин отошел от окна и направился к своему столу. В это время открылась дверь и в ней показался Молотов — как всегда, в хорошо наглаженном костюме, сегодня темно-сером, с четкими стрелками на брюках и на рукавах пиджака. Старательно выбритое, моложавое лицо его было сумрачным, глаза смотрели из-под пенсне с золотой прищепкой несколько утомленно.

— Будем готовиться к приему американца?— спросил Сталин будто у самого себя и тут же продолжил:— Хорошо бы мы выглядели перед ним, если б объявили, что сдаем врагу Киев и отводим войска за Днепр, как предложил вчера Жуков.

Молотов ничего не ответил и присел на близкий к Сталину край стола для заседаний. Положил перед собой папку, раскрыл ее, приготовился для разговора.

Сталин вдруг хмыкнул, тихо засмеялся. Почувствовав на себе вопросительный взгляд Молотова, пояснил причину своего неожиданного веселья:

— Понимаешь, звонит недавно по параллельному телефону Поскребышева его дочурка. Я поднял трубку. «Папа,— говорит,— помоги решить задачку». Нету, говорю, папы, я его по делу услал. Давай я помогу. Прочитала она мне условия задачки и в тупик поставила. Дурацкая задача: в бассейн втекает вода по трубе с одним сечением, а вытекает из него по трубе с бо́льшим диаметром. И спрашивается: сколько воды вытекает из бассейна за минуту... Там, разумеется, есть и наводящие данные.

— Не решил?— Молотов довольно улыбнулся.— Тут дело в том, на одном ли уровне трубы. Если на одном, то сколько воды втекает в бассейн, столько и вытекает.

— Зачем же зря воду расходовать?— Сталин засмеялся уже совсем весело. Вдруг посерьезнев, спросил: — А мы с тобой не будем сегодня лить воду на мельницу империалистов?

— Не должны,— ответил Молотов и опять улыбнулся.— Во всяком случае, будем держать трубы на одном уровне.

— Это в зависимости от того, насколько посланец Рузвельта проявит искренность,— сказал Сталин, и в его словах прозвучала тревога.

И будто сам его кремлевский кабинет наполнился тревогой и напряженным ожиданием.

— Коба,— Молотов посмотрел на Сталина тем деликатно-требовательным взглядом, который должен был заставить его сосредоточить внимание.— Наберись, Коба, терпения и послушай все то, что мы у себя, в Наркомате иностранных дел, вычислили путем анализа политики Черчилля и Рузвельта. В наших переговорах с ними надо все время помнить об их прежних внешнеполитических коктейлях и, возможно, в какой-то мере исходить из этого, строя каркасы сегодняшних взаимоотношений с ними. Начинаем почти на пустом месте.

— Ты полагаешь, что я плохо знаю Черчилля?— недовольно отозвался Сталин, усевшись за свой стол.

— Надо оглянуться на события в их последовательности.

— Ну хорошо. Только давай в общих чертах.

— Итак, о Черчилле. В свои шестьдесят семь лет он еще достаточно энергичен. Его политическое кредо заключается в формуле: «Британская империя — начало и конец всего». Он принимает в штыки все, что хоть отдаленно напоминает о социализме. К нам, как ты знаешь, у него закоренелая вражда, которую он демонстрирует с необыкновенным, до смешного, темпераментом. В девятнадцатом — двадцать первом годах, будучи военным министром Англии, Черчилль возглавил «крестовый поход» против большевиков. Это стоило нам ряда лет тяжелой войны. Сто миллионов фунтов стерлингов потратила английская казна для организации военной, политической и экономической блокады молодой Советской Республики. Только революционное настроение рабочего класса Европы не позволило ему послать против нас миллионную армию интервентов.

— Да, все это еще свежо в памяти,— перебил Сталин Молотова.— Ты сейчас, вероятно, напомнишь и о налете в Лондоне на советскую хозяйственную организацию «Аркос». Это привело в двадцать седьмом году к разрыву наших дипломатических отношений с Англией.

— Верно,— согласился Молотов.— А идея Черчилля об организации в тридцать пятом антисоветского блока западных держав?..

— К какому же выводу приходит наш наркомат иностранных дел на фоне заявления Черчилля о солидарности Англии с СССР в войне против фашистской Германии?— Сталин поднялся из кресла, подошел к сидевшему за столом заседаний Молотову и стал вместе с ним смотреть в бумаги, разложенные на зеленом сукне.

— Полагаю, товарищ Сталин, что мы не ошибемся, если расценим нынешнюю политику Черчилля как маневрирование в отношении нашей страны. Он ставит перед собой задачу, во-первых, вести войну против Германии по возможности за счет СССР, стремясь до крайности ослабить нас. У него дальний прицел: если гитлеровская Германия будет повержена, а мы в это верим, то у нас не должно быть никаких возможностей оказаться на Балканах и в Центральной Европе... Следовательно, добиваясь от Англии открытия второго фронта, нам следует помнить, что Черчилль долго будет играть в прятки.

— А теперь давай соотнесем политику Черчилля с поведением Рузвельта,— предложил Сталин.— Надо полагать, они вырабатывают общую военно-политическую платформу.

Молотов вздохнул, посмотрел на часы над дверью кабинета и перелистал несколько страниц: близилось время, когда в Кремль прибудет Гарри Гопкинс. И продолжил:

— С Рузвельтом было бы проще, если б после провокации финской военщины и в ходе нашего военного конфликта с Финляндией Рузвельт своим провозглашением «морального эмбарго» не дал сигнала к бешеной антисоветской кампании в США...

— Надо не забывать, что он, видимо, не безучастным был и в подготовке мюнхенского сговора. Иначе послы США — Кеннеди в Лондоне, а Буллит в Париже — со страстной активностью не содействовали бы Чемберлену и Даладье.

— Да, этого забывать нельзя,— согласился Молотов.— Но вся общая историческая панорама деятельности Рузвельта на посту президента США по отношению к СССР все-таки просматривается как более или менее положительная. Ты, товарищ Сталин, отметил это еще в тридцать четвертом году в беседе с английским писателем Гербертом Уэллсом. Говоря о выдающихся личных качествах Рузвельта, ты заявил тогда, что, несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт — самая сильная фигура. Эти твои слова облетели весь мир. И для такой оценки был повод хотя бы потому, что за год до беседы с Уэллсом правительство Рузвельта признало СССР, против чего выступали все прежние правительства Америки. Сам Рузвельт всячески способствовал улучшению советско-американских отношений. Рузвельт также не раз пытался образумить Гитлера в его агрессивной политике.

— Хорошо.— Сталин явно торопил Молотова.— Вернемся в сегодняшний день. Что нам известно?

— Погоди, погоди.— Молотов с укором и значительностью во взгляде посмотрел на Сталина.— Я хочу напомнить, что в администрации Рузвельта, в госдепартаменте США, существуют сильные группировки, которые противятся оказанию помощи СССР и выступают в под-

держку Гитлера под лозунгом: «Фашистская Германия — единственный оплот против большевиков»... Бывший президент Америки Герберт Гувер, как тебе известно, заявил, что цель его жизни — уничтожение Советской России. И он там не одинок с этой своей «целью». Заодно с Гувером, Трумэном, Херстом — многие английские реакционеры. Посол Англии в США лорд Галифакс тоже высказывается за поддержку Гитлера... А потом нельзя забывать сведения, добытые нашей разведкой. Нам известно, что тридцать первого января этого года Черчилль в послании президенту Турции доказывал необходимость присутствия на Среднем Востоке мощных сил английских бомбардировщиков, способных атаковать нефтеразработки в Баку. Даже перед самым нападением на нас Германии планы бомбардировки Баку из района Мосула рассматривались как весьма реальные, а в середине июня английский комитет начальников штабов принял решение о подготовке этой операции.

— Сейчас Черчилль, видимо, не пойдет в одной упряжке с Гитлером.— Сталин подошел к своему столу, взял папиросу и, не набивая, как обычно, табак в трубку, закурил ее.

Молотов между тем продолжил, не отрывая взгляд от бумаг:

— Несколько дней назад, двадцать седьмого июня, как информировало из Вашингтона наше посольство, орган Херста «Нью-Йорк джорнел Америкен» писал: «Россия обречена, и Англия с Америкой бессильны предотвратить ее быстрый распад под ударами нацистского блицкрига».

— Да, этот факт тоже заслуживает внимания,— заметил Сталин чуть осипшим голосом.

— Наш наркомат располагает сведениями,— бесстрастно продолжал Молотов, взяв в руку документ,— что военный министр США в своем письме президенту Рузвельту утверждает: «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей России». Представители английской военной верхушки вторят американцу... Цитирую... «Возможно, что первый этап, включая оккупацию Украины и Москвы, потребует самое меньшее три, а самое большее шесть недель или более...» Предполагаю, что все они основываются на панических сообщениях из Москвы военного атташе США Айвена Итона: СССР, мол, стоит над пропастью неизбежного военного поражения.

— Какой вывод делают они при виде «катастрофы СССР»? — Сталин зашагал вдоль стола, опустив голову. Казалось, он уже знал ответ Молотова.

— Ясно, какой: они радуются, что этим спасена Англия — ни о каком вторжении Германии на Британские острова сейчас не может быть и речи. Английские власти тоже вздохнули с облегчением, сделав вывод, что попытку вторжения Гитлера в Соединенное Королевство можно считать временно отсроченной.

— Временно? — Сталин остановился и с усмешкой посмотрел в окно.— Вот отсюда надо и плясать, как от печки.

— Да, но в то же время почему англичане не открывают нам цели перелета к ним Рудольфа Гесса? Ведь несомненно, с этим посланцем Гитлера у них ведутся переговоры, вырабатываются условия сделки с гитлеровской Германией, несмотря на то, что недавно мы подписали соглашение с Англией. Правительство Черчилля пока ничего не сделало, чтоб рассеять эти наши подозрения.

— Но тут есть еще одна загадка.— Сталин сделал нажим на слово «еще». — Ведь англичане могли скрыть от всего мира, в том числе и от нас, что к ним перелетел ближайший компаньон Гитлера по разбою Рудольф Гесс.

— У них трудно такие вещи скрыть от прессы.

— Возможно, — согласился Сталин. — Однако интуиция подсказывает мне, что сейчас наступает перелом в наших отношениях с Англией и Америкой. Ведь вопрос жизни или смерти: над всем миром нависли тучи фашизма. Мы — главная ударная сила, которая способна сокрушить фашизм.

— Как ты предлагаешь держать себя с этим Гопкинсом? — спросил Молотов.

— Будем ориентироваться по его позициям и помнить, что, как мы уже здесь говорили, нашим союзникам, а они должны стать союзниками в нашем противоборстве с фашистской Германией, ясна временность отсрочки угрозы им фашизма. — Сталин остановился перед Молотовым и, выдохнув к потолку табачный дым, продолжил: — Будем держать все в уме, о чем мы здесь сейчас размышляли. Переговоры начнем с чистого листа, будто наши взаимоотношения с Западом только начинаются. Раз к нам едут, значит, что-то предложат.

— Да, видимо, другой позиции у нас быть не должно, — согласился Молотов.

Сталин подошел к книжному шкафу и взял один из сборников сочинений В. И. Ленина. Посмотрел оглавление, открыл нужную страницу и с притушенной торжественностью произнес:

— Владимир Ильич не исключал во внешней политике тех шагов, которые мы сейчас предпринимаем. Он не отрицал возможности,— и далее Сталин начал читать: — «...военных соглашений с одной из империалистических коалиций против другой... когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы...»

— Уже тогда Ленин заботился о нашем будущем, — раздумчиво сказал Молотов. — Вот что значит сила предвидения.

Продолжение следует.

Навстречу XXVII съезду КПСС

БЫТЬ НА ЗЕМЛЕ ХОЗЯИНОМ

В. КАЗНАЧЕЕВ,
второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС

Беседе с Виктором Алексеевичем Казначеевым предшествовали впечатления и раздумья многолетней давности. Лет двадцать с небольшим назад село Ирганлы слыло на Ставрополье как одно из самых что ни на есть бросовых, бедоложных мест. В зной раскаленная, обдуваемая горячими степными ветрами земля; непролазные хляби в непогоду; бездорожье, бескормица, падеж скота, «урожайность» зерновых семь-восемь центнеров с гектара, а отсюда громадные суммы задолженности колхоза государству... Довелось в те годы побывать там и мне, тогда комсомольскому журналисту. Помнится, разбирала пришедшее в газету письмо о том, что в местную школу не явились по распределению молодые учителя. Дезертировали, значит. С тяжелым чувством возвращалась я тогда в краевой центр. Казалось, нет такой силы, которая могла бы поднять это село, затерявшееся в неоглядной степи со своими бедами и прорехами, вывести колхоз из прорыва. И вдруг, читая материалы октябрьского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС, вижу знакомые названия: «Орошение буквально преобразило даже такие извечно бесплодные земли, как Ногайская степь в Ставрополье. В колхозе «Путь к коммунизму», которым руководит тов. Н. Д. Терещенко, после создания оросительной системы урожайность многолетних трав и силосных культур поднялась до 128 центнеров кормовых единиц, тогда как раньше составляла всего 5 центнеров. Втрое возросла урожайность зерновых».

Подумалось: неужели те самые Ирганлы! Что же, произошло чудо в этом хозяйстве, которое теперь ставят в пример всей стране! Как удалось этого добиться?!

С такого вопроса и началась моя беседа со вторым секретарем Ставропольского крайкома КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР Виктором Алексеевичем Казначеевым.

— Чудо это рукотворное. Имя ему — орошение. Вода для засушливых районов Ставрополья всегда была жизненно важной проблемой, вековой мечтой хлебороба. Именно в этих местах сказочный образ «живой воды» получал свое реальное воплощение, пробуждая к жизни и плодородию десятки, сотни, тысячи гектаров земли, веками погруженной в знойную дрему.

Вот почему в нашем крае с особым удовлетворением встретили принятую октябрьским (1984 года) Пленумом ЦК КПСС долговременную программу мелиорации, а также решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему развитию орошаемого земледелия в Ставропольском крае.

Но, конечно же, вода отнюдь не волшебная палочка. Здесь хорошо понимают, что орошение само по себе не только не снижает требований к организации труда, но, напротив, требует еще более высокого уровня хозяйствования, глубокого научного подхода к использованию резервов и возможностей. Надо сказать, что в одиннадцатой пятилетке, а в 1984 году в особенности, ставропольцы добились немалого. Если за всю десятую пятилетку за счет увеличения производительности труда было получено 52 процента прироста объема продукции, то в минувшем году — свыше 87 процентов при значительной экономии топливно-энергетических ресурсов. В агропромышленном комплексе благодаря совершенствованию хозяйственного механизма, внедрению интенсивных технологий, лучшему использованию орошаемых земель и переходу большинства подразделений в колхозах и совхозах на коллективный подряд получен самый большой объем валовой продукции сельского хозяйства за всю историю края. По зерновым план четырех лет пятилетки ставропольцы перевыполнили и засыпали в закрома Родины 160 тысяч тонн зерна преимущественно сильных и твердых пшениц сверх задания. Перевыполнены планы также по овощной продукции и животноводству.

В крае разработана и осуществлена большая программа социального, экономического развития села. За четыре минувших года в селах построены новые школы, поликлиники, детские сады и почти два миллиона квадратных метров жилья — на треть больше, чем за всю десятую пятилетку! У сельских семей появился устойчивый интерес к личным подсобным хозяйствам, количество которых превышает 450 тысяч. Каждое из них в среднем производит более шести центнеров молока, 311 килограммов мяса и 1418 яиц. Неплохая прибавка к общенародному столу и к собственному благосостоянию.

Что и говорить, эти цифры и факты не могут не радовать. Однако они не дают оснований для самоуспокоенности. Рядом с новым, передовым заметнее становится все старое, отсталое, и необходимость изживать его со всей остротой диктуется сегодняшним днем.

Недавно коммунисты края, обсуждая итоги апрельского (1985 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС, с озабоченностью говорили о том, что в ряде районов урожайность за последние годы снизилась, в результате 48 хозяйств закончили прошлый год с убытками, а около ста — почти нерентабельны.

Поэтому краевой комитет партии настойчиво ориентирует партийный актив, руководителей колхозов и совхозов, специалистов на всемерное распространение передового опыта хозяйствования и организаторской работы. А такой опыт имеется, по сути, в каждом районе.

Покажу это на примере все того же колхоза «Путь к коммунизму», которым вот уже четверть века руководит кандидат в члены ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда Николай Дмитриевич Терещенко. Стабильные успехи этого хозяйства в самой засушливой зоне края достигаются благодаря тому, что здесь блага мелиорации десятикратно умножаются применением передовых приемов и методов организации производственных процессов в сочетании с массовым коллективным подрядом, на котором все подразделения работают уже десять лет.

И вот плоды. Если в среднем на одного механизатора в колхозах и совхозах края приходится 90 гектаров пашни, то в колхозе «Путь к коммунизму» 148 — в полтора раза больше. В то же время заработной платы на один гектар здесь выплачивается вдвое меньше, чем в среднем по краю, меньше и общий ее фонд. Однако сам средний заработок механизаторов в колхозе «Путь к коммунизму» выше, чем где бы то ни было на Ставрополье, потому что обрабатывается земля меньшим числом людей. Это убедительный пример того, насколько выгоден и государству, и работнику рост производительности труда.

— Виктор Алексеевич, партийные документы подчеркивают особую ответственность руководителей за «пересоздание» человека. Вырисовывается образ, тип современного руководящего работника, как человека, несомненно, незаурядного, обладающего организаторским даром, перспективным мышлением, глубоким знанием экономики. Многие партийные и советские работники имеют высшее экономическое образование. А иные из них уже в процессе работы получали вторые дипломы экономистов, агрономов, зоотехников. Это лишь один из аспектов кадровой политики на Ставрополье. А что же все-таки в ней главное?

— Постараюсь ответить. В людях, работающих заинтересованно и сознательно,— главный, по сути, неисчерпаемый резерв. В последние годы, когда увеличился объем, обогатилось содержание экономической работы нашей партии, в этой работе существенно возросло внимание к тому, что принято называть человеческим фактором производства. Сейчас, когда назрела необходимость в глубоких качественных сдвигах во всех сферах общества, приобрела особое звучание проблема кадров. Вот почему Центральный Комитет ставит вопрос не просто об улучшении работы с кадрами, а о кадровой политике на современном этапе.

Известно, что в своей работе с кадрами партия исходит из того, что подавляющее большинство их честно исполняет свой партийный и служебно-профессиональный долг, пользуется заслуженным авторитетом у трудящихся за самоотверженность в труде, личную скромность, справедливость и внимание к людям...

Очень важно, чтобы руководитель постоянно помнил, ради чего,

Заготовки кормов в совхозе «Донской» Труновского района.

ради кого он работает, чтобы знания его были приложены к таланту работать с людьми, вести их за собой. Можно быть хорошим специалистом, но если люди к тебе не тянутся, не доверяют, не будет успеха делу. Давайте снова вспомним о Николае Дмитриевиче Терещенко. Я знаю его добрых четверть века. Все мы внимательно следим за его успехами, закономерность которых заложена в его судьбе, характере.

Работать начал с тринадцати лет. Отец погиб на фронте, мать трудилась на оборонных объектах. Мальчишка, помогая чабанам, был прицепщиком, выучился на тракториста. Кончилась война, вернулся в школу, потом поступил в ветеринарный техникум. Там и нашла Николая первая награда — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В 1951 году вступил в партию, заочно окончил сельскохозяйственный институт. Несколько лет успешно работал главным государственным инспектором по заготовкам — была в те годы такая должность, а в 1961 году обратился в партийные органы с просьбой направить его в одно из самых отстающих хозяйств, которым и оказался нынешний знаменитый колхоз.

Что двигало тогда молодым коммунистом? Уж никак не соображения карьеры, «вычисленного» успеха. Его толкали на трудный участок тоска по живому, конкретному делу, личная, если можно так выразиться, тяга к созиданию. Ну, «орешек» ему достался крепкий. Прежде всего надо было привлечь людей, победить их инертность, неверие, а порой и недобросовестность. «Умудренные» годами разочарований и разгильдяйства, многие иргаклинцы жили по принципу: «Что не дали на трудодень, возьмем за «трудночь». Председатель объявил беспощадный бой «растащиловке», повел за собой наиболее принципиальных и совестливых. А потом пришла вода, и тут-то Терещенко с блеском развернулся как смелый, рачительный, современно мыслящий хозяйственник. Он первый в крае перешел на цеховую структуру управления, реорганизовав восемь многоотраслевых производственных бригад в пять цехов: растениеводства, животноводства, механизации, транспорта, коммунальный. В результате этого административный аппарат сократился на тридцать пять единиц, а часть сэкономленных денег употребили на повышение зарплаты специалистов, у которых значительно расширился круг обязанностей, повысились самостоятельность и ответственность за дело.

Сейчас, как вам известно, дела обстоят отлично. Уже выполнены планы четырех лет по всем видам продукции, а по зерну превзошли задание пятилетки. Но, наверное, увлекшись экономической стороной дела, я не сказал еще о том, ради чего все это предпринято. Жизнь иргаклинцев, да и сами они изменились неузнаваемо. На месте захудалого села с глинобитными хатами, пересеченного колеями и канавами, вырос современный, благоустроенный поселок городского типа. Только в десятой-одиннадцатой пятилетках построено около трехсот индивидуальных домов в двух-трех уровнях. Дворец культуры и спорта, плавательный бассейн, общеобразовательная и музыкальная школы, торговый центр, Дом быта. На центральной площади летом благоухает действительно чуть ли не «миллион алых роз».

Когда-то среди немногочисленной молодой женской части села трудно было найти охотниц для работы на молочнотоварной ферме, а теперь очередь желающих работать доярками на год вперед. Немудрено: влекут сюда заработки в триста и больше рублей, полная механизация, благоустроенный быт и даже... массажистки, которые не дают рукам доярок огрубеть, потрескаться. Естественно, что теперь в Иргаклах проблемы кадров не существует. Когда спрашиваешь Николая Дмитриевича, чем все-таки он больше всего из сделанного удовлетворен, что его особенно радует, ответ всегда один: конечно же, люди. Такие, как Владимир Макаров — звеньевой кормодобытчиков, Роза Саендыкова — доярка-пятитысячница, бахчевод Николай Стокозов, чабан Али Яхъяев, начальник цеха растениеводства Георгий Шиянов, главный зоотехник Михаил Братерский, секретарь парткома Виктор Семеняк — да всех и не перечислишь.

— Да, Виктор Алексеевич, если уж в одном колхозе трудно назвать всех лучших, то сделать это в нашей беседе в масштабах края задача явно невыполнимая.

— Вы правы. Каждый из таких людей примечателен по-своему, но всех их сближает способность реализовать самую смелую, трудоемкую мечту, поглощенность делом, самоотдача, если не сказать самозабвенность. Вот, скажем, первый секретарь Кочубеевского райкома партии Николай Тимофеевич Вильгоцкий, выводя свой район в передовые по всем видам производства продукции, особое внимание уделяет программе социально-культурного строительства. Исстари казачьи эти места заселены хуторами, и когда по чьему-то разумению объявили малые населенные пункты неперспективными и повели дело к их сселению, начали здесь рваться родовые корни, связывающие человека с землей—родиной, кормилицей. Люди двинулись с насиженных мест, а к новому не всякий привыкает, бросает надежный якорь.

Николай Тимофеевич опасность и вред этого понял давно и стал поднимать хутора. Ездил в край, спорил, доказывал, выбивал средства, находил единомышленников. Года три назад к избирателям в хутор Ново-Екатериновский можно было в распутицу только на тракторе добраться. А нынче—кругом асфальт, построена новая школа, налажено бытовое обслуживание. И главное — люди стали возвращаться в родные места, на землю отцов.

— Вы затронули очень важный вопрос о трудовой преемственности, воспитании достойной смены. Эта проблема одинаково актуальна и в селе, и в городе. В какой мере она связана с вашими депутатскими обязанностями?

— Недавно нам, депутатам, довелось участвовать в очень важном начинании—в выездном заседании Постоянной комиссии по народному образованию и культуре Верховного Совета РСФСР, проходившем в Ярославле. Обсуждались вопросы реализации реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Отрадно было видеть, как вот такое конкретное изучение вопроса на месте повысило коэффициент полезного действия рекомендаций нашей комиссии. Центральный Комитет партии особенно ориентирует нас на то, чтобы к проблемам идеологического и трудового воспитания молодежи было приковано внимание всех партийных комитетов, каждого члена партии.

Нам, ставропольцам, особенно близок вопрос о трудовом воспитании молодежи с помощью и при участии шефствующих предприятий, колхозов и совхозов.

Тридцать лет назад именно у нас в колхозе «Россия» в станице Григорополисской родилась первая в стране ученическая бригада — первая ласточка того движения, которое теперь охватило всю страну. Усилиями энтузиастов, педагогов, ученых и руководителей хозяйств это дело было поставлено на прочную научно-производственную базу. У его истоков стояли рядом директор григорополисской средней школы Александр Тимофеевич Иванов и председатель колхоза «Россия» Яков Васильевич Бичевой, директор новопавловской средней школы Иван Семенович Феник, завуч Рафаил Яковлевич Эйдлин и председатель колхоза «Путь Ильича» Павел Григорьевич Годин, впоследствии получивший степень кандидата педагогических наук за разработку проблем трудового воспитания в колхозе. Сейчас в крае около четырехсот ученических бригад, и не будет преувеличением сказать, что через эту прекрасную школу юных хозяев земли прошло уже несколько поколений землепроходцев и специалистов сельского хозяйства, составляющих сегодня трудовое ядро Ставрополья.

Мне кажется, весьма достоин распространения опыт конкретного участия в осуществлении школьной реформы Невинномысского завода электроизмерительных приборов, где директором В. Я. Гельбрас. С точки зрения воспитательной не разговоры о труде, а именно сам полезный труд юношей и девушек — вот что необходимо обществу и для формирования будущего гражданина и патриота, и для повышения эффективности производства. Так вот, названный завод организовал при подшефном межшкольном политехническом центре конструкторское бюро и производственный участок. Здесь старшеклассники под руководством заводских специалистов конструируют и изготавливают электротехнические приборы на 35—40 тысяч рублей в год, причем некоторые «школьные» разработки, например, аппарат цветомузыки «Ритм», завод запускает в серийное производство.

Все это радует. Ведь в конце концов речь идет о том, чтобы воспитать в каждом человеке хозяйское отношение к жизни, к земле, к избранному делу. Идейно-воспитательная работа — это широкое окно в сложный, беспокойный, постоянно меняющийся мир. В этом мире живут и действуют и друзья, и недруги. Потому все наши люди, и особенно молодые, должны воспитываться в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма и доказывать это своим трудом. Ведь именно от этого, от способности быть на нашей советской земле хозяином прежде всего зависят наши успехи и достижения, возможность добиться решающего поворота в переводе народного хозяйства на рельсы интенсивного развития, проведения социальной политики, основанной на принципе: все во имя человека, на благо человека.

Об этом глубоко и откровенно говорилось на недавних внеочередном мартовском и апрельском Пленумах ЦК КПСС.

Недавно состоявшийся июльский Пленум ЦК КПСС подчеркнул необходимость четкого выполнения своих функций каждым звеном политической системы нашего общества, дальнейшего повышения руководящей роли партии, усиления ее влияния на все участки государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства.

Словом, на всех участках, везде мы должны проводить в жизнь стратегическую линию партии, идущей к своему XXVII съезду. И неуклонно трудиться ради этого вдохновенно и творчески — долг каждого из нас.

Беседу вела Ирина ПИРОГОВА.

РОЖДЕНИЕ КАРТИНЫ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

То был вернисаж небывалый. В самом воздухе выставочного зала царило торжество. Звучал оркестр. Звенели марши. В памяти зримо вставал Великий День. 9 мая 1945 года.

Победа!

И вдруг словно вернулись первые часы объявления войны. Радио. Суровые слова о предательском нападении фашистов.

Перед глазами плакат Кукрыниксов.

Красный воин. Грозный, беспощадный. Он вонзает штык в коварного врага. Осатанелый фюрер подло порвал договор о ненападении. Протянул свою костистую лапу. Но удар краснозвездного бойца неотвратим. Победа будет за нами!

Никогда не забыть Москву тех дней. И этот первый плакат. Он появился на улицах и площадях столицы 24 июня 1941 года.

Рядом работа Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовет!». Ясен, тверд взор седеющей женщины. Высоко, призывно воздета ее рука. Неукоснительны, четки слова военной присяги. Лес штыков — ответ Отчизны!

Сотни картин, скульптур, графических листов говорили об одном — подвиге народа, спасшего Европу, весь мир от коричневой чумы. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» — слышна была музыка. Люди стояли в раздумье у полотен. У многих на груди сияли боевые ордена и медали.

Искусство стало памятью народа.

Печальна прощальная краса русской осени. Шелестит тонкое золотое кружево юных белых березок. Одиноко тоскует рябинка. Покатый косогор устлан ковром блеклого охристого разнотравья. Вдали раскинулся изумрудный бархат озими. Благостная тишина разлита в природе.

В сером прозрачном небе, у самого горизонта,— воровская, колючая тень вражеского самолета. Еле различим ноющий рокот мотора. Вот-вот — и он исчезнет. Но страшен след фашиста.

Припал к отчей земле пастушок. Прижался плотно щекой к сухой, колкой траве. Рука нелепо вывернута. Алая кровь запеклась на русых вихрах паренька. Кнут и шапка отлетели далеко. Крепко, крепко приник к родной земле мальчишка. Не встать ему никогда.

Жалобно, тоскливо воет пес, задрав мохнатую морду. Потерянно бродит стадо. Втиснуты в траву туши убитых коров.

Миг назад свинцовый ливень остановил жизнь. Сделанного не поправить. Ненавистная смерть ворвалась в наш дом.

«Фашист пролетел». Так назвал свою картину Аркадий Александрович Пластов. Холст создан в 1942 году. Художник стоял накануне пятидесятилетия.

«Отец горько переживал беду нашествия,— рассказывал мне Николай Аркадьевич, сын мастера.— В душе его кипел справедливый гнев. И эти его чувства словно отразились в полотне.

История рождения картины такова. Отец писал осенний этюд. И этот сокровенный мотив так растрогал его, что я увидел на его глазах слезы. Когда вернулись домой в Прислониху (где отец родился и прожил почти всю жизнь), отец сразу набросал эскиз будущей картины. Мгновенно... На другой день он приступил к сбору материала. Рисовал. Писал. Сельские мальчишки помогали ему. Через неделю полотно было написано. В его основу лег тот первый осенний этюд».

Всего за семь дней был создан этот шедевр. Семь дней и вечность!

...Мне посчастливилось жить в Москве в одном доме с Аркадием Александровичем. Трудно забыть его открытое, всегда обветренное, будто загорелое, лицо. Зоркий, с прищуром взгляд. Ведь он перевидал, пережил ох как много. На его щеке — глубокий шрам от кулацкой руки. Комбеды. Организация колхоза. Все, все осталось в памяти. Он любил, горячо любил свою землю. Когда ездил за границу, брал всегда с собой траву — чебрец, горстку земли. Однажды нелепый пожар сжег все его труды. И он начал все снова. Работа, работа, работа. Пришла слава. Но он не менялся. Всегда внимательно, чутко слушал. Остро видел. Простой, доступный.

Кто-то иронически спросит: «Шедевр за семь дней?»

Да! Неделя. И вся жизнь гражданина, патриота, творца. Он оставил людям летопись бытия родного села Прислонихи. Счастья, горя, радости и невзгод. И среди этой несметной сюиты из сотен картин — «Фашист пролетел».

«Все прошлое искусства — к искусству сегодняшнего дня относится, как океан к капле. Все же прошлое искусства — к искусству будущего относится, как капля к океану...» Не верить в это было бы пессимизмом. Однако для того, чтобы океан превратить в каплю, от художников и искусствоведов требуется гигантский труд, много дарования, много мысли, страсти и глубоких чувств на долгие века».

Запись сделана 1 ноября 1942 года Константином Федоровичем Юоном, корифеем русской культуры. Создателем десятков великолепных картин, воспевавших песенную красу Руси. Ученик московской школы, воспитанник Валентина Серова, мастер, обладавший своим, «юоновским» языком. Ярким, первичным...

Но вернемся в Центральный выставочный зал, на экспозицию «40 лет Великой Победы».

...Главная площадь державы. Зима. Стужа. Низко нависло серое, тяжелое, будто мраморное, небо. Снег укутал брусчатку. Глухо, мерно звучат шаги полков. Четок их строй.

Московский Кремль. Знак мира. Седые ели у Мавзолея Ленина. Высоко к тучам вознеслась звезда Спасской башни... Прозвенели куранты. Высятся заметенные вьюгой, припорошенные инеем древние узорчатые купола храма Василия Блаженного. Многое видали они на своем веку. Встречали разных гостей и провожали их.

Бронзовые Минин и Пожарский. Осененные их славой, сомкнув железный строй, идут бойцы. Прямо на битву смертную. Враг рядом.

Пейзаж? Нет! Историческая картина, как понимали ее Василий Суриков и Михаил Нестеров.

«Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года».

Как же был сотворен этот эпос?

Константин Федорович, коренной москвич, никуда не уезжал из столицы. В нетопленой, холодной мастерской он писал — привычно, каждодневно. Порою взволнованно бродил по городу. Примечал костры на бульварах. Вдыхал дымок походных кухонь. Видел танки у Покровских ворот. Винтовки в козлах около Малого театра, где он создавал декорации. Приходил на любимую, не раз им воспетую Красную площадь — молчаливую, строгую. Неспешно поднимались в сизое небо грузные аэростаты заграждения. Москва ощетинилась надолбами. Ночами, а порою и днем выли сирены воздушных тревог. Юон слушал сводки Информбюро.

Он не был на параде. Но он не мог не написать эту страницу летописи государства. Мастер верил, верил в Победу.

Непривычна, полупустынна на картине Красная площадь. Не горит кумач лозунгов и плакатов. В студеном воздухе грозно звучит медь оркестра. Далеки трибуны. На той стороне Москвы-реки в туманной зимней мге дымы заводов.

Не видно лиц бойцов. Только ясен неотразимый ритм солдатских шагов. Зрима поступь годины тяжкого испытания. Весомо, величественно переворачивается перед нами страница летописи, страница нелегкая. Печальны строки поражений.

Лютует ворог. Мнится ему близкая удача. Уже чудился бесноватому фюреру победный, свой, нацистский плац-парад в поверженной столице Страны Советов.

Не вышло. И скоро покатились на Запад, чтобы уже не вернуться никогда, битые хваленые фашистские дивизии, сметенные Советской Армией.

Незабвенны, чеканно суровы были шаги солдат в тот день. Ведь тогда они будто присягали еще раз Родине. Каждый знал цену этих минут. Тысячи воинов шли на бой. Исхода иного не было. Супостат стоял у стен древней Москвы. Сердцем каждого бойца, офицера, генерала владела праведная ненависть к фашистам. Нет, не будет пощады злодеям, губителям детей, женщин, стариков, посягнувшим на свободу и независимость великого народа.

Воины не прощались с Москвой. Они ведали, что всем смертям назло вернутся с победой. Пусть не скоро, пусть не все. Но вернутся.

Небольшое полотно. Но сколько в нем правды. Панорама события грандиозного. Чрезвычайного, единственного, неповторимого по своей значительности. Это был наш ответ всем недругам, следившим за развитием событий на Востоке. И пусть строг лик пустынной площади. Пусть нет пурпурного привычного сияния праздника Октября.

Но ты веришь. Это будет!

Вспомним размышление Юона, написанное им в ноябре 1942 года, о капле и океане, о прошлом и будущем.

Грохотала война. Шли кровавые бои. Решались судьбы мира. А ху-

К. Юон. 1875—1958. ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА. 1942. Фрагмент.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

А. Пластов. 1893—1972. ФАШИСТ ПРОЛЕТЕЛ. 1942.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

Б. Угаров. Род. 1922. ВОЗВРАЩЕНИЕ. 1984—1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

С. Герасимов. 1885—1964.
МАТЬ ПАРТИЗАНА. 1943.

Всесоюзная выставка
«40 лет Великой Победы».

Кукрыниксы. КОНЕЦ. 1947—1948.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

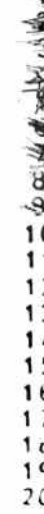

Д. Мочальский. Род. 1908. ПОБЕДА. БЕРЛИН 1945 ГОДА. 1947.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

П. Оссовский. Род. 1925. САЛЮТ ПОБЕДЫ. 1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

дожник Юон мыслит категориями планетарными. Работает, работает во имя Победы. Ведь «Парад на Красной площади» написан в том же 1942 году. Так философия и живопись смыкаются в его шедевре.

Юон очень любил молодежь. Не раз я наблюдал, как, окруженный студентами, он в Третьяковке задерживался у холстов своих друзей и соратников — Аполлинария Васнецова, Андрея Рябушкина, Сергея Иванова, Абрама Архипова.

На всю жизнь запали в душу его слова: «Запомните, друзья мои, афоризм великого Энгра—«рисунок составляет три четверти живописи». И это произнес великолепный колорист, который, по нынешним понятиям, мог бы порою пренебрегать рисунком.

Но он не делал этого. Он был Мастер. Однако жизнь Юона оказалась небезоблачна. Как же так? И корифей, и талант? Дело в том, что в буревые двадцатые годы иные «леваки» крушили традиции классики, поносили Рафаэля, что был им Юон? «Дремучий консерватор», «певец квасной Руси», в лучшем случае «попутчик». Стараниями модернистов слова талант и художественность были девальвированы. В искусство той поры хлынул поток дилетантов, людей бездарных и просто дельцов. А как известно, эта публика всегда наиболее активна и горласта. Шума было много, а картин делалось маловато. Эта болезнь ныне почти изжита.

Лето. Яркое солнце... Гарь. Свинцовая мгла затянула дали. Черный чад влачится к небу. Гудит багровое пламя пожарища. Догорают остатки дома. Деревня сожжена дотла. Перед нами — двое.

Плотный, краснолицый офицер с бычьей шеей. В зелено-мышиной пыльной форме. На груди мерцает железный крест. Только что просвистел в воздухе стек. Только что фашист проорал:

— Твой сын? Признавайся!

Гордо, гневно смотрит в лицо смерти пожилая женщина. Крепко стоит она на своей земле. И не страшен матери неистовый враг. Она молчит. Ее сомкнутые уста не произнесут ни слова. И это молчание смертельнее пули.

Застыл в ярости каратель. Замер юноша, схваченный гитлеровцами. Притихли односельчане под дулами вражеских автоматов. Минутное затишье. Но в воздухе будто звучит немое: «Будьте вы прокляты!»

«Мать партизана» Сергея Васильевича Герасимова.

Огромную духовную силу излучает холст. Художник вложил в картину всю свою любовь и ненависть. И полотно говорит.

Ослепляющи лучи июльского солнца. Фиолетовые тени прорезали пыльную землю. Еще секунда, и может прозвучать роковой выстрел...

Но не понять матерой белокурой бестии «русской загадки». Он, может, еще не один день будет шагать по трупам мирных, ни в чем не повинных людей. Может, через мгновение будут повержены мать и сын... Но это не станет победой. Случится лишь очередное убийство. Варварство. Вандализм. И никакие чудовищные рассуждения о «жизненном пространстве», о «сверхчеловеках», о «примате арийцев» не скроют жуткой истины — убийцы. Вот клеймо нацистам и иным любителям посягать на чужие земли и навязывать свои законы свободным народам.

«Фашист пролетел» и «Мать партизана» находятся в одном зале. Друг против друга. Рядом. Это художественная публицистика величайшей обличающей силы. Шедевры искусства, которые будут рассказывать далеким потомкам правду нашей эпохи...

Гудит, гудит пламя пожарища. Зловеще рдяные сполохи предвещают грядущую драму. Черная тень фашистов легла на нашу землю. Но не суждено им было покорить, сломить свободолюбивый народ. Фашисты посеяли ветер, а пожали бурю. Они думали залить кровью нашу Родину. Подавить дух, честь, совесть Человека.

Не вышло.

Сергей Васильевич Герасимов создал полотно эпическое, былинное. Хотя в его основе современность. Эта картина — веха. Ее нельзя забыть. «Мать партизана» — символ. В нем звучит само время. Его героика и быль.

Автор «Матери партизана» пришел к 1917 году, как и Юон, зрелым мастером. Его учителя — Валентин Серов, Константин Коровин.

Герасимова всегда отличало особое качество живописца-поэта, чьи пейзажи по-есенински душевны, прозрачны, распевны. Это было естественно.

Сергей Васильевич был художник большой культуры. Он отлично знал искусство классиков, любил античность... Вот эпизод, который говорит о многом. С. В. Герасимов, будучи в Греции и как бы прощаясь с афинским Акрополем, потихоньку от окружающих поцеловал колонну Парфенона. Таков был этот сын можайской земли.

Духовность большого искусства. Вот почему с каждым годом интерес к классике, к музеям, галереям, архитектурным ансамблям прошлого все возрастает. Это означает, что наш современник хочет познать ближе творения высокой пластики. Он ищет в созданиях мастеров античности, Ренессанса, художников-реалистов пищу для размышления. И все чаще его не устраивают поверхностные, наспех сделанные картины или скульптуры.

Искусство растет вместе с народом, сказал Горький. Это ко многому обязывает.

Отгремели бои. Война ушла на Запад. В руинах сожженная, словно неживая земля. Такого не знала история. Несчетные тысячи сел и городов были уничтожены новыми гуннами.

Тишина нависла над снегами. Словно жуткие призраки, тянутся к зимнему небу обожженные, смоляные колонны печных труб. Руины крестьянского дома. Пустынно... Мягкий, влажный снег затянул истерзанную землю. Пронзительно кричит воронье. Далеко, далеко на сотни, тысячи верст тянутся эти пепелища — грозные следы нашествия.

Крепко прижалась к груди солдата русоголовая девушка с длинными косами. Увидела. Прибежала. Лежит на потертом, старом ватнике белая, худенькая, нежная рука. Трепетная, юная.

Боец, будто обугленный, огрубевший в огне сражений, обнял любимую, долгожданную. Как долго он мечтал об этой встрече! И вот наконец время пришло. Безмолвны снежные дали... Надо начинать новую жизнь.

«Возвращение»... Скупо, сдержанно рассказывает живописец об одной из миллионов встреч. «Хотят ли русские войны...» Невольно приходят на память слова поэта, когда глядишь на этот строгий холст.

— Победа, став историей, не стала прошлым,— говорит Борис Сергеевич Угаров, автор картины «Возвращение».— Великая Отечественная война, наша Победа над фашизмом принадлежит вечности, она сама Вечность. Мы, участники войны, пережившие гибель родных, друзей, соратников, должны рассказать молодым современникам и потомкам о тех днях, когда решались судьбы Родины да и всей земли.

Искусство — это колокол.

Оно должно будить в народе чувство высокой духовности.

Ныне, когда страна по призыву партии стоит на пороге сдвигов исторического масштаба, на пути нового взлета науки, техники, общественного производства, улучшения благосостояния наших людей, очень важно, чтобы мы, художники, внесли свой вклад в общее дело. Мы не должны отставать от того всенародного порыва, который мы все чувствуем сегодня.

«Эстетика сегодня — это этика завтра»,— писал Максим Горький.

Наши произведения обязаны помочь укреплять моральную стойкость, надежность личных качеств каждого. Патриотизм, гражданственность. Художники Страны Советов облечены доверием. Мы должны еще убедительнее, значительнее отразить то время, в котором живем.

Эта выставка «40 лет Великой Победы» показала, какими резервами мы обладаем. Наше многонациональное искусство освящено прекрасными традициями классиков отечественной живописи, скульптуры, графики. Народ ждет от нас новых, еще более значительных творческих свершений.

Дымная туча повисла над поверженной столицей рейха... Бесславный финал эйфории «мирового господства» близок.

Берлин. Май 1945 года.

Подземелье... Кому-то казался неприступным глухой бетонный бункер. Как в сейфе, скрипели массивные стальные глыбы дверей с тяжкими засовами... Мнилось, столь же непобедима и сама твердыня фашизма, подмявшего под себя почти всю Европу... Просчитались...

И вот сюда, в крысиное подполье, донесся грохот Победы. Снилось ли фюреру в самых кошмарных снах, что ему и его приспешникам придется испытать эти страшные часы? Грядет расплата за все. Леденящий, душный мрак разлит в логове врага. Бродят недобрые тени. Опрокинуто кресло. Сдернута ковровая скатерть. Брошена бесполезная телефонная трубка. Связи нет... Покосились картины в золоченых рамах. Хлам, обрывки бумаг, приказов, скомканных газет на мозаичном паркете.

Хаос... В черном провале двери Гитлер. Пучок света вырвал из тьмы белоглазую маску с узкой прорезью рта. Трясущаяся рука маньяка пытается разорвать ворот кителя. Душно. Фюрер оглох от грома беды, которую сам накликал на свою страну, на народ Германии.

Жалкими, никчемными кажутся в эти часы помпезные регалии павшего рейха — все эти рыцарские железные кресты, хищные орлы... Тупик... Хотя гитлеровцам не так давно чудилось: мир у их сапог. Но упакован туго чемодан, стол уставлен бутылками. Все ближе и ближе расплата. Храпит пьяный эсэсовец. Нервно постукивает подагрическими пальцами по полированной крышке стола нацистский генерал.

«Конец». Так назвали свой холст Кукрыниксы.

Кукрыниксы... Они, как никто, много вложили труда и таланта в разоблачение фашистского фюрера. Десятки плакатов, карикатур, «Окон ТАСС» дают нам всю историю возвышения и падения Гитлера.

Они написали исторические картины «Таня», «Бегство фашистов из Новгорода». В них разоблачено все зло деяний нацизма.

На выставке в двух шагах от картины «Конец» — небольшой пейзаж «Сожженная деревня» Александра Дейнеки... Словно истлевшие, черные пальцы мертвых взывают к мщению. Страшные руины русского села. Безлюдно. Зияющие глазницы окон. Изрыта воронками покалеченная земля. Пустыня. Такой хотели увидеть нашу Отчизну нацистские сверхчеловеки.

Две картины. Разные по формату, жанру, манере. Но суть одна. Они созданы мастерами с пламенными сердцами, сынами своей страны. Художниками, чье искусство было безраздельно отдано своему времени. Не надо риторики, дидактики, не нужно комментариев. Взгляните на эти два полотна — и увидите Причину и Следствие.

Нет, никому не дано превращать мир в выжженное пространство. Род людской — в рабов. Всех подобных «покорителей Вселенной» история планеты не раз жестоко наказывала.

Рождение картины... Послушайте, что об этом говорит Александр Дейнека: «Трудно дать ответ, почему одна картина стала великой, а другая нет, ибо зарождение произведения искусства весьма таинственно, как судьба личности, иначе можно было создавать таланты и шедевры по плану, по точному регламенту».

Но Дейнека, создатель одной из самых поразительных картин эпохи Великой Отечественной — «Оборона Севастополя», сам дает ответ на эту сложную загадку.

«Но вот возвращусь несколько обратно — к тяжелому 1942 году, когда я уже написал «Окраину Москвы». Меня целиком захватила героика защитников Севастополя. Шла тяжелая война, я вернулся с фронта из-под Юхнова. Была жестокая зима, начало наступления с переменным местным успехом, тяжелыми боями, когда бойцы на снегу оставляли красные следы от ран и снег от взрывов становился черным. Но писать все же решил на выставку «Оборону Севастополя», потому что я этот город любил за его веселых людей, море, лодки, самолеты. И вот воочию представил, как все взлетает на воздух, как женщины перестали смеяться, даже дети почувствовали, что такое блокада. Я в немец-

кой прессе видел снимок Севастополя с самолета. Страшный снимок, непохожий на то, что я видел несколько лет назад сам. Словом, моя картина и я в работе слились воедино. Этот период моей жизни выпал из моего сознания, он поглотился единым желанием написать картину. Не знаю, хорошая это картина или плохая, но кажется, что настоящая».

— Это был незабываемый день. Улицы, площади Москвы бурлили. Не было меры народному ликованию,— рассказывает художник Петр Оссовский.— Мне было тогда двадцать лет, и я щемяще остро чувствовал радость, счастье. Что-то невыразимо светлое наполняло душу. И когда наступил вечер, казалось, вся столица двинулась на Красную площадь. Смотреть салют Победы. Пошли и мы вместе с другом, Гелием Коржевым.

В ту пору студенты Московского государственного художественного института, мы жадно всматривались в сияющие лица людей, видели слезы, улыбки, все, все, что сопровождает мгновения блаженства и торжества правого дела... Помню чьи-то лучистые глаза. Вспоминаю, как качали белокурого лейтенанта, потом старшину-грузина. Звенели медали, хохотали девушки, визжали мальчишки. И когда в этом человеческом круговороте возникло озаренное диво храма Василия Блаженного, башни Кремля, мне показалось, что это сон, сказка... Вспыхнули прожекторы. Настал желанный миг... В ночном небе немыслимо ярко расцвели изумрудные, алые, лазоревые огни фейерверка. Ухнули гулко орудия. И застонала, вздохнула площадь.

9 мая 1945 года. Ночь. Игра огней. Веселые, слепящие, но добрые лучи прожекторов блуждали по толпам народа. Выхватывали из мрака детали зданий. Вдруг костром красок вспыхнули купола соборов. Потом будто светозарной стрелой взлетела в небо Спасская башня... Мы кричали, пели... И над нами прямо в облака упирались серебряные мечи прожекторов.

Прошло сорок лет. Но эта ночь самая звездная в моей жизни. Хотя как раз звезд в эту ночь я не видел...

Мелькнули годы учения. Мы с Гелием кончали институт под руководством замечательного мастера, чудесного живописца Сергея Васильевича Герасимова. Это был чистый, крайне деликатный, немного ироничный человек. Художник редкого лирического дара. Он исповедовал любовь к натуре. Ведь Сергей Васильевич передавал нам эстафету русской реалистической школы — Константина Коровина, Валентина Серова...

В своей картине «Салют Победы» я хотел передать со всей возможной силой то счастье памяти, причастности к чуду, которое я ношу с собой всю жизнь. Я мечтал, когда писал это полотно, хоть как-то отразить торжество той незабываемой ночи.

Не знаю, удалось ли это...

Тема Москвы, Кремля вошла в мою жизнь с юных лет и с каждым годом все сильнее владеет моим сердцем. Вижу в силуэтах кремлевских башен, в сверкании золотокупольных белогрудых соборов, в зубчатых стенах историю ее побед и сражений.

Кремль — наша гордость и вера.

Мечтаю написать большой холст. Кремль — символ света и мира. Он притягателен для всех добрых людей планеты.

— Эта выставка, «40 лет Великой Победы»,— сказал художник Николай Афанасьевич Пономарев,— большое событие в творческой жизни страны. Мастера разных поколений показали народу самую святую для сердца каждого тему патриотизма, любви к Отчизне, Великой Победы. Одновременно с этой экспозицией по всем республикам нашей державы проходили выставки, посвященные этой теме.

Судя по отзывам массового зрителя, экспозиция была тепло встречена широкой общественностью. Но мы не должны успокаиваться. Время, наше сегодня ставит перед нами новые проблемы, открывает новые горизонты. В искусстве, как и в других проявлениях творчества народа, ныне, как никогда, остро стоит вопрос о качестве. Именно качество, а не количество. В искусстве это звучит ясно и строго: надо в созданиях наших мастеров взыскательнее, точнее, шире и глубже отражать эпоху, в которой мы живем.

Мы должны понять, что то новое общество, которое создается на наших глазах, требует взлетов творчества, самоотдачи. На наших выставках вовсе не должно быть места произведениям серым, равнодушным, вялым, идейно непроясненным.

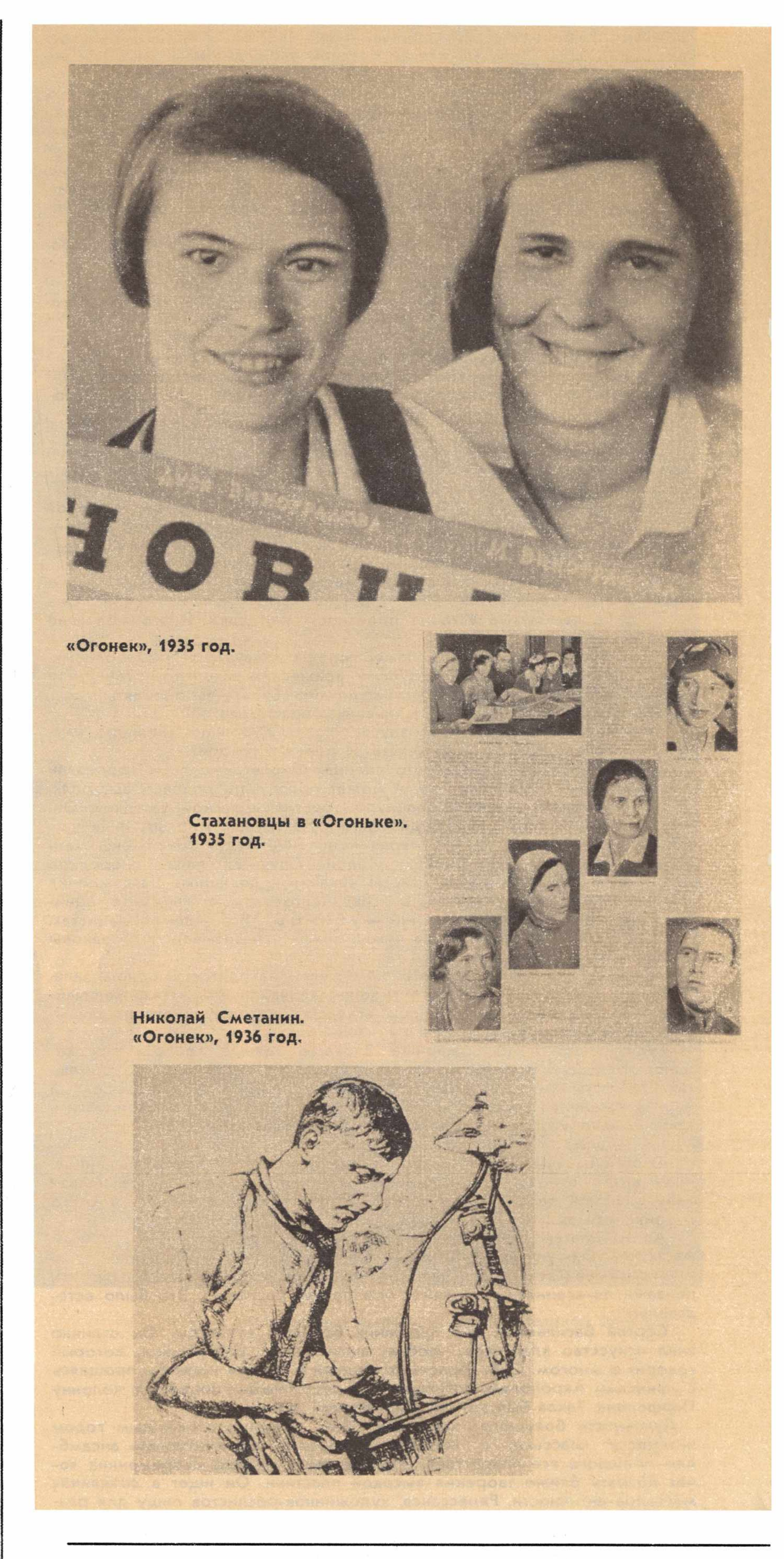
Мы должны сражаться вместе с партией, народом за светлое завтра мира.

Маяком нашим будут традиции классиков отечественного искусства. Их надо понять, осмыслить и динамически, вдохновенно продолжить. Верится, что этим путем нам удастся создать творения, которые займут достойное место в истории развития мировой культуры. Для этого мы должны работать и перейти от красивых слов к сотворению произведений, отражающих нашу эру.

Сегодня время властно требует от нас новой стратегии в области изобразительного искусства. И она должна выразиться прежде всего в усилении критериев в оценке. Говоря проще, в большей требовательности к себе. Ведь художник прежде всего личность, способная не только владеть изображением натуры, но обладать способностью выразить правду своего времени. Истинный талант всегда стремится глубже постичь подлинную жизнь со всеми ее сложностями, он охотно изучает и исследует характер героев своих творений, а главное — умеет определить и найти твердый и ясный идеологический ракурс видения окружающего мира.

Однако, несмотря на все наши успехи, все же иногда встречаются отдельные художники, которым вредят скоропись, поверхностный подход к теме. Не менее мешают некоторым мастерам занятые напрокат вторичность, расхожая «мода» на условность.

Достоинство каждого настоящего художника в серьезном осознании собственного гражданственного призвания. В его ответственности перед собою. Без этого трудно будет поднять наше искусство на новую высоту, которой от нас ждет наше замечательное, героическое время.

«Огонек», 1935 год.

Стахановцы в «Огоньке». 1935 год.

Николай Сметанин. «Огонек», 1936 год.

СТАХА

Ткани и обувь, одежда и мебель — те самые товары массового потребления, которые пользуются широким спросом у покупателя. О них, о повышении их качества с особой остротой говорилось на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. В стране готовится комплексная и долгосрочная программа развития производства товаров и бытовых услуг.

Запевалами социалистического соревнования в этих отраслях, как и в годы первых пятилеток, стали текстильщики. И снова здесь очень многое, как и тогда, зависит от человеческого фактора. Об этом шла речь на «Встрече трех поколений», состоявшейся в редакции журнала «Огонек» (см. «Огонек» №№ 50, 1984 год; 28 и 29, 1985 год).

ДОГОНЯТЬ ЛУЧШИХ!

Мария ВИНОГРАДОВА,
заместитель директора ЦНИИ лубяных волокон, Герой Социалистического Труда

Сначала в 1935 году вичугские ткачихи однофамилицы Евдокия и Мария Виноградовы работали на сорока ткацких комплектах. Потом на сотне. После первого Всесоюзного совещания стахановцев, когда им раздвинули стены цеха, подруги сумели обслужить 216 станков. Весной 1936 года, будучи слушателями Промакадемии, во время летних каникул работали на 284 станках...

Таковы ступени роста зачинательниц стахановского движения в текстильной промышленности...

Когда говорят о Стаханове, то нами, ветеранами, воспринимается все, касающееся его почина, как свое собственное. С интересом я слушала Ивана Ивановича Стрельченко, когда он рассказывал о шахтерах, о том, как горняки перешли от индивидуальных рекордов к бригадным и что сейчас настало время коллективного подвига. Он, конечно, прав: тогда, 50 лет назад, хозяином уступа в забое был один человек; сейчас в лаве сто «хозяев», и даже не на комбайне, а на механизированном комплексе, из нескольких агрегатов. Иная техника, иные масштабы и задачи несопоставимые.

У ткачих и прядильщиц, тоже новая техника. Новые станки — полуавтоматы и автоматы. Но главный принцип все же сохранился: производительность их зависит от самого человека, одного человека. Точно так же, как у станочника по обработке металла, сварщика, столяра... Много еще есть и таких профессий, и таких работ. Значит, индивидуальные рекорды и стабильная высокая производительность труда на их уровне есть и сохранят свое значение — звать вперед других — еще надолго. Они нужны. Посмотрите, что сделала ткачиха Валентина Голубева, уже выполнившая 22 годовых задания, а пятилетка еще не завершена! Восхищения достойна Валентина Плетнева, мастерица льняного полотна. За ее плечами большая жизненная школа, но сегодня, как и двадцать пять лет назад, когда ей присвоили звание Героя Социалистического Труда, она идет в авангарде, не сдает темпа: 13 годовых норм! Настоящие они героини! Скольких мастериц-текстильщиц увлекли за собой! А почему это удалось им? Потому что жив, обрел новую силу наказ стахановцев первого призыва: «Работай хорошо, помогай отстающим, догоняй лучших! Делай, как я!» И пошла по всей стране перекличка: у лауреата Государственной премии СССР Черныш на подходе десятая норма; на календаре читинки Кузнецовой 1989 год; 13 годовых норм выполнила лауреат Государственной премии СССР Филатова из города Шахты; семь — Гелдиашвили из грузинского Гори... За каждой фамилией десятки, сотни работниц, перешедших на сверхтиповое уплотнение. Значит, лучше идут дела у всего коллектива.

О чем бы еще хотелось сказать? Смотрю я на вас, молодых, красивых, а на памяти все тот же 1935 год. Встреча у Серго Орджоникидзе. На столе в вазах апельсины, которые я увидела тогда впервые в жизни. Очень хотелось попробовать, но не знала, как их едят...

Рыжеватый, худощавый парень, что на другом конце стола... Здороваясь по очереди со всеми за руку, Серго подошел к нему и, дружески похлопав по плечу, сказал: «Я думал, ты великан!..» Это и был Алексей Стаханов.

Почему я вспомнила то время? Были мы тогда все полуграмотные или совсем неграмотные, у меня, например, было всего два класса. Только у одного Петра Кривоноса семилетка, и он казался нам очень образованным, профессором. И одеты мы были далеко не так, как сейчас. Сатиновые косоворотки, пиджачки... Правда, мы с Дусей были в крепдешиновых кофточках, но чтоб обуть нас для поездки в Москву, профкому пришлось немало похлопотать. О прическах, украшениях и мыслей не было. А нам очень хотелось, чтоб людям жилось лучше, чтоб и стол у них был побогаче. И учиться очень хотелось. Послали нас тогда в Промакадемию...

Вот какая была жизнь и какой стала! Смотрю я на вас, нарядных, одетых по последней моде... Наследников и наследниц наших! Думаю, что в зале не найдется человека, который бы не имел аттестата десятилетки. Я горжусь своей землячкой и последовательницей Валентиной Голубевой, костромичкой Валентиной Плетневой, их сменщицами, их ученицами. Как хорошо, что наш труд не пропал даром!

ПО-ВИНОГРАДОВСКИ

Валентина ГОЛУБЕВА,
ткачиха Ивановского камвольного комбината, член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета РСФСР, дважды Герой Социалистического Труда

Профессиональное училище. Техникум без отрыва от... ткацкого станка. И таким же образом учеба в институте.

Таковы ступени роста общепризнанного лидера Всесоюзного соревнования текстильщиц в наши дни. Тема дипломного проекта очень сложная: ткацкий станок нового типа, на котором будет производиться ткань, отвечающая самым высоким стандартам...

Словом, ни минуты свободного времени. И в то же время дружба с музыкантами симфонического оркестра. Она большая любительница симфонической музыки. Как-то Фуат Мансуров, дирижер Большого театра, будучи на комбинате, в ее цехе, спросил Валентину: «Трудно слушать музыку после такого грохота!» Знаменитая ткачиха ответила: «Это тоже своего рода музыка...»

Для нас, ивановцев, 1985 год знаменателен дважды: 50-летие стахановского движения, которое мы, текстильщики, называем по-своему, виноградовским, и 80-летие первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета. Между прошлым, о котором сейчас рассказывала Мария Ивановна, и настоящим есть незримая, но крепкая постоянная связь. Дело не только в характере труда. В дни работы XVI съезда профсоюзов, делегатом которого я была, нас принимали в ЦК ВЛКСМ. На той встрече присутствовали многие товарищи, которые сегодня здесь в этом зале. Тогда Мария Ивановна Виноградова вручила мне премию Ленинского комсомола. Я еще, помните, Мария Ивановна, подошла к вам, потрогала вашу золотую звезду, спросила, робея: «Наверно, очень трудно получить эту звездочку?» Вы ответили: «Надо очень стараться, работать, не жалея себя... Нам очень хотелось, чтоб людям лучше жилось, богаче была страна».

Позже Мария Ивановна присутствовала при вручении мне золотой звезды Героя Социалистического Труда.

Я вспоминаю эти волнующие события моей жизни, они как бы отчет нашего младшего поколения перед старшим.

Ивановская земля богата, знаменита именами героев, которые выступали с ценными починами, приумножая честь родного края. К тем фамилиям, которые вы, Мария Ивановна, называли, я хочу прибавить другие. Екатерина Подсобляева. Она работала до войны и всю войну почти на трехстах станках. В девятой пятилетке прославились фурмановская прядильщица Елена Амосова, ткачиха Яковлевского льнокомбината Алевтина Смирнова, выполнившие по два пятилетних задания. А кто не знает Зою Пухову? В ее трудовой книжке только три записи: ткачиха, директор фабрики, председатель облисполкома.

Когда страна вступала в десятую пятилетку, я решила перекрыть достижения наших замечательных текстильщиц. Ведь очень многое менялось, и сама наша жизнь, и условия труда. Тот станок, на котором работала Мария Ивановна, можно увидеть только в музее. В своей книге «Рядом с легендой» она написала так: «В начале 10-й пятилетки В. Голубева взяла обязательство на своих станках выполнить до конца года 12,5 нормы. Это дело не простое. Ей надо прежде всего преодолеть психологический барьер. Ведь есть много опытных ткачих, мастериц

НОВЦА ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ...

своего дела, которые не решаются брать такие высокие обязательства, а Валентина Голубева решилась».

Да, здесь приходится преодолевать психологический барьер. Я с большой благодарностью вспоминаю всех, кто помог мне. Это мои сменщицы — лауреат Государственной премии СССР Агита Михайловна Сухова и полный кавалер ордена Трудовой Славы Нина Кузьминична Максячкина, которые тоже обслуживают сейчас по 32 станка. Это и наши мастера, поммастера, инженеры, от которых зависит четкое, оперативное решение организационных и технических вопросов.

Что нас роднит с инициаторами стахановского движения? Стремление по собственной воле взять ношу потяжелее.

Мария Ивановна пишет, что для работницы фабрики главным девизом было: ни одного лишнего движения, ни одной потраченной минуты. Это также и наш девиз: нигде, ни в одной отрасли так не ценится минута, как в текстильной промышленности. Наши приемы измеряются секундами, которые мы экономим. Иногда, как и в спорте, счет идет на доли секунд.

У меня сейчас 32 станка, из них 26 «лишних»,— вместо шести по отраслевой норме. Значит ли, что я в пять раз больше бегаю? Конечно, нет. Значит ли, что я больше в пять раз устаю? Конечно, нет. Успех зависит от опыта, мастерства и, повторюсь, от инженерно-технического обеспечения. Нашу промышленность называют легкой. Но очень правильно один из поэтов заметил, что так можно было сказать, видимо, в шутку. За смену ткачиха проходит около двадцати — тридцати километров. Кроме того, в нашей работе очень много — шестьдесят процентов — ручных операций, и надо конструкторам и ученым подумать, как уменьшить их количество.

И хорошо бы сделать наши станки пониже ростом. А то приходится тянуться, скамеечки ставить, чтоб достать оборвавшуюся нить. Это во-первых. А во-вторых, давно назрела пора для реконструкции старых ивановских фабрик. Иным уже по двести лет, а нам из девяти объектов, подлежащих обновлению, на двенадцатую пятилетку записали только два.

Очень приятно, что у нас есть что передавать и есть кому передавать. Сегодня текстильщики нашей области трудятся под девизом: «Одиннадцатой пятилетке — виноградовский темп». Вот именно виноградовский! Он не дает нам успокаиваться на достигнутом. Уже десятки тысяч трудящихся области выполнили свои пятилетние задания.

В 1972 году мне была присуждена премия имени героев первых пятилеток ткачих Евдокии и Марии Виноградовых. Эта награда мне очень дорога. Теперь ее удостоены двести текстильщиц только в нашей области. Ее присуждают также текстильщикам Московской, Владимирской и Ташкентской областей. Это вселяет уверенность в то, что традиции, заложенные ткачихами Виноградовыми, живы. Сердечная дочерняя благодарность вам, Мария Ивановна, за тот подвиг, который вы с Евдокией Викторовной свершили в своей юности. Он зовет и вдохновляет!

СЧЕТ НА СЕКУНДЫ

Валентина ГИТАЛОВА,
прядильщица Ореховского хлопчатобумажного комбината, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР

Шел 1950 год, когда Валя — ей было всего три года — осиротела. Сначала был детский дом, в котором она научилась не чураться работы и все делать по совести. Потом ФЗУ и сразу цех. Новенькая не испугалась тысяч веретен, оказалась упорной. Взяла три машины, потом пять...

Десять лет назад, когда отмечалось сорокалетие стахановского движения, с делегацией передовиков производства я была в Донецке. Желающим предложили спуститься в шахту. Ну, думаю, когда еще представится такая возможность? Дали каску, громадные сапоги. Ползем по забою на коленях. Сыро, душно. Добрались до комбайна, все черные, только зубы и глаза блестят. Ревут двигатели, гул погромче, чем в нашем цехе. Вот тут-то я и прочувствовала, какой трудный рекорд был у Стаханова, какой тяжелый уголек он добывал! С нашей работой в прядильном сравнить даже трудно. Хотя и у нас своя специфика.

Для нас, как и для ткачих, очень важно сэкономить время, организовать рабочее место. Так, вместо четырех секунд по норме, которые даются на ликвидацию обрыва нити, я затрачиваю 2,2 секунды; меняю катушку в рамке не за 11 секунд, а за 5,8 секунды. И тут, как у Голубевой, счет идет на десятые доли секунды. Ведь за одну минуту в нашей стране производится 23 тысячи квадратных метров тканей всех видов; 1,6 тысячи пар обуви... Как же не беречь нам время?

И конечно же, нельзя не сказать о высоком инженерном уровне производства. На комбинате внедрен комплексный план его инженерного обеспечения. Вытяжные приборы, которым мы недавно радовались, заменены новыми, пухообдуватели тоже новые, с увеличенной всасывающей мощностью. Да разве все перечислишь!

Особо хочется рассказать о своей бригаде. Возглавляет ее Виктор Иванович Цыкулаев. И в том, что бригада стала лучшей в отрасли, орденоносным коллективом, немалая его заслуга. Помог и бригадный подряд. В результате наша бригада выполнила восемь годовых заданий, выработано сверх плана 589,5 тонны пряжи. Мы все бережем: оборудование, сырье,— поэтому ежегодно экономим 2—3 тысячи рублей. Свои секреты не прячем: на базе бригады организована общесоюзная школа передового опыта. Лично я обучила своей профессии 120 молодых работниц. Что же касается производственных показателей, то они такие: в девятой пятилетке выполнила два пятилетних задания, в десятой — три, а в этой, набирая виноградовский темп, собираюсь осилить четыре пятилетних плана, то есть 20 годовых норм. Начала свою работу с обслуживания 1080 веретен, а сегодня — 4320 веретен. Мне была присуждена Государственная премия СССР, премия Ленинского комсомола. Была делегатом XXVI съезда партии.

Может, кто подумает, расхвасталась, мол, Гиталова. Да не мое ведь только в этих успехах достижение—труд товарищей по бригаде: и съемщиц, и прядильщиц, и бригадира. Всегда помню, что в моих наградах часть, и значительная часть, их опыта, знаний, мастерства.

Часто мне задают вопрос: трудно вам, Валентина Егоровна? Трудно, отвечаю, потому что на передовиков остальные равняются, а расслабиться я не имею права.

...И ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Валентина БАХАНЦОВА,
бригадир Рогачевского райкомбината бытового обслуживания, депутат Верховного Совета СССР

Сшить костюм или платье, отремонтировать обувь, радиоприемник или часы... Как далеки на первый взгляд эти будничные наши заботы от героики первых пятилеток. Однако же мы помним: в тридцатые годы гремело имя Николая Степановича Сметанина, ленинградского обувщика. 21 сентября 1935 года, через двадцать дней после Стаханова, он, разделив технологические операции, поставил рекорд: выполнил производственную норму на двести процентов. И стал тем самым зачинателем стахановского движения в кожевенно-обувной промышленности. Работал Сметанин не в мастерских, а на известной фабрике «Скороход».

Сегодня мы знаем имена сантехников, портных, электриков, удостоенных самых высоких правительственных наград, избранных депутатами народных Советов...

После выступления Валентины Николаевны Голубевой и Валентины Егоровны Гиталовой рассказывать о наших достижениях непросто. Но вот, что нас, тружениц той сферы, которая называется бытовым обслуживанием, роднит с ткачихами и прядильщицами: они прядут нити и ткут ткани, а мы из этих тканей шьем платья и костюмы. Заботимся о том, чтобы у наших заказчиц было хорошее настроение. И их продукция и наша одного ряда: товары для народа.

Профессия закройщицы, мастера швейного дела, не меньше, чем любая другая, а может быть, в чем-то и больше, требует трудолюбия, находчивости и способностей. Сейчас я бригадир, а начинала десять лет назад обычной закройщицей. Впрочем, я как-то очень легко сказала, что сразу стала закройщицей. Хорошей закройщицей быстро не сделаешься: нужен, как и везде, опыт. Помню, поначалу даже наперсток держать не могла. «Давай, Валентина, привяжем его к пальцу»,— шутила мастер производственного обучения училища Тамара Макаровна Тимошенко. Старалась, окончила училище с отличием. Добрым словом вспоминаю Надежду Александровну Никитину, Марию Аркадьевну Шулькину, Зою Викторовну Боровик.

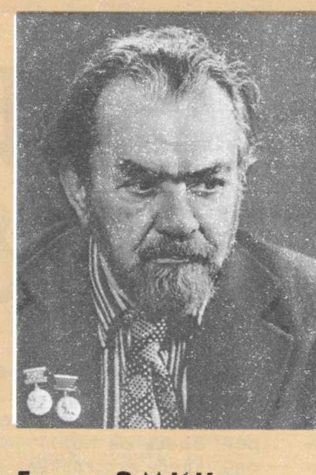
...Но вернусь к своей работе. Наверно, каждый присутствующий на этой встрече заказывал себе в ателье костюм, платье, блузку... Вы заранее выбирали ткань, придумывали фасон, конечно же, представляли себя в новом платье красивой, нарядной. А разве не бывает так, что берете готовую, сшитую вещь и не лежит к ней душа? То шов кривой, то рукав вшит неаккуратно. А за работу уже заплатили 15—18 рублей, да сколько еще времени на примерки затратили! И нет уже хорошего настроения... Так вот, наша бригада борется за то, чтобы каждый заказчик ушел счастливым. Пусть мы далеко от столицы, но наши полеводы из окрестных деревень и рогачевские работницы хотят одеваться не хуже московских модниц. Стали шить вещи более сложные. Пришлось всю работу перестроить. Первыми в Гомельской области перешли на бригадный подряд. По собственной инициативе перешли. Теперь каждый несет ответственность за сшитое изделие, все стали в бригаде взаимозаменяемы: кроме своей операции, любой может и сметать, и отутюжить, машинную и ручную работу сделать. Знаете, результаты сказались быстро. Качество повысилось, заработки возросли до 160—170 рублей плюс премиальные...

Но не все еще у нас гладко. К сожалению, оборудование старое, деталей запасных нет, порой копейки стоит деталька, а из-за нее простаиваем. Всякие пуговицы, кнопки, пряжки, то, что фурнитурой называется, попробуй сыщи! Мало добротных тканей поступает, да и расцветки скучные. Приходит, например, молодая колхозница, ну как можно ее в мрачное платье одеть?

Кстати, чтобы отремонтировать обувь, почистить одежду, не обязательно из села ехать в Рогачев. Ателье, прачечные, ремонтные мастерские открыты и в сельской местности, а туда, где их нет, выезжают для оформления заказов приемщицы. О хорошо налаженной работе сферы услуг говорит и то, что я как депутат мало получаю жалоб от избирателей. На мой взгляд, комбинаты бытового обслуживания вроде нашего, где рядом и химчистка, и парикмахерская, и часовая мастерская, и трикотажный цех,— самая прогрессивная форма обслуживания населения.

Рассказы выступавших записали Г. КУЛИКОВСКАЯ, З. ЗОЛОТОВА.
Фото Л. Шерстенникова.

ВЕСНА СОРОК ПЯТОГО...

Геворг ЭМИН

●

В небе гоня облаков ледяные волокна,
Ветер раскрыл все сердца,
все двери и окна.
Ты говоришь:
— Весна — это мир расцветающий,
Это рокот грозы,
это снег, под лучами тающий,
Это птиц возвращенье
и паводок, мчащий раскованно,—
Словом, все то,
что природою нам уготовано...
Что ж, ты, конечно, права,
моя дорогая,
Но эта весна не такая, как все, —
другая.
Смотри, разноцветные звезды
в ночи полыхают —
Это в честь нашей славной Победы
салют громыхает.
Смотри, подлетают к гнездовьям усталые
птицы —
Это наши герои с победой спешат
возвратиться.
Все смелее по склонам ручьи разливаются
вешние —
Это наши сердца оттаивают окаменевшие...
Весна как весна, говоришь...
Но, сугробы вздымая,
Четыре года длилась зима —
до этого мая...

1945.

●

Стало роскошью для мальца
В эту пору иметь... отца.

Стало роскошью в дни войны
Безмятежные видеть сны.

Нету братьев без костылей,
Нет сестры без платков у глаз...

Не утративших грез,
Не обретших скорбей
Нет у нас матерей
Сейчас.

Перевел с армянского А. НАЛБАНДЯН.

1942.

●

Три матери в черном вдоль снежной
дороги
идут о сынах погадать.

К гадалке идут, чтоб унять все тревоги,
предчувствия злые унять.

Сквозь слезы встает перед ними долина,
рыдания губы свели...

...Сегодня чуть свет три их доблестных сына
на дальней земле полегли.

1942.

МОЛЕНИЕ МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Саят-Нова сказал: «Боль моя
Больше, чем возможность нести ее...»

1

Не жизнь,
а лихая кручина —
аве, Марина...

2

Нужда твоя, не знающая меры,
и бóльшая, чем горькое житье,
и зло из зол попрало голос веры
и отравило пищу и питье.
Твой крик —
он больше губ твоих и легких,
Твой рок...
всех средств и выходов страшней,
и тьма твоя...
темнее мрака, больше,
глаза —
по мерке ли слезы твоей?
Волнение —
душевных сил огромней,
и мысль твоя —
громаднее ума,
и песнь твоя —
о, больше лиры, больше,
и нищета —
огромней, чем сума.
И рана, что громаднее, чем тело,
дана тебе злосчастною судьбой,
и мука — без смягченья, без предела,
превосходящая тебя и возраст твой.

3

Что жизнь твоя?
Лишь горькая кручина.
Аве, Марина!..

Перевела Н. СААКЯН.

МОРСКОЙ ЗАКАТ

Солнечный диск, раскаленный,
Уходит на запад, не споря.
Касаясь волны студеной,
Спускается медленно в море...

Заходит. А я еще столько
Стран повидать не успел
И песен прекрасных столько
Не слышал и сам не спел.

И столько еще желаний
В душе моей. Что скрывать?
Сколько весною ранней
Цветов не успел я сорвать.

Солнце заходит устало.
Победно приблизилась ночь.
А сколько огня в нем пылало,
Казалось, не превозмочь.

Пока еще солнце мы видим,
Не мешкай, родная, в пути.
Мы вновь вместе с солнцем не выйдем,
Как солнцу, нам вновь не взойти.

АРМЯНСКОМУ НАРОДУ

Ты песен бурный океан,
А я — лишь капля в океане.
Ты дерева могучий стан,
Я —лист, что без тебя увянет.
Ведь если высохнет Севан,
То и Зангу греметь не станет.

Перевел М. РЫЖКОВ.

●

Жалейте стариков, они не спят в ночи.
Скажите: «С добрым утром!» —
чин по чину...
Опять сверкнули жаркие лучи —
Они еще во тьме наполовину.

Спросите их: «Как спали эту ночь?»
Они глядят на мир как бы спросонок
И счастливы, что ночь уходит прочь,
И радуются миру, как ребенок.

Довольно огорчений старикам,
Любой из них у жизни храбрый воин!
Кто воевал со смертью по ночам
И победил,— почтения достоин.

И не обременяйте стариков,
Поберегите их златое время.
Ведь старость — это испокон веков
Есть самое мучительное бремя.

Перевел Э. БАБАЕВ.

НАКАНУНЕ ПОТОПА

Из американских стихов

Допотопно все накануне потопа.
Все это было,
все так же зловонно.
Это — так называемая свобода,
когда не дорвешься до микрофона.
Это —
молитвы лживые,
выспренние
и преступления — самые искренние.
Это —
ложь наяву
и ложь во сне,
это сны,
не в явь превращенные —
в сны.
Это —
щель в разрушающейся стене,
которая шире самой стены.
Это —
мясорубка людей.
Это —
мыслерубка идей.
Это —
когда любой плевал,
зерно ты или плевел.
Это —
вселенскую подлость
кто-то возводит в святыню.
Это — святыню
пошлость,
смеясь,
превращает в пустыню.
Это —
доброта,
у которой
нет ни двора ни кола,
с рукой,
безнадежно простертой,
милостыню
просит у зла.
Это — палач,
это — жертва.
Это — хамелеон,
Это —
разваливающаяся,
как еле связанные жерди,
башня твоя,
Вавилон.
Я знаю
неизбежность истории.
Очередь —
за карой скорою.
Содом и Гоморра разрушатся с треском,
и богу захочется
с прежним блеском
построить
заново
новый свет,
и вдруг он увидит —
возможностей нет...
Конечно, он может,
чертям уподобясь,
низвергнуть какой-нибудь новый потопец,
найти Арарат,
и ковчег,
и статистов
на жалкие роли
нечистых
и чистых...
Но где он найдет
существо неземное
на роль голубую
спасителя Ноя?
Почти безнадежное дело это —
быть реконструктором нового света!

Перевел Е. ЕВТУШЕНКО.

Д. ИВАНОВ

Новые име
или

КТО «НА СЛУХУ»?

«Как только статья о современной литературе, как только затрагивается в этой статье современная, а в особенности деревенская тема, так тотчас и появляется эта отстоявшаяся, отшлифованная обойма: Абрамов, Белов, Распутин, Астафьев, Носов.

Все это правильно, все это — замечательные писатели, ознаменовавшие собой яркую вспышку в литературе в последние 20—30 лет. Ну а дальше? Так и костенеть, бронзовать этой обойме? Почему не присоединяются к ней новые имена? Или остановился процесс развития нашей литературы?..»

Эти запальчивые слова можно было прочесть год назад. Подобные же звучали и еще значительно раньше. Не утратили они своей злободневности и сегодня, хотя ответы на поставленные вопросы в общем-то подразумеваются.

Да, не только названные пять имен успело «отшлифовать» время за последние 20—30 лет. Всякий читатель в соответствии со своими вкусами и пристрастиями легко пополнит подобную обойму по крайней мере пятью другими фамилиями. А может и десятью, и больше, если не станет связывать себя весьма неопределенным определением «деревенская тема». Не тем же выделяются названные имена, что во многих или даже в большинстве своих произведений воплощали они характеры и обстоятельства нашей сельской действительности, да и вообще материалом их книг редко становилась городская жизнь.

Кстати, почему-то в довоенной советской литературе не производилось такого «географического», что ли, деления, хотя и тогда были писатели, которым жизнь сельского человека была особенно близкой. Но никому ведь не приходит в голову назвать «деревенщиком», например, Панферова или даже вдруг Шолохова, хотя оба они идеально подпадают под эту нынешнюю надуманную рубрику. Между прочим, Панферов-то мыслится тесно, рядом, неразрывно с Гладковым, хотя «Бруски» и «Цемент» «по географии» пришлось бы числить в разных литературных ведомствах.

Сегодня же «городские» рассказы Белова еще могут сопоставлять с «городскими» же повестями Трифонова, однако сопоставление всего творчества этих талантливых воссоздателей современности, в какой-то момент почти одновременно повернувшихся к недавней истории («Кануны» Белова и «Дом на набережной» со «Стариком» Трифонова),— дело крайне непривычное. Равно как и «военные» повести Астафьева и Бондарева могут оказаться вместе в поле внимания критика, а вот близость астафьевского Акима из «Царь-рыбы» и бондаревского Крымова из «Игры» требуется еще подметить и осмыслить...

Но — продолжаю: нет, процесс развития литературы не остановился, конечно, появляются и получают читательское признание новые талантливые писатели. Так что сам же автор выдвинутых вопросов отвечал себе:

«Разве не идут вслед за этими чуть-чуть более старшими собратьями по перу Владимир Крупин, Евгений Гущин с Алтая, Василий Афонин из Томска, Владимир Личутин, Борис Екимов. Что касается последнего имени (равно как и Владимира Крупина), то ему давно место в первом ряду перечисляемых имен».

Что здесь безусловно, так это одно: «старшие собратья» действительно не слишком намного старше только что поименованных. Василию Афонину, например, в прошлом году сравнялось уже сорок пять, живущий тоже вдали от столицы, на Дону, в городе Калач, Борис Екимов еще одним годом старше.

В прошлом году в Москве издательство «Советская Россия» выпустило книгу Екимова «Елка для матери» (тогда же у писателя появилась и еще одна московская книжка — «Холюшино подворье»); в том же году столичные издатели и Афонина порадовали двумя сборниками: «Письма из Юрги» и «Вечера».

А коли так, коли всем из новопредложенной обоймы близится уже полвека и, значит, должны они находиться в расцвете творческих сил и книги у них не редкость, то и имена их, выходит, должны быть на самом «на слуху» у читателя. Так ли это, однако? Видимо, вряд ли. И причин тому по меньшей мере две.

Первая объективная. О ней так говорит Владимир Крупин, автор надолго запавшей в память повести «Живая вода», но, по большому счету, пока почти только ей одной и остающийся известным:

«...Наши книги далеко не родня книгам старшего поколения. Попросту говоря: не тянут»; или даже так: «Наша общая вина, что поколение писателей и поэтов, условно названное «послераспутинским», еще почти никак не проявило себя».

Действительно: «старшие собратья» и заявляли о себе и раньше, и скорее, и мощнее, а главное — сразу же или на каком-то близком этапе они делали открытия в характерах и судьбах людских, выходили на новую ступень постижения жизненной правды. Правда (снова «правда»!), в последние годы стали затягиваться перерывы — если ограничиться хотя бы вышеназванной «бронзовой» пятеркой — между их по-настоящему крупными созданиями: и «Дом» Абрамова, и «Кануны» Белова, и «Прощание с Матерой» Распутина, и «Царь-рыба» Астафьева, и «Усвятские шлемоносцы» Носова — все они вышли шесть, семь, а то и почти десять лет назад.

Казалось бы, стало больше возможностей первым сказать новое слово о дне сегодняшнем или минувшем, однако слишком редко и недостаточно громко звучало оно у «молодых».

С другой стороны, и критика в последние годы чаще оказывалась способной прислушиваться не столько к новому слову, сколько к новым фамилиям. Некоторое время назад она начала даже собирать новое литературное подразделение — «сорокалетних», куда зачисляли уже независимо от места действия произведений и рода занятий их героев чуть ли не всякого «молодого», который как-то и когда-либо заметно — для того или иного критика — заявил о себе. И тогда был маленький бум возле достаточно длинного ряда имен.

Ныне, кажется, шум волн вокруг волны «сорокалетних» утих, количеством лет талантливость произведений и их создателей больше вроде бы не мерят и не определяют. Да и территориальные или историко-временные признаки литературы (вроде «деревенская», «городская», «военная» проза) тоже все более отходят на задний план. Самое время прислушаться не к хору, не к тем, кто идет «вслед», а чаще и просто след в след, но к отдельным голосам.

Среди тех, что звучат давно уже по-настоящему серьезно, выделяются голоса Василия Афонина и Бориса Екимова.

ЧИСТАЯ СОВЕСТЬ

Имя Бориса Екимова привлекло внимание после рассказа «Холюшино подворье». В нем писателю удалось художественно правдиво запечатлеть, как совестливо, истово, самоотверженно трудится, хозяйствует на земле его герой. Здесь он подлинный поэт, настоящий творец, здесь его главная и единственная радость в жизни. В последние годы, думается, не было у нас другого образа такого беззаветного сельского труженика, в чем-то он даже сродни Михаилу Пряслину из абрамовской тетралогии, каким тот предстал незадолго до екимовского рассказа в романе «Дом».

В обоих живет страстное желание отдать всего себя земле, но старику Холюше это удается, а Михаилу, работнику в зените лет,— нет. Вокруг екимовского рассказа (одного!) завязалась тогда памятная дискуссия в критике и публицистике. И мне тоже довелось говорить о Холюше и о том саднящем, давно наболевшем, чем всех и затронул екимовский герой: долго ли еще окружающие будут работать спустя рукава?

Но говорил я тогда же и о другом: писатель изобразил Холюшу односторонне, однобоко. Екимов словно забыл, что перед ним не просто прирожденный хозяин, но еще и вольный и невольный, прижимистый и расчетливый (а иначе как же!) собственник. Любуясь своим золотым работником, он оставил в тени всю неприглядь такого характера и дал читателю слишком благостный, слишком умиленный его портрет. И художественной правде образа был нанесен весьма существенный урон.

...Василий Афонин вступил в литературу, когда ему было уже за тридцать. Но первая же его повесть «В том краю» была замечена и по-доброму принята. Начинал он как светлый данник детским, юношеским и более поздним своим впечатлениям и жизненным наблюдениям. И до сей поры речка Шегарка и деревни Юрга да Жирновка, принципиально не меняя своих названий, кочуют у Афонина из рассказа в повесть, независимо от различия имен и судеб их героев: все они выходцы той незабвенной стороны, всех их она воспитала и осталась в сердце манящим светом. (Кстати, у Екимова хутор Ветютнев, Вихляевская гора, фамилии Тарасовых и других тоже встречаются неоднократно, но это уже построенная писателем модель сельского мира, в которой он исследует интересующую его жизнь и характеры.)

А потом был у Афонина рассказ «Тетя Феня» — из самых запомнившихся во второй половине минувшего литературного десятилетия, ударивший в душу историей жизни тяжкой, такой безрадостной и беспросветной. Поразило, как мерно, скупо, деталь за деталью, штрих за штрихом, плотно, строго, жестко, безжалостно автор делал читателя не просто свидетелем — ответственным за непостижимо бессовестную неблагодарность по отношению к этому бесконечно совестливому, доброму человеку.

«Дрова и уголь лежали день, и два, и три. Леночка и Толик дважды в день проходили мимо, глядели. Тетя Феня молчала. Потом она брала старые ведра и, как носила из колонки воду, начинала носить в сарай уголь, пересыпая в закром, а дрова — к сараю, их еще следовало пилить и колоть. На это уходил весь день. В такие дни тетя Феня уставала больше всего. После ужина, не дожидаясь, когда выключат телевизор, она ложилась спать, неуверенно, как бы ощупью, доходя до своей кровати.

— Мама, ну зачем ты это делала? — говорила вечером Леночка.— Или мы не видим, что дрова привезли. Сами бы и перетаскали. Ведь верно, Толик?

— Я бы один перетаскал,— вступал тут же Толик.— Выходного дожидался просто. В обыч-

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

на — новое слово?

ные дни устаешь, рук не поднять. Так и думал: выходные настанут — примусь за уголь и дрова...»

«В запасе нарубленных дров почти никогда не было. Случалось нередко, что перед самым затопом тетя Феня начинала рубить дрова. Она не рубила, ломала. Выберет тонкую дощечку, часть рамы, положит одним концом на чурку, второй конец прижмет к земле ногой и ударит в середину топором, переламывая. Тетя Феня, с трудом вскидывая над плечом топор, рубит-ломает дрова, а Толик в трех шагах от нее на скамейке под деревом читает газету.

— Толик,— говорила, выйдя из сеней, Леночка и показывала глазами.

— Мама, что же вы?! — вскидывался зять.— Не могли сказать, что дров нету? Я бы нарубил сразу. Всегда вот так. Давайте топор. Сколько нужно?»

И вот так каждый день, год за годом, вся жизнь. Что движет этой неустанной труженицей, самозабвенной заботницей о дочерях — о равнодышащей Леночке и такой благополучной старшей Надежде? Покорная привычка? Убогость ума, душевная бедность, самолюбивая горделивость? Слепая материнская любовь?

Нет, просто совесть.

...Писатель Камышов, герой другого афонинского рассказа, «Чистые плесы», в тот момент, когда его одолели сомнения — «...нужно ли это, писание? Приносит ли оно ему удовлетворение? Что дает читателю? Изменяет ли что в жизни, в лучшую, разумеется, сторону, помогая людям?»,— размышляет: «Что нужно было ему, как писателю? Талант, ум, образованность. Но прежде всего — совесть. С талантом все было ясно, талантом его всевышний обнес, наделив определенными способностями. Ум у него был обычный...

Нужно было движение год от года, качественное, поступательное, а движения не было. Он как бы топтался на одном месте. Необходимо было написать новую работу, такую, чтобы она подняла его, поставила в ряд с лучшими литераторами времени, а он совсем не был уверен, что сможет это сделать — написать. Было бы куда страшнее, если бы он был переполнен уверенностью, но то, что он терял в себе веру, было не менее страшно. Но он терял ее со дня на день».

...И как же это чудесно: читаешь и видишь, что у героя, у человека — чистая совесть.

Афонин и Екимов умеют особенно зримо представить именно таких добровольных невольников нелегкой, а то и очень тяжкой ноши, которую они взваливают на себя.

Но писательские почерки одного и другого совершенно различны.

Афонин, как уже говорилось, изобразительно скуп, строг. Его привлекают полутона, он отбирает слова простые, ясные, шаг за шагом прослеживая поступки, душевные движения, историю той или иной судьбы. Он как бы не придумывает, а просто, последовательно, методично восстанавливает действительные истории: весь погруженный в быт своих героев, на самом-то деле он выступает летописцем — верным свидетелем лет недавних и нынешних. Порою, правда, такая наружно безучастная монотонность перечислительной фиксации становится утомительной, не срабатывает.

Екимов старается живописать жизнь сочно, ярко, однако временами она виделась ему избыточно цветистой, даже какой-то сладковатой, подсахаренной, что ли. Во всяком случае, именно такое впечатление производили отдельные его вещи, особенно их «утепленные» финалы, пересыщенные умилительным лиризмом.

Начиная с отличного рассказа «Путевка на юг», у Екимова все меньше открытого любования столь близкими ему, родными хуторскими жителями с их безоглядно совестливым отношением к труду, к добру. Но действительно, какая другая радость у Николая Скуридина — героя только что названного произведения? А у Степановой матери из рассказа «Переезд»? Разве только жестоко поругаться, а точнее сказать, поляяться с соседом из-за закошенного «лафтака» (Екимов с охотой нажимает на местные речения) земли.

Но автор извинял свою героиню,— чувствуется, он даже одобрял ее и в эту минуту, как восхищался во все те долгие часы, дни и годы, когда она «горбатится»:

«— Мой сынок! — кричала она в другой раз.— Гляди, трава-то стоит! Пробежал рысью. Загубил траву, да и все! — всплескивала она руками.

— Да там же одна свистуха.

— Во! — с растерянностью разводила руками мать.— Во мы какие богатенькие. Свистуха нам не нужна.

— Ну, попробуй ее возьми,— начинал злиться Степан.— Там бугор. Она перестоялась.

— Матаря все возьмет,— все с той же нарочитой кротостью отвечала мать.— Матари не на кого надеяться. Не лениться, косу точить надо почаще, мой сынок, вот и все».

И все восстает и в афонинских, и в екимовских героях, когда нет в человеке совести, когда нет ее до того, что люди вовсе не хотят работать.

ПЕРЕД ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

«Смятение» — так называется рассказ Афонина о муже, который не выдержал наплевательского отношения жены к деньгам, к своим домашним обязанностям и ударил ее. Он казнится, он должен был, конечно, сдержаться хотя бы ради дочки. Но она-то, жена,— как может она жить напрочь обнаглевшей барыней?..

Может быть, кто-то не захочет сочувствовать Печникову, может, подумает да и скажет, как его супруга: «Что же ты за мужик, если семью содержать не можешь...» Наконец, может, и последнее решится произнести. «Едой укори-ил,— тянет она. Глаза ее белеют, останавливаются, лицо деревенеет. Печников знает, что произойдет сейчас.— Едой! Да ты...»

Пусть тогда прочтет афонинские повести «Год сорок шестой» и «Зимний путь». Думается, никто до него не описал так сурово правдиво, так безжалостно сдержанно, с такими затаенными болью и благоговением, какая же работа выпала еще и после войны русским деревенским бабам да мальцам с девчушками... Страшная работа!

Но когда человек сам не хочет работать — это еще страшнее.

Об этом прямо-таки кричит и рассказ Екимова «Чапурин и Сапов» — один из самых последних и, как мне кажется, самых сильных у писателя. Здесь автор вглядывается в характеры, социальное и нравственное уродство которых задевает нас все глубже и больнее.

«Брось эту дурь свою и трудись... Становись хозяином»,— увещевает Чапурин двадцатипятилетнего Юрку, у которого рука запросто поднимается добыть себе мяса на обед стрельбой по... голубям. И что же отвечает Юрка Сапов?

«— Да молодые пока... Охота пожить. А с хозяйством...»

И он не один такой. Ему вторит, его так хорошо понимает Петро:

«— Нехай горбатится. А мы, пока молодые, будем жить.

...Будем жить, приворовывая. Вот так... Кто не ворует? Скуридин? Шляпунок? Не может этого быть... Воруют. Потому и живут.

...Нас в такие дураки не поставишь. Мы — нумекаем. Это старики по дурости горбатились всю жизнь, света не видали. А мы — хренушки... Сами грамотные. Жить надо».

Вот, оказывается, как надо, как можно позволить себе жить: не работая, не горбатясь, без единой краски стыда, без капли совести, без всякой жалости: вчера—голуби, сегодня—лошадь жеребая, которую Юрка и Петро загнали до смерти, когда везли ворованные аккумуляторы, завтра...

«Чапурин положил голову на стол и сидел. Дурная была какая-то голова, словно гулял неделю на свадьбе, а теперь вот — мается. И на душе мутно было, просто не хотелось жить».

Как, чем их пронять, чтобы проснулась совесть, чтобы превратить в человека?

К сожалению, мы не все знаем про этих Петров, Юрок, многочисленных жен Печниковых, не до конца понимаем, как они дошли до жизни такой. И писатели как ни бьются, не могут «отомкнуть» им души. Они их захлопнули, отгородили от других людей. Они и сами не знают, чего хотят, не способны, не могут к себе достучаться.

Николай из «Нового года» Екимова по пьянке подрался и чуть не убил человека. Подрался в который раз и не обратил бы внимания, не вспомнил бы, если б вдруг не замаячила тюрьма. И тогда испугался, задрожал, стал искать любой выход. И ни разу не вспомнил о том человеке, не пожалел его,— его, не себя.

Почему он такой бесчувственный, этот парень двадцати трех лет? Писатель не знает.

То, что говорит Николаева мать,— не ответ: «И так я смотрю: все из дома да из дома. Все ходишь да бродишь. И выпиваешь часто да не в меру. Ты на отца-то не смотри. Отец что, у него и образования-то никакого. И жизнь такую прожил...»

То, что думает сам Николай,— тоже не объяснение: «Хочется ведь веселее пожить. А то на работе горбатишься, приходи домой — за книжки садись... Так и молодость пройдет, не увидишь ее. А что про выпивки — так что выпивка? Ну, для веселости выпил грамм двести, посидел, поговорил. Потом гулять пойдешь, чувствуешь какое-то настроение. К девчонкам каким подвалить, познакомиться — если не выпьешь, так и не подойдешь, застесняешься, а и подойдешь, так говорить не о чем. А выпил грамульку — другой разговор, сам себя не узнаешь, откуда и слова берутся».

Что же ему еще делать, как себя занять, чем отвлечься? Ведь он не хочет, не хочет жить так, как живет. Кто ему поможет, если сам он не в силах, если не понимает, что менять надо сначала что-то не в своей жизни, а в себе самом...

И Афонин в «Истории одной семьи» мучается такой же, в общем, героиней.

«А мне уже хотелось обратно, хотелось посидеть в каком-нибудь кафе, где хорошая эстрада, или же побывать в гостях, где много легкого вина, шум, разговоры, музыка, или погулять по тихому бульвару после симфонического концерта, или полежать в городской квартире, листая только что полученные журналы. Вечер, ты одна, настольная лампа...»

Опять перед читателем эгоист, опять человек без любви к труду, без обязанностей, без привычки к заботе о другом и других.

«...Я стала спрашивать себя: чего же ты действительно хочешь? И отвечала откровенно: не знаю».

Не знает... Повесть и кончается этими же словами: «Вот так мы живем сейчас. А что будет дальше, я не знаю».

Не знают герои, не знают пока и писатели: не смогли проникнуть в их жизнь, не нащупали каких-то связей явлений, которые то ли распались, то ли негаданно пагубно сплелись...

...Так что, возвращаясь к началу, расширять «бронзовеющую» обойму, хотя она, к несчастью, со смертью Абрамова сузилась, я не стану. Но постоянно ждешь, надеешься: еще немного, еще чуть-чуть — и тугие двери поддадутся, отворятся.

Пора!

Я СПОКОЙНА ЗА СЫНА

«Внимание — подросток!» — под такой рубрикой «Огонек» уже не раз публиковал читательские письма по проблемам трудового воспитания, организации интересного досуга тех, кому четырнадцать-пятнадцать лет. Сегодня мы публикуем короткие рассказы В. Реки из Таганрога и И. Ендураевой из г. Похвистнево об энтузиастах, которые все свое свободное время отдают детям.

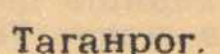
внимание — подросток!

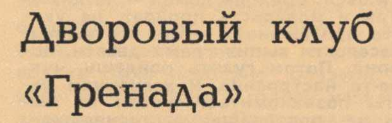
В 22-м номере журнала «Огонек» я прочитала подборку писем «Как помочь четырнадцатилетним», и мне очень захотелось рассказать вам о мастере производственного обучения ГПТУ-23 Таганрога Ростовской области Борисе Исааковиче Огородникове. С тех пор, как мой сын стал учиться в его группе, я решительно перестала узнавать его. Раньше Сергей был непослушным, ленивым в учебе, я вообще не чаяла, когда он окончит школу, так надоели его двойки-тройки и вызовы к учителям. Теперь все изменилось, просто не нарадуюсь. Слово мастера для него закон. «Так сказал Борис Исаакович — значит, иначе уже не будет». И ясное дело, что плохого мастер ребятам не посоветует.

Сейчас я спокойна за своего сына, на следующий год он уже уходит в армию, и мне от всего сердца хочется выразить глубокую благодарность Борису Исааковичу за то, что он, не считаясь, старается все свободное время проводить с нашими детьми. Он сумел сплотить, зажечь ребят. Всей группой ходят они на овощные базы, а потом на заработанные деньги путешествуют по нашей стране. У сына уже целый альбом фотографий из разных концов Советского Союза, где они побывали за эти два года. И из каждой поездки Сережка привозит всем (бабушке, мне и отцу) хоть недорогие, но со вкусом подобранные подарки, я знаю, что помог ему в этом мастер. Однажды сын убежал с консультации (он в этом году сдавал экзамены за 10-й класс). В этот же день Борис Исаакович позвонил мне на работу и попросил побеседовать дома с сыном построже. Очень хочется, чтобы было у нас побольше таких педагогов, которые всю душу отдают детям, стараясь помочь нам, родителям, в их нелегком воспитании. Мне иногда даже кажется, что, если бы не Огородников, мы не смогли бы воспитать такого хорошего, внимательного сына.

Сама я работник милиции и на опыте убедилась, что только те дети, которые своими руками зарабатывают деньги на свои расходы, будут знать им цену, а не клянчить у взрослых. Самим же родителям надо стараться понять интересы детей, больше уделять им времени, чтобы никогда не могла порваться нить дружбы и взаимопонимания между нами и нашими детьми.

В. РЕКА

Таганрог.

Дворовый клуб «Гренада»

Хочу рассказать о нашем клубе «Гренада», который существует вот уже несколько лет. И спасибо за его создание надо сказать нашему руководителю Юрию Борисовичу Потапову. Он человек высокоинтеллигентный, образованный. Самостоятельно изучил несколько иностранных языков, прекрасно разбирается в политике. Но главное его достоинство — он прирожденный, талантливый педагог, теплый, душевный человек, любит подростков, умеет найти подход к каждому, даже очень озорному парнишке.

В читательской почте под рубрикой «Внимание — подросток!» часто ставился вопрос о трудовом воспитании школьников. Так вот дети наши, занимающиеся в клубе «Гренада», не просто развлекаются, что тоже немаловажно, но и с удовольствием работают на предприятиях города, а заработанные деньги идут в фонд клуба. Ведь нам нужны костюмы, декорации для политтеатра «Романтика» (сценарии пишем все вместе), музыкальные инструменты для тех, кто увлекается музыкой, фотооборудование для фотолюбителей. Очень любят ребята свою секцию дзюдо. Летом члены клуба работают в интербригаде имени Фарабундо Марти, в которую входят ребята и из других городов: Тольятти, Новокуйбышевска, Нефтегорска и нашего Похвистнева. Приезжали к нам и студенты из Москвы из МГУ, Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, с которыми мы полтора месяца работали в Ставрополье, заработанные деньги перечислили в Фонд мира.

Трудно в одном письме рассказать все, что происходит в нашем клубе, но главное, что он живет, активно действует и все новые и новые ребята приходят к нам, а не уходит никто. Проблемы «трудных» подростков у нас не существует. Свое письмо хочу закончить призывом к родителям: «Не бойтесь таких клубов, плохому тут ваших детей не научат».

И. ЕНДУРАЕВА,
17 лет

Похвистнево
Куйбышевской обл.

НАШЛАСЬ АНЯ

В № 15 «Огонька» за этот год была опубликована фотография красавицы, донской казачки, санитарки 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса Анны Пуголовкиной и просьба читателя А. Арсеньева из Харькова, хранившего эту фотографию долгие годы, отозваться тех, кто знал Анну.

Бывший военком Пролетарского райвоенкомата Ростова-на-Дону полковник запаса Б. В. Власов сообщил, что эта же фотография Анны Пуголовкиной вместе с боевой шашкой ее мужа — бывшего командира полка, полковника Георгия Александровича Воронова — хранилась в Музее боевой славы Пролетарского райвоенкомата.

О своих фронтовых встречах с Анной Пуголовкиной и командиром полка, в те годы еще гвардии подполковником Г. А. Вороновым написал нам гвардии младший сержант запаса, ныне полковник в отставке С. Мамбеталиев из Нарына. Он хорошо помнит и санинструктора Аню, и своего друга Сашу Александрова, с которым заканчивал учебу в Ростовском противотанковом артиллерийском училище. В полку Саша был коневодом, ухаживал за конем, с которым сфотографирована Аня. Светло-бурой масти, со звездой на лбу, эта красивая верховая лошадь по кличке «Балет» принадлежала командиру полка подполковнику Г. А. Воронову.

Подробные сведения об Анне Яковлевне сообщила в редакцию сотрудник газеты «Знамя» Светлана Сокарева из с. Родионовка Ростовской области.

Узнали на снимке в «Огоньке» свою односельчанку жители Больше-Креминского. Пуголовкиных тут почитай полсела. А семью Анны помнили многие, тем более что брат ее Федор Яковлевич Пуголовкин и доныне там живет. Двое они остались с сестрой на свете, а было в их крестьянской семье четверо детей. Иван и Василий не вернулись с войны. Анна была старшей, удалой, лихой казачкой росла, с лошадьми и техникой колхозной управлялась наравне с мужчинами. Работать пришлось с пятнадцати лет, так как отец рано умер и надо было помогать матери кормить семью. Рыбачила в рыбсовхозе, организовав первую женскую рыболовецкую бригаду из девчонок-комсомолок. Позже Анну направили на учебу в Краснодарский кооперативный техникум. Работала в Порт-Катоне на молокозаводе. Здесь вышла замуж за Федора Николаевича Муху, стала матерью и его сыну, трехлетнему Коле. В 1941 году Анну Яковлевну послали на слет передовиков-стахановцев Дона в Москву.

Война перечеркнула все мирные планы. Проводила Анна мужа на фронт, где он и погиб.

А сама Анна? На второй же день войны подала заявление в райвоенкомат с просьбой направить ее на фронт санинструктором — еще в 1939 году она окончила курсы медсестер. Но на руках были сын Коля и престарелая свекровь. Анну оставили дома. Работала в бригаде по лову рыбы — надо было снабжать фронт. А потом она вступила в отряд народного ополчения. Там стала коммунистом. Свое боевое крещение приняла в станице Каневской уже в составе Донского казачьего корпуса в качестве санинструктора второго эскадрона. Победу Анна Яковлевна встретила в Австрии.

После войны вышла замуж за своего боевого товарища Георгия Александровича Воронова, который долго оставался кадровым военным. Делила с ним все трудности офицерской жизни, воспитывала двух его сыновей, оставшихся без матери. А. Я. Воронова и сейчас в строю. Ведет большую работу в Совете ветеранов 5-го гвардейского казачьего корпуса, часто бывает в своем родном селе Больше-Креминском, рассказывает о боевых товарищах, активно участвует в подготовке смотра художественной самодеятельности. Со всех концов Советского Союза пишут ей старые боевые друзья. Недавно получила она письмо от Ивана Михайловича Лобанова, которого в свое время спасла, тяжело раненного вынесла с поля боя. «Горжусь тобой, Аннушка,— пишет он.— «Огонек» опять напомнил мне о тебе, о встречах с тобой и нашими боевыми товарищами. Сейчас я пишу картину «Атака казаков 5-го Донского казачьего корпуса на Корсунь-Шевченковском направлении». Ты, Аннушка, будешь одной из героинь этой картины. Спасибо за то, что ты была, за то, что ты есть».

КНИГОЛЮБЫ НАСТОЯЩИЕ И МНИМЫЕ

Пишу вам от имени коллектива нашей бригады и думаю, что многие будут согласны с моим мнением.

Дело в том, что мы предлагаем вынести на обсуждение читателей «Огонька» такой вопрос: «Стоит ли каждому иметь свою личную библиотеку?» Естественно, речь идет не о любимых в семье книгах, без которых просто немыслим культурный человек, мы говорим о «книгоприобретательстве», о «моде века», когда без счета и без разбора скупаются все собрания сочинений, ставятся на полки и пылятся без употребления. Из-за этого ажиотажа учитель, преподаватель вуза, ученый, для которых эти же книги — их хлеб, совершенно необходимое пособие для профессиональной работы, часто не могут купить их.

Тем более что книгу, которую ты прочтешь в своей жизни только раз, можно взять и в библиотеке.

Может быть, мы не правы, хотелось бы знать мнение других, особенно тех, кто имеет эти огромные личные библиотеки. Пусть напишут, расскажут, как они ими пользуются.

Г. КУЗНЕЦОВ

Кемерово.

продолжаем разговор

«ДВОРНИКИ ИЛИ НАРОДНЫЕ ДРУЖИНЫ?»

«Наш код 450» — под таким заголовком в № 20 было опубликовано письмо А. Жаровой, в котором она возмущалась небрежным, даже варварским отношением жильцов к своим домам. Тогда же «Огонек» опубликовал беседу с главным инженером производственного жилищно-ремонтного объединения Свердловского района Москвы А. А. Шеховой, которая подсчитала, как дорого стоят государству «художества» домовых хулиганов, в основном подростков.

Читатели живо откликнулись на эту публикацию и в большинстве своих писем поддержали призыв — бережно сохранять жилой фонд!

«Подъезды наших домов, дворы — это прежде всего место обитания наших детей,— пишет ветеран труда и войны коммунист Д. В. Кудряшев из Орска.— Создать культурный быт в домах — значит способствовать воспитанию наших детей. Там, где в семьях есть пьяницы, «несуны», которые не стесняются тащить с работы что только возможно, там и спроса с подростков никакого. Они и разоряют коды, выламывают радиодетали, а то и под стать взрослым приучаются к пьянке. У нас в подвальном помещении часто собиралась «теплая» компания подростков. Наши увещевания, призывы к родителям не дали никакого результата. Пришлось обратиться в горком партии. Только тогда эта «малина», как говорили когда-то, была разогнана, а ее организатор за злостное хулиганство отбывает сейчас наказание. К сожалению, детские комнаты милиции, рабочие коллективы, школа не очень-то активно ведут работу с детьми и их родителями. Нужны домовые советы, домовые дружины, которые бы организовали соревнования за «Дом образцового содержания». Необходимо подумать и о культурном досуге подростков, чтобы отвлечь их от хулиганства. Хочу рассказать о том, как в «Орскнефтеоргсинтезе» председатель домкома Вера Тихоновна Острикова сумела объединить жильцов в борьбе за чистоту и порядок в наших домах. Проводились праздники улиц, соревнования на лучшее содержание дома, озеленение дворов. Прекрасно прошло чествование ветеранов труда и войны, проживающих в этом микрорайоне. Депутатская группа завода «Синтезспирт», возглавляемая его директором тов. Белокуром, взяла шефство над трудными подростками. Опыт этот у нас в Орске широкого распространения пока не получил».

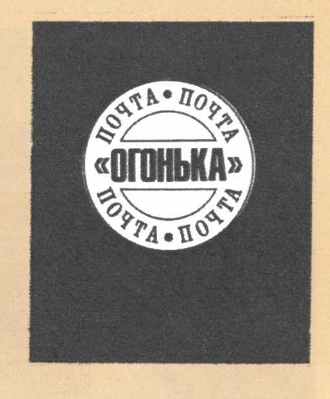
Горьковчанин В. Б. Пантелеев сообщает нам, что в микрорайоне телевизионного завода на улице Шишкова, в жилых домах завода «Орбита» на улице Нартова много зелени, дворы напоминают уголки парков. На субботники выходят все жильцы, да и помыть лишний раз подъезд жильцы не гнушаются.

«Чего не могу сказать о нашем доме,— сожалеет В. Б. Пантелеев.— Живут в нем в основном работники милиции и, казалось бы, при таком обилии «стражей порядка» тут должен царить порядок. Однако за восемь лет эксплуатации наша красавица двенадцатиэтажная башня по улице Артельной превратилась в «инвалида». Стекла перебиты, вместо них куски фанеры, оба лифта изуродованы, отсутствуют плафоны, техподвал и чердак стали местом сборища пьяниц. Кто-то засунул в мусоропровод новогоднюю елку. Бригаде ЖЭУ потребовалось несколько рабочих дней, чтобы ее извлечь. А когда упала секция почтовых ящиков, жильцы четыре дня брали корреспонденцию с пола. Все ждали, что чужой дядя прибьет к стене два гвоздя. На субботники выходят два-три пенсионера, остальные отсиживаются в своих «крепостях». «С какой завистью я смотрела на безупречный порядок в доме своей ленинградской подруги, у которой гостила,— написала жительница Гомеля А. И. Галай.— А ведь за всем здесь следят сами жильцы. Коды сохраняются, шифр меняют каждый месяц, каждая квартира несет дежурство по очереди в подъезде, следят за чистотой в лифтах. В доме, где я живу, все иначе. У нас два выхода: во двор и на улицу. Сами же жильцы не могут добиться согласия и хотя бы закрыть выход на улицу, чтобы прекратить доступ хулиганам и пьяницам. Боятся потратить лишние минуты, чтобы пройти через двор. Наше ЖКУ расходует немало средств на ремонт, но без поддержки жильцов все это идет прахом».

О сломанных кодах, разбитых стеклах, плафонах, постоянно ломающихся лифтах написали нам и житель Таллина А. А. Башкиров, и москвичка А. А. Добровольская, и многие другие.

«Не знаю, правильно ли, что почти не стало дворников в домах. Их заменила малая механизация. Да, для уборки улицы это хорошо, но дворник всегда был стражем порядка в доме, в подъезде, рачительным хозяином и в какой-то мере воспитателем подростков, каждого из которых знал в лицо, мог обратиться к его родителям,— вспоминает былые времена С. И. Баракова из Кирова.— Время изменилось, не стало во дворах доброго «дяди Коли». Надо найти ему замену. Народные дружины, комсомольские патрули, созданные из живущих в домах активистов, должны взять на себя эту работу. Надо определить, как-то узаконить их. В некоторых, особенно ведомственных домах, они есть».

Да, как видно из приведенных читательских писем, проблема сохранности жилого фонда оказалась не столь проста. Она неизбежно сомкнулась с нравственными проблемами, проблемами и своей собственной совести, порядочности, и что, самое важное,— проблемой воспитания детей, для которых мы служим примером прежде всего в семье, в своем доме.

спрашиваете — отвечаем

«Много лет читаю ваш журнал. Покупаю его в киоске, поэтому всегда хочется знать заранее: а что интересного готовит редакция для нас, читателей! — пишет нам рабочий С. А. Пешков из Кара-Балты Киргизской ССР.— Особенно люблю литературу, детективы с продолжением». Планами редакции на ближайшее время интересуются П. Ганзин из Омска, С. Шестакова из Якутии, К. Арзамасов из Томска и другие читатели.

Сообщаем, что в ближайших номерах «Огонек» начинает публикацию остросюжетного романа американского писателя Джозефа Димоны «Последний на Арлингтонском кладбище».

ВСТРЕЧА В РИГЕ

Фото Ю. Житлухина

РЭЗ — Рижский электромашиностроительный завод, собственно, уже не завод, а целое объединение. Предприятие старое и молодое. И предстоит ему вскоре отметить сразу два юбилея — сорокалетие и столетие. Столетие старого рижского предприятия «Проводник», основной продукцией которого были технические изделия для телефонных станций, медицинское оборудование. И сорокалетие нового, возрожденного уже при Советской власти завода. Сейчас РЭЗ — одно из крупнейших предприятий Прибалтики. Все оборудование в электричках, пассажирских вагонах, курсирующих по стране, сделано руками рэзовцев. Свою продукцию объединение поставляет в восемьдесят стран мира.

Недавно работники «Огонька» провели читательскую конференцию на РЭЗе. На ней присутствовал инструктор отдела пропаганды ЦК КП Латвии Э. Э. Раценис.

Заводчане хорошо подготовились к встрече: разложили альбомы, подборки, вырезки из журналов, которые собирали и хранили наши многолетние читатели.

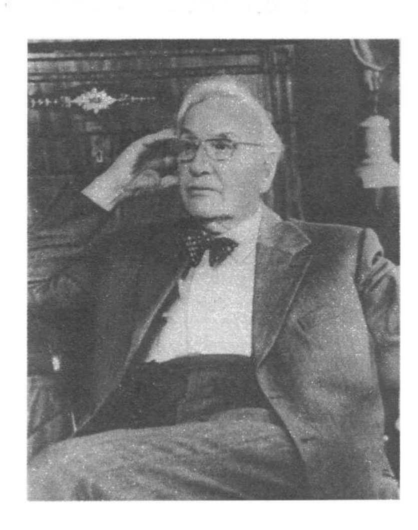
Встречу открыл секретарь партийной организации заводоуправления Б. Ф. Сорокин.

Первый заместитель главного редактора журнала «Огонек» Б. А. Леонов рассказал о планах редакции, познакомил с работой основных отделов. О связи с читателями, которую постоянно осуществляет редакция, говорила заведующая отделом писем и массовой работы В. М. Морозова. Собственный корреспондент по Прибалтике Н. С. Храброва и специальный корреспондент отдела очерка Б. М. Смирнов рассказали об особенностях своей работы, о встречах с интересными людьми. Короткие юморески прочли авторы журнала И. И. Иванюк и В. И. Москаленко.

Выступившие рэзовцы высказали «Огоньку» свои самые добрые пожелания, но были и критические замечания. Высказали заводчане свое мнение об «Огоньке» и в анкетах, розданных заранее работникам завода. Обществу книголюбов, которое уже не один год существует на РЭЗе, хотелось бы чаще видеть тематические объемные подборки материалов по искусству, рассказы о писателях, художниках. Молодые люди предлагали больше писать об эстраде, кино, моде, проблемах семьи, воспитании детей, больше места отводить юмору, спорту. Просили выступающие еще чаще публиковать военные воспоминания. Многие одобрительно оценивали материалы, пропагандирующие советское и зарубежное искусство на страницах журнала. Горячо поддержали присутствующие выступление работницы технической библиотеки А. К. Биргере, которая сказала, что читатели «Огонька» ждут больше очерков о хороших, интересных людях, и если поднимать проблемы семьи, молодежи, подростков, то особенно важно находить положительные примеры, ярче писать о красоте человеческой, о редких профессиях, привлекать молодежь к участию в антирелигиозной пропаганде. «Морально-этическая тема не исчерпывается показом негативных сторон нашей жизни,— справедливо отмечает Биргере.— Нужны герои наших дней, которые есть и среди молодых, и среди людей более старшего поколения. Эти материалы сделают журнал еще более популярным».

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. О. РЕЙЗЕНА

ВДОХНОВЕННО...

...По одной из центральных улиц Москвы идет высокий, широкоплечий, красивый человек, убеленный сединами. Он полон жизни, походка его тверда. Его узнают. Приветливо здороваются. Это замечательный певец нашего времени Марк Осипович Рейзен.

Мне как театральному журналисту в тридцатые — пятидесятые годы посчастливилось беседовать с Марком Осиповичем о музыкальном искусстве, его работах над оперными партиями. В Большом театре я бывал на всех премьерах с участием Рейзена, восхищался его высокой вокальной культурой, могучим голосом широкого диапазона. Глубокую признательность зрителей получило искусство Рейзена и за рубежом.

Во время наших встреч Марк Осипович вспоминает о годах работы в театрах Ленинграда и Москвы, о талантливых артистах, с которыми ему довелось выступать; размышляет о нынешнем поколении молодых вокалистов, хорошо известных ему как заведующему вокальной кафедрой Московской консерватории.

Сравнительно недавно вышла из печати книга автобиографических записок, статей, воспоминаний певца. В ней артист увлекательно рассказывает о своей более чем шестидесятилетней сценической деятельности.

А вот что говорят о Марке Рейзене его коллеги по сцене и музыканты.

«Искусство Марка Осиповича Рейзена воздействует на слушателей,— отмечает Н. Д. Шпиллер,— именно потому, что богатства, которыми щедро оделила его природа, он развил упорным трудом... Рейзен — это гордость Большого театра, это слава советского оперного искусства». «Марк Осипович — редкий пример счастливого сочетания равно замечательного певца, музыканта и актера,— говорит Д. Б. Кабалевский.— Творческая жизнь Рейзена — великолепная страница нашей музыки и нашего театра. От всей души хочу поблагодарить его за ту радость, которую он нам столько лет дарит своим прекрасным, сердечным и мудрым искусством!»

Марк Рейзен записал семь грампластинок — произведения классиков и современных авторов. Когда певцу исполнилось 85 лет, он сделал новую запись — с произведениями Мусоргского, Рахманинова, Шумана, Шуберта. Через два года появилась его пластинка «Русские и украинские песни». И голос звучал по-прежнему прекрасно, свежо и вдохновенно.

А четвертого июля в Большом театре состоялось чествование юбиляра. Была исполнена опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Партию Гремина пел М. О. Рейзен... Поразительный пример творческого долголетия!

Анатолий КРУПНОВ

Любовь ЕЛИСЕЕВА

Судьба

●

Я дарила тебе
Всех цветов ароматы.
Я прильнула к мечте,
Где мечтой все объято.

В сердце пламя горит,
Освещает планету —
То любовь говорит —
Счастье светлое в этом.

И чем ярче горит,
Тем нам больше велит:
Отворите окно, отворите окно —
Все вам в жизни дано.
Все вам в жизни дано!

ТОПОЛЬ

Какой ураган на дворе,
Сметая, все уносит.
Выламывает дверь
И помощи не просит.

Вот тополь низко наклонился,
Скрипит под ветром и трещит,
Уже с травой, казалось, слился,
Но поглядишь — он вновь стоит.

И нас мотают в жизни ураганы,
Но вечно в нас стремление одно:
Идем упрямы мы
И неустанны,
И бурям сокрушить нас
Не дано.

СЛОВА

Слова, слова, слова.
Как много их, и нужных
и ненужных,
От них кружится голова,
От лишних слов, от слов
воздушных.

Пусть нас слова как солнце греют,
Чтоб душу им могли открыть,—
Слова такие долго жить умеют,
Они нам помогают жить!

СКОРБЬ МАТЕРИ

Спи, сыночек милый,
Я к тебе приду.
У твоей могилы
Встану на виду.

Пусть опять приду с мольбой.
Тяжек камень мраморный.
Мне бы быть, сынок, с тобой,
А тебе — с мамой.

Снова, как незрячая,
Буду среди дня.
Лишь слеза горячая
Обожжет меня.

●

А я бегу, бегу, бегу.
Остановиться не могу.
Сдержать себя не в силах я.
Судьба моя, судьба твоя.

И мне не справиться одной
С моей суровою судьбой,
И все же я спешу догнать,
Моя судьба, тебя опять.

Прошу, не оставляй меня,
Меня, как солнце среди дня.
Бегут дороги и мосты —
Судьбы моей, моей мечты.

ПОГИБШИМ

О дорогие юноши, мужчины,
Как много выпало при жизни вам,
Любовью беззаветною
вы Родину любили,
Как и положено сынам.

Дорогой шли и днями вы,
и ночью,
Какая бы погода ни была.
Уже идти вам не хватало мочи,
Но вас победа вновь вперед
вела.

Лев ФИЛАТОВ

Футбольный репертуар нынче хоть куда: общему вниманию предложены матчи любого уровня — мирового, европейского, всесоюзного, для сборных и клубов, на первенство и на Кубок. Даже ранняя весна, когда футболу по старым меркам вроде бы полагается раскачиваться и спотыкаться, взывая к нашему снисхождению, пролетела незаметно, темп сразу был взят бодрый. Впечатления самые разные. Радостно, например, было видеть, что в Киеве на матч местных динамовцев со «Спартаком», как в лучшие времена, собралась стотысячная аудитория. И Лужники были полны, когда играли сборные СССР и Швейцарии. Не разуверились болельщики, надеются и ждут. А если и бывает пустынно на иных встречах, то, скажем прямо, кому охота ехать на стадион в расчете на скуку и зевоту: есть у нас клубы — и их немало,— неспособные гарантировать увлекательного зрелища и положительных эмоций.

Впрочем, до годовой оценки сезона еще далеко, он в разгаре. И все же один матч стойко держится в памяти, другие его не заслоняют, он, как необъясненное происшествие, бередит душу и требует к себе возвращения. Сыгран он был 5 июня на стадионе в Копенгагене, когда наша сборная проиграла датчанам 2 : 4. Если бы его можно было расценить как нечаянность, как казус, то и нечего огород городить: чего не случается в горячих футбольных схватках! Кстати, именно таким образом тот матч и пытались истолковать заинтересованные лица. Мне довелось участвовать в его разборе на заседании президиума Федерации футбола СССР, и только и слышалось: «грубые ошибки», «небывалые ошибки», и тут же фамилии сплоховавших—Дасаев, Балтача, Алейников, Литовченко, Сулаквелидзе...

Было странно уже то, что ошибавшихся слишком много. Еще более странно, что ошибавшиеся никакие не новички, а люди опытные (трое участвовали в испанском чемпионате мира), все с хорошей репутацией, из числа самых у нас лучших. Эпидемия ошибок? С чего бы? Нет, не внушала доверия чересчур простенькая версия.

Матчи такого значения, как Дания — СССР, не полагается рассматривать изолированно, они не исчерпываются полуторачасовым промежутком времени. У них обязательно существует предыстория. Со стороны датчан она в том, что за последние годы их сборная набрала большую силу. Это объясняется тем, что значительная группа датских игроков получила богатую практику, выступая в ведущих клубах разных стран Европы. Если футбол в самой Дании по-прежнему непритязателен, то сборная вдруг обернулась одной из ведущих на континенте. Трудно сказать, насколько прочен этот «экспортный» подъем, но он состоялся и напоминает взлет сбор-

АТЧ С СЕКРЕТОМ

ной Голландии десятилетней давности. В прошлом наша сборная регулярно, без особых затруднений обыгрывала датскую, но к 5 июня старые представления действовать перестали.

Как же складывалась ситуация для нашей сборной? Глубокой осенью 1983 года, проиграв в Лиссабоне 0:1 португальцам, советская сборная осталась за чертой финальной стадии чемпионата Европы. Ей не хватило одного очка. Роковое поражение в том турнире было единственным. У португальцев оказалось в итоге 10 очков, у наших — 9, причем летом у португальцев в Лужниках наши выиграли 5:0. Провалом это не назовешь. Тем не менее реакция на неудачу была острой, и тренер В. Лобановский ушел в отставку. Не дефицит в одно очко стал тому причиной. В образе действий той команды уж очень сквозил практицизм. Она была смела на своем поле и сдержанна до аскетичности на чужих, не столько играла, сколько добивалась желаемого результата. До поры до времени спасательный круг расчета держал ее на поверхности, но в последней, решающей встрече и он не помог. Когда надежда на искомую нулевую ничью лопнула, у сборной не нашлось ни характера, ни готовности к риску, ни набора наступательных средств.

С 1984 года сборную возглавил Э. Малофеев. За душой у молодого тренера была работа с минским «Динамо». Средней руки клуб под его началом перемахнул из первой лиги в высшую и стремительно пошел в гору, всем на удивление сделавшись в 1982 году чемпионом страны. Как мы видим теперь, успех оказался не мимолетным, минчане остались в группе ведущих клубов, имеют славу команды стойкой, отважной, придерживающейся игры атакующего плана, чуждой комплекса чужого поля.

И вполне естественно было услышать от нового тренера, что он намерен и сборной привить те же качества. Он открыто провозгласил курс на игру с чувством собственного достоинства, когда все помыслы футболистов направлены на атаку («как только мячом прочно завладеет кто-то из наших, остальные устремляются вперед»), когда в уме держат победу, а не половинчатую ничью, борются за инициативу на протяжении всего матча, до конца.

Затеянная перестройка в значительной мере зависела от сознания игроков, от их психологической готовности к активности, от их самолюбия, наконец. А раз так, неизбежны были замены в составе, отказ от некоторых мастеров с именем, у которых, как выражаются тренеры, перед выходом на поле не горят глаза.

В прошлом году были сыграны два матча: с Ирландией — 0:1 и Норвегией — 1:1. Результаты не бог весть какие, но считалось, что сборная только еще перестраивается, ломает застарелые игровые предрассудки, новые игроки осваиваются. И верно, в тех матчах команда оставила двойственное впечатление: то она была безынициативна и зависела от воли противника, а то оживала и начинала диктовать свою волю. Нам, ее болельщикам, предлагали набраться терпения, повременить с выражением неудовольствия. Да и грешно было губить на корню начатое мгновенным приговором. Нам же обещалась наступательная, безоглядная игра, не та, что набила оскомину в дни испанского чемпионата да и после него, игра подстраивающаяся, опасливая, с которой далеко не продвинешься.

Нынешней весной были сыграны матчи с командой Швейцарии, в Берне — 2:2, в Москве — 4:0. В первом случае, будучи боевитее противника, атакуя острее, наша команда до последней минуты держала выигрышный счет. Но не удержала. Как бы то ни было (учтем, что поле было чужое), мы смогли заметить перевес нашей команды в выносливости и движении, в решительности, в обстреле ворот. А вскоре Лужники увидели безоговорочную победу над теми же швейцарцами.

Под впечатлением этих перемен к лучшему и отправилась наша сборная в Копенгаген.

Там она получила следующую установку на игру: «Не закрываться, не думать о ничьей, играть в атакующий футбол». Смело, не правда ли? И красиво. А надо оговориться, что из-за травм не смогли выступать Вишневский, Ларионов, Боровский, и линия обороны вынужденно была сформирована в непривычном составе: Сулаквелидзе перевели в центр, и Позднякову было поручено противостоять знаменитым форвардам датчан — Элькьеру и Лаудрупу, играющим в Италии.

И пошла игра, которую потом обозреватели назвали «открытой». Это расшифровывается так: обе команды, войдя в азарт, думали гораздо больше о создании угроз воротам противника, чем о пресечении угроз своим воротам. Наверное, если суммировать голевые моменты, которые имели команды, обнаружится примерное равенство. Напомню хотя бы попадания в штангу Гаврилова и Гоцманова, слабый удар Алейникова перед пустыми воротами, что позволило защитнику остановить мяч, а с другой стороны — два броска Дасаева под перекладину, отразившего мощные, «верные» удары. Для нейтральных наблюдателей матч наверняка выглядел увлекательным, нам же, следившим за ним с пристрастием, многое не могло показаться удивительным, непривычным.

Во время разбора матча тренер Э. Малофеев выразился так: «Мы не выглядели плачевно, а результат оказался плачевным».

Готов с ним согласиться в том, что наша команда нисколько не испытывала страха перед «чужим полем», что, уступая в счете сначала 0:2, а потом 1:4, не расклеивалась, а настойчиво вела свои атаки, что в концовке матча выявилось ее заметное превосходство в запасе сил, в динамике.

Иначе говоря, она в целом хранила верность принципам, провозглашенным тренером, что его в какой-то мере устроило. Но недаром говорят, что наши недостатки — продолжение наших достоинств. В необходимой и похвальной перестройке сборной, как стало видно, были упущены строгие, обязательные реальности, существующие в футболе, пренебречь которыми никому не дано.

Само собой напрашивается вот какая аналогия. Уверен, что любители футбола до сих пор с восхищением вспоминают великолепную игру в атаке сборной Бразилии на испанском чемпионате мира. Но что же оборвало ее путь, почему она уступила итальянцам 2:3 в матче, где ее устраивала ничья? Ответ прост и прозаичен: бразильцы позволили себе приехать на чемпионат со слабым вратарем и с посредственной игрой в защите. Беспечность, легкомыслие, самоуверенность? Не знаю. Но слишком бросалась в глаза разница между совершенством их атакующих маневров и сбивчивостью, путаницей защитного противостояния.

Здесь необходимо сказать еще и то, что в последнее время все чаще получает распространение вариант игры с пятью игроками середины поля (полузащитниками), когда «чистых» защитников остается трое. Прогрессивность этого варианта состоит в том, что увеличивается число игроков, знающих толк в наступлении, но одновременно повышается с них и спрос за умелое, постоянное участие в обороне. Игра команды становится более разнообразной, делается еще один шаг к освобождению от повторов схематичности. У нас этот тактический вариант сейчас осуществляется в «Спартаке» и киевском «Динамо». И заметьте, обе команды мало того что забивают чаще остальных, они и пропускают мячи в свои ворота реже. Другими словами, заботясь о совершенствовании атаки, они ни на йоту не поступаются надежностью обороны. Не намерен объявить их игру эталоном, ей еще предстоит пройти немало проверок, однако суть ее видна и сегодня: наличие пяти полузащитников позволяет сбалансировать все действия, быстро и незаметно, по ситуации, менять расстановку сил, успевать всюду, ничем не жертвуя.

Сборная, как мне показалось, вышла на поле стадиона в Копенгагене, нацеленная вести игру наступательного толка большими силами, а к защитной игре столь же большими силами не была готова. Оборона вольно или невольно сделалась обязанностью четырех защитников, и они с ней не справились. Само собой, сказался и довольно высокий класс техничных датчан, и то, что с такими форвардами, как Элькьяер и Лаудруп, нашим игрокам давно не приходилось иметь дело. Но главное в том, что командная игра в защите оказалась у нашей сборной в пренебрежении.

Вот какие возникают в футболе парадоксы! Нас в прошлом неоднократно не устраивало и даже огорчало построение игры сборной сугубо оборонительного плана. Теперь она меняет направление игры, усердствует в атаках, забивает в ворота сильной сборной Дании на ее поле два эффектных мяча... и пропускает четыре, что в ее истории начиная с 1952 года случалось считанное число раз. Какие бы разные, удачные или неудачные, периоды ни переживала наша сборная, но за 33 года своего существования она приобрела репутацию команды, которой забить не так-то просто.

Футбольный конвейер движется не останавливаясь, и всевозможные конструкции, реставрации и модернизации совершаются на ходу. Клубу еще могут ненадолго занизить «годовой план», у сборной льгот нет. Вот и сейчас свою перестройку она ведет, шутка сказать, в рамках отборочного турнира предстоящего чемпионата мира, и мыслимо ли допустить, чтобы она не получила права на поездку в Мексику в будущем году и тем самым осталась в стороне от самых бурных и интересных событий?!

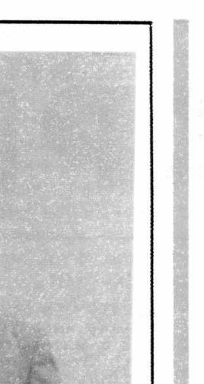
Хотя Э. Малофеев во время разбора копенгагенской неудачи не выглядел удрученным и растерянным и, наоборот, доказывал, что взятая линия пусть и сопряжена с риском, но необходима, если видеть в перспективе смелую и решительную игру сборной, президиум федерации все же выставил оценку «неудовлетворительно»: двух турнирных очков как не бывало, после пяти матчей их всего-навсего четыре, и в оставшихся трех осенних встречах с командами Дании, Ирландии и Норвегии (все они пройдут на наших стадионах) необходимы теперь только победы.

Матч Дания — СССР создал коллизию достаточно сложную и противоречивую. Оценка «неудовлетворительно», конечно, верна, но как быть с начатой перестройкой на активный, наступательный стиль игры? Правда, в распоряжении сборной еще два товарищеских матча — с командами Румынии и ФРГ, где можно заняться коррективами. Есть на примете и кандидаты в состав, в частности, Э. Малофеев назвал киевских динамовцев Бессонова и Раца и спартаковцев Родионова и Черенкова. Замечу только, что внушает немалые опасения нежданное совместительство старшего тренера сборной в московском «Динамо» как раз в то время, когда все замысленные им перемены должны наконец прийти к логическому завершению. Разве уже забыто, что не так давно признали невозможным подобное совместительство тренера К. Бескова?

Организационные моменты важны всегда. И уж тем более теперь, когда копенгагенский матч со всей наглядностью показал, что благие намерения увлеченного своей идеей молодого тренера выражаются пока несколько односторонне, что активность атакующая не приведена в согласие с активностью оборонительной и, значит, рано говорить о достижениях сборной высокого игрового класса.

9—8 — такова разница мячей у нашей сборной в отборочном турнире после пяти встреч. «Много пропускаете»,— сказал во время разбора матча, имея в виду эти цифры, М. Якушин. И помолчал, покачав головой. Он не договорил, но и без разъяснений было ясно, что многоопытному тренеру такая разница мячей внушает серьезные опасения.

И все же шансы на благоприятный исход турнира остаются реальными: из пяти команд путевку в Мексику получат две. И наши надежды могут осуществиться лишь в том случае, если будут опираться не на конъюнктурные обстоятельства, а на достоинства и надежность игры.

Ю. Киселюс и М. Глузский в фильме «Грядущему веку».

ТВ

С НАДЕЖДАМИ НА БУДУЩЕЕ

«Приход нового руководителя всегда связан с надеждами на будущее». Эти слова прозвучали в телевизионном фильме «Грядущему веку», поставленном по одноименному роману Георгия Маркова.

В первых же кадрах картины мы знакомимся с Антоном Соболевым — вот ему и предстоит вникнуть в заботы многих людей и помочь осуществлению их надежд. Однако до чего же это непросто: стать добрым волшебником в наш век... Непросто убедить иных, что «волшебство» претворения заветных желаний в действительность зависит прежде всего от них самих; непросто увлечь за собой, открыть перед людьми новые горизонты, сплотить их во имя единой общей цели — сделать жизнь лучше, ярче, богаче. Да, непросто. Но необходимо. И молодой первый секретарь обкома партии Антон Соболев приступает к исполнению своих обязанностей.

Пять серий телефильма (а это пока только первая часть кинопроизведения) рассказывают о первых шагах молодого руководителя, хорошо знающего свой край, но еще не в полной мере уверенного в собственных силах, хотя и убежденного, отвечающего за свои дела и поступки; мысленно прикидывающего, как и с чего начать, где же конкретно прячется та болевая точка, которая мешает людям счастливо жить и трудиться с полной отдачей...

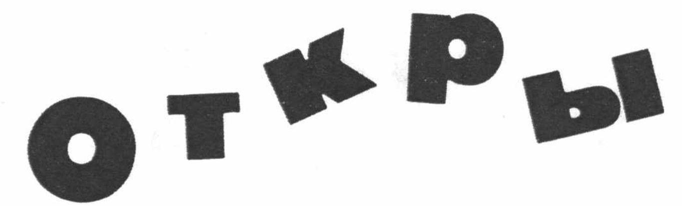
Кинолента наделена острой публицистичностью, она затрагивает самые разные проблемы общественной жизни страны, давая возможность героям высказать свою точку зрения, поделиться чаяниями и тревогами. При всем том картина «Грядущему веку» остается произведением художественным, и не только благодаря литературной первооснове (сценарий Г. Маркова и Э. Шима). Режиссеру И. Хамраеву удалось собрать интересный актерский ансамбль, когда каждое слово, произнесенное с экрана, звучит правдиво, искренне, кажется глубоко пережитым и прочувствованным персонажами, будь то пекарь в исполнении В. Павлова или секретарь райкома — М. Глузский...

Роль Соболева играет Ю. Киселюс, хорошо известный нам по телесериалу «Длинная дорога в дюнах». Без сомнения, актеру удалось создать обаятельный человеческий характер, далекий от привычного монументального образа лидера. Правда, порой хочется, чтобы его герой был более внутренне эмоционален, динамичен. Разумеется, ясно, что Соболеву «не положено» горячиться на людях, срываться и т. д. Но тем не менее это почти неизменное мудрое спокойствие, тихая понимающая улыбка вряд ли могли бы сразу быть присущи начинающему руководителю. Хотелось бы чувствовать (подчеркиваю: не видеть, а чувствовать) больше волнения, озадаченности, беспокойства. Ведь Антону пришлось резко изменить свою жизнь: его срочно отзывают из Венеции — да в сибирское Синегорье, да еще на такую сложную работу! Тем не менее, повторим, актер обаятелен, его Соболеву веришь в главном: он любит свою землю, понимает, что ее богатством являются прежде всего люди, так же как понимает свою ответственность за них и перед ними.

И потому мы уже знаем, что продолжение телеэкранного знакомства с этим человеком нас не разочарует.

Н. МИХАЙЛОВА

Виль МАРКОВ

РАССКАЗ

«Была жажда жизни, а ему казалось, что это хочется выпить».

А. П. Чехов.

Дружки-собутыльники Тюхин, Матюхин и Водоплясов решили «завязать» мертвым узлом. Новый строгий закон уже пребольно куснул одного из них — позавчера Валеру Тюхина штрафанули на пятьдесят рублей за появление на улице в свинско-назюзюканном состоянии.

— Все, ребята, с завтрашнего дня — ни-ни,— поклялись друг другу маляр Тюхин, плотник Матюхин и сантехник Водоплясов, работавшие на одной стройке.

И вот наступило это самое завтра.

До половины одиннадцатого Тюхин, Матюхин и Водоплясов вкалывали бодро и целеустремленно и, радуясь, думали: «Как хорошо, что мы об ей совсем не думаем». Но приблизительно в половине одиннадцатого в душе у каждого проснулось и заныло темное влечение, и они стали думать «об ей». Потянуло к магазину, словно ветер подул в спину. Понятно, привычка. Как-никак, годами условный рефлекс вырабатывался. У павловских собак от зажженной лампочки слюни начинали течь в предвкушении кормежки, а у выпивох жажда включается от часовой стрелки. (А может, им и на циферблат глядеть не надо — у них какие-то встроенные биологические часы срабатывают, и в глотке жжение начинается.)

И вот, значит, Матюхин и Водоплясов глотают слюни, как те павловские собаки, но пожар в гортани этим товаром не зальешь. Кряхтят, вздыхают ребята. У одного — кисть из рук вываливается, у другого молоток дрожит, у третьего разводной ключ никак на гайку не садится.

— Ничего не поделаешь, братва,— выразил общее ощущение Тюхин.— Скидавайся по рупь пятьдесят семь. Я пошел.

— С двух дают,— хрипло напомнил Водоплясов.

— Ничего, выдоим досрочно,— пообещал Тюхин.

Прибежал Тюхин в продовольственный магазин.

— Три бутылки беленькой в жестяной бескозырке,— требует.

Продавщица дает, хоть и далеко до двух часов, хоть Тюхин и в спецовке заляпанной. А почему и не продать, если человек молоко закупает? На остальное взял Тюхин всякой закуски — хлеба, сырков плавленых. Топает обратно на стройку, ощущая привычный кураж. Бежит Тюхин и сам даже удивляется: «Отчего я веселый такой? Ведь не ее же тащу, проклятую». Он тогда еще не знал, что условный рефлекс подслеповат, его вполне можно обвести вокруг пальца. Человек сбегал в одиннадцать, купил бутылку — условный рефлекс сработал и отключился. А с чем бутылка — это рефлексу наплевать, лишь бы вовремя, и с пробежкой, и со складчиной, и в глотку.

Доставил Тюхин в сумке провизию на стройку.

— Порядок? — спрашивают Матюхин с Водоплясовым и сухие губы облизывают.

— Ага,— подмигивает Тюхин и первым лезет через тайный лаз, прикрытый ящиком, в подвал, где у троицы было оборудовано укромное упоительное убежище. Матюхин с Водоплясовым — за ним.

Как увидели молоко, тяжко вздохнули, но особо не удивились.

— Того я и ожидал,— проворчал Водоплясов.

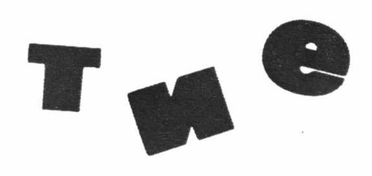
— А чего еще ожидать от человека, которого раскулачили на полстольника,— сказал Матюхин.— Нужно было мне бежать. Психологическую промашку мы дали.

Тем не менее Тюхин привычно дрожащей рукой расплескал по стаканам белую жидкость. Дерябнули они молочка, крякнули, заели сырком и хлебушком и... окосели. Качаются дружки. Интересуются вопросами взаимоуважения. А Тюхин ужасным голосом затянул свою любимую: «Она, моя хорошая, объелась огурцов».

Ладно...

Вылезают они из упоительного убежища на белый свет и бредут, шатаясь. Тут их прораб и прищучил.

— Опять безобразничаете? — говорит.— Ну все, больше вам это не пройдет. Оформляю всем прогул, после чего Матюхин с Водоплясовым пойдут под штраф, а ты, Тюхин,— на принудлечение!

— Хы! — дыхнули разом дружки на прораба, и тот, понюхав воздух, страшно удивился — никакого сивушного парфюма.

— Мы млекопитающиеся,— запинаясь на каждом слоге, поклялся Водоплясов, а Тюхин продемонстрировал порожние молочные бутылки.

— Так с чего же вы, черти, качаетесь? — спрашивает прораб.— Водку молоком запивали, чтоб дух отбить?

— Да не было ни водки, ни бормотухи, клянемся, командир! — присягнул Матюхин.

— Игра природы,— высказался Водоплясов.

— Хорошо,— сказал прораб.— Будем считать, что вы трезвы, как новорожденные кролики, а шатает вас от еще не угасшего условного рефлекса. Наверное, возможны и такие трюки.

— Во-во,— согласился Тюхин,— под корочку тоже бывалоча, а теперь —все, шеф.— И опять завел противным голосом: — Она, моя хорошая, объелась огурцов,— чем снова нагнал на прораба дурные подозрения.

Но уже минут через десять прораб убедился своими глазами, что ребята в отличной, трезвой норме. Работали они споро, точно и весело.

Возвращался Тюхин домой в состоянии необычного душевного подъема. Хоть и отработал целый день, а во всем теле ощущал нерастраченную силу, легкость воздушного шарика и потребность совершения каких-нибудь богатырских подвигов.

Во дворе мелюзга гоняла резиновый мяч. Тюхин на радостях размахнулся ногой и мощным ударом послал мяч в окно второго этажа. Дребезг, водопад битого стекла, возмущенные крики сидящих на лавочке старушек. Особенно, что вполне понятно, возмущалась бабушка Антипьевна, в окно которой засветил мячом Тюхин.

—Ханурик окаянный! — честила его Антипьевна.— Алкаш неподдающийся! Добьюсь твоего выселения из города.

А Тюхин подошел к Антипьевне, заключил ее в объятия, как мать родную, и утешил:

— Бабуля, не грусти! Один-ноль в нашу пользу! Сейчас застеклим, чтоб тебя ночью джигит с рынка не украл.

Супруга Тюхина, многострадальная Ольга, видела в окно, что ее муженек сотворил, и, рыдая, отперла ему дверь.

— Опять нажрался, бессовестный? — всхлипнула несчастная женщина.

— Хы! — дохнул ей в лицо Тюхин, и Ольга изумленно захлопала глазами.— Это я просто ликую на почве завязки. Ясно?

Он извлек из чулана стеклорез и стекло (как все рабочие люди, Тюхин имел в дому кой-какой запасец нужных в хозяйстве вещей) и пошел чинить окно бабушке Антипьевне. А вернувшись, лег на тахту и загрустил. Черный рефлекс вылез из пучины его души, как чудовище Несси из шотландского озера. Встроенные биологические часы, а может, и те, что висели на стенке, напоминали, что до закрытия магазина оставалось полчаса. Поединок светлого разума и порочного рефлекса по всем внешним признакам закончился победой последнего. Тюхин принял вертикальное положение и хриплым голосом потребовал у жены «трюндель», что означало трешницу.

— На что тебе, окаянный? — воскликнула Ольга исключительно ради оттяжки времени, поскольку ежевечерние намерения Тюхина были ей слишком хорошо известны.

— На банку белой,— с редкой откровенностью признался Тюхин.

— Идол! Крокодил! — изрыгала страшные слова Ольга.

— Дай трюндель по-хорошему, Оля, так лучше будет. Я его опять попробую обмануть, рефлекса этого поганого. Утром мы с ребятами его надули, может, и теперь получится.

Мало что понимая в туманных речах мужа, но ценя, однако, что пришел он тверезый, и смутно надеясь на волшебную перемену, жена выдала Валере три рубля.

Ноги сами понесли его по улице. Трояк потел в стиснутом кулаке. В магазине Тюхин схватил с полки банку белой и сунул кассирше деньги. Зуд в подкорке головного мозга сразу отключился. Подслеповатый рефлекс умолк, довольный, словно изнывшийся кот, который выклянчил наконец вожделенную сельдяную башку и изгрыз ее без остатка. Сладкое умиротворение разливалось в душе Тюхина.

— Ну вот, а ты боялась,— сказал Тюхин дома жене и показал ей банку цинковых белил.

— А говорил, за банкой белой побежишь!

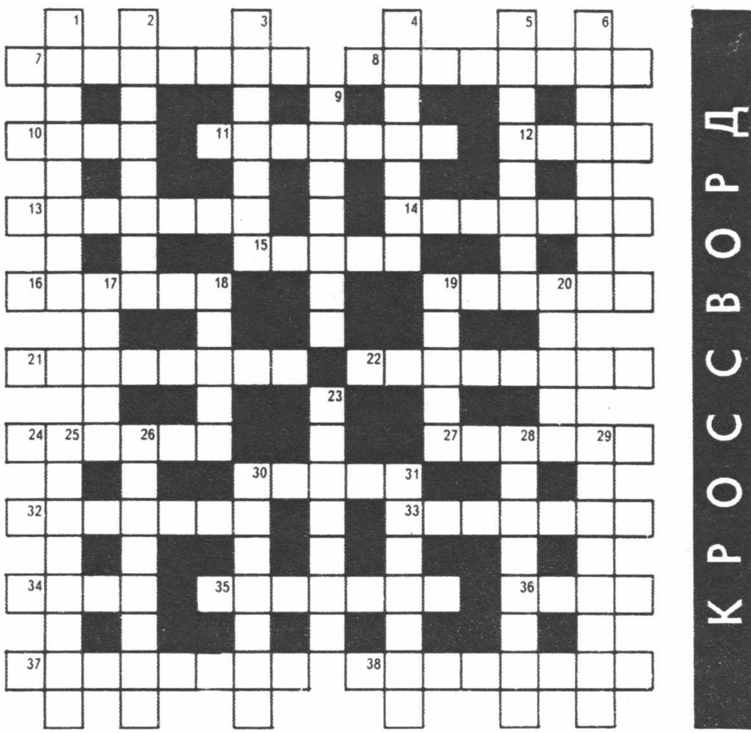
— А это что, черная? — захохотал Валера Тюхин.

— Да разве ее в продуктовом продают? — продолжала недоумевать, подозревая какой-то подвох, Ольга.

— Зачем в продуктовом? Я в хозяйственном брал. Понимаешь, Оля, я открыл в себе такое интересное свойство: когда в проклятый час тянет скинуться и бежать... туда... за ней, заразой, сопротивление бессмысленно, надо бежать и покупать, но не ее, погубищу, а что-нибудь безвредное для тела и полезное для дела, и тогда — порядок, успокаиваешься.

С этими словами Валера хлобыстнул стакашек крепкого холодного чая, крякнул, утер губы рукавом и, вооружившись кистью, стал красить дверь в кухню. Дверь эта, крытая охровым колером, строго говоря, не нуждалась в перекраске, но Валера истово наяривал кистью, и душа его пела.

Начиналась какая-то новая, неизведанная, исключительно интересная жизнь.

По горизонтали: 7. Шахтная печь для плавки чугуна. 8. Античастица. 10. Травянистое растение семейства крестоцветных, медонос. 11. Город в ГДР. 12. Картина народного художника СССР А. А. Пластова. 13. Поручение. 14. Высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики. 15. Втулка для зажима в металлорежущих станках. 16. Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда. 19. Русский ученый, основоположник металловедения. 21. Страна, на территории которой проводился IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 22. Парадная площадь в городах Среднего Востока. 24. Железнодорожный поезд. 27. Озеро в Белоруссии. 30. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 32. Певица, народная артистка СССР. 33. Яхта международного олимпийского класса. 34. Представитель основного населения одной из республик в составе Югославии. 35. Актер, кинорежиссер, народный артист СССР. 36. Река на Дальнем Востоке. 37. Советский военачальник, маршал артиллерии. 38. Птица, обитающая в хвойных лесах.

По вертикали: 1. Герой эпической поэмы Г. У. Лонгфелло. 2. Стекло высокого сорта. 3. Перелетная певчая птица. 4. Мыс, южная оконечность Камчатки. 5. Рабочий-металлург. 6. Электротехник, академик, Герой Социалистического Труда. 9. Союзная советская республика. 17. Стальной брус, укрепляемый на шпалах. 18. Приток Буга. 19. Железо с примесью углерода. 20. Советский футболист, чемпион XVI Олимпийских игр. 23. Город, где проводился V Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 25. Основная система получения образования. 26. Украинский духовой инструмент. 28. Писатель, один из основоположников жанра романа в мордовской литературе. 29. Короткая народная песенка, «страданья». 30. Соцветие аронника, кукурузы. 31. Зодиакальное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 7. Флотилия. 8. «Холостяк». 10. Шиашкотан. 11. Сопка. 13. Атрек. 15. Камбала. 17. Сейнер. 18. Нартов. 19. Штопор. 20. Парнас. 24. Дежнев. 25. «Илиада». 26. Ашхабад. 29. Волан. 31. «Смена». 32. Елизавета. 33. Карловац. 34. Дивизион.

По вертикали: 1. Флажолет. 2. Пикша. 3. Цитата. 4. Портал. 5. «Дойна». 6. Мясоедов. 9. Скобки. 12. Константа. 14. Террариум. 15. Крапива. 16. Анероид. 21. Репортаж. 22. Плакат. 23. Единорог. 27. Шпинат. 28. Афелий. 30. Невод. 31. Сатин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Флаги XIV Московского международного кинофестиваля * Актрисы Адиля Адим (Афганистан), Елена Драпеко (СССР), Сокоро Мартинес Ортега (Мексика).

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. Дейнека. 1899—1969. СОЖЖЕННАЯ ДЕРЕВНЯ. 1942 * А. Жабский. Род. 1933. ХЛЕБ ВОЙНЫ. 1943 год. 1984. Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

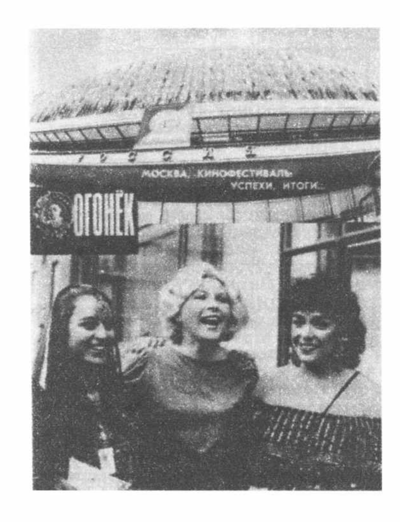
Сдано в набор 01.07.85. Подписано к печати 16.07.85. А 04593. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1892. Заказ № 973.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

...И загорается свет

Опущен флаг XIV Московского международного кинофестиваля. Завершился кинофорум, предоставляющий возможность оценить, чем сегодня живет прогрессивная кинематография практически всего земного шара. Определены победители, вручены призы. Впереди осмысление увиденного, анализ и размышления после просмотров, дискуссий и пресс-конференций. Всему свое время. Но теперь, сразу после закрытия фестиваля, в нас живет непосредственное впечатление от события, еще не четкое в деталях, но цельное по ощущению.

Великий иллюзионист XX века, кинематограф умеет завораживать правдоподобием, и мы так привыкли к подлинности показанного на экране, что часто судим о событиях фильма как о реально происходящих. Наше отношение к увиденному сродни жизненному впечатлению. И в этом смысле к кинофильму применимо суждение: первое впечатление — самое верное. Мы запомнили то, что не могли не запомнить, задумались о том, о чем не могли не задуматься. Мера таланта и мастерства художника определяет, насколько совпал его замысел с нашим восприятием. Но... фильм кончился, и загорается свет в зале, и не перелистаешь страницы, не вернешься к непонятному месту, не восстановишь оборванную связь. Дело киноведов размышлять о том, что хотел сказать режиссер. Зритель ушел из зала, увидев то, чего не мог не увидеть.

Зритель не делит просмотренные фильмы на конкурсные и внеконкурсные. Недаром все участники и гости Московского фестиваля отмечают его демократизм. Выдвижение странами фильмов на конкурс зависит от множества причин, и именно поэтому столь широко на московских экранах во время фестиваля идут ленты информационного показа, представляющие и широту, и многообразие жанров, и реальные соотношения на мировом кинорынке, где прогрессивное искусство развивающихся стран не может пока конкурировать с признанными кинодержавами.

Текущая афиша нашего проката зарубежных фильмов во многом отражает общее положение дел. И все же нынешний фестиваль — и в конкурсной, и внеконкурсной программе — выделяется серьезностью, проблемностью большинства лент. Это во многом определял не только девиз «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами», но и антифашистская, антивоенная направленность фестиваля, который проходил в год 40-летия Великой Победы. Но вне зависимости от темы фильмов из всего обилия сразу выделились те, что затрагивали глубокие чувства, побуждали к сопереживанию, к работе души. В течение года, когда мы смотрим фильмы по случайному выбору или по рекомендации знакомых, мы порой бываем снисходительными к развлекательному жанру, но мы ходим в кино не только для того, чтобы отдохнуть. На фестивале даже неискушенный зритель перестает относиться к кино как к развлечению. Один, другой, третий подобный фильм — и уже появляется раздражение, потому что сконцентрированная пустота остается пустотой, умноженная легкость не «прибавляет в весе», а ложные страсти от нагнетания не воспламеняются настоящим чувством. В фестивальной пестроте ясно обнаруживается высота критериев советского зрителя, его требовательность, и это ощущается как одно из достижений воспитательной сути нашего искусства.

И закономерно поэтому, что точкой отсчета, определившей, по словам председателя жюри полнометражных художественных фильмов Сергея Герасимова, качественный уровень конкурса, стал фильм режиссера Элема Климова «Иди и смотри».

Потрясение — вот слово, которым выражали свое отношение к фильму все, кто его видел. «Хатынская повесть» Алеся Адамовича набатом прозвучала с экрана. Предельная достоверность трагических событий ошеломляет, заставляет воспринимать художественный образ как документ. Золотой приз, врученный создателям фильма, не означает его бесспорности. Нет, это произведение, рождающее споры, но не оставляющее равнодушным никого. Это не обвинение, это приговор человеконенавистничеству. Но это и великая вера в милосердие и духовную силу народа.

Показанная в рамках фестиваля ретроспектива антифашистских фильмов мирового кино напомнила о тех, кто стоял и стоит в ряду борцов против войны, против того, что принес миру гитлеризм. Когда смотришь эти фильмы, среди которых прославленные советские «Баллада о солдате» и «Судьба человека», «Мне было девятнадцать» Конрада Вольфа (ГДР), «Мефисто» Иштвана Сабо (Венгрия), «Джулия» Фреда Циннемана (США), «Рим — открытый город» Роберто Росселини и «Гибель богов» Лукино Висконти (Италия),— когда смотришь эти талантливые, гневные и страшные ленты, невольно поражаешься: как же до сих пор находятся люди, способные оправдывать фашизм, стремящиеся возродить его в новых, не менее ужасных формах? Как же эта раскаленная память народов мира не выжжет дотла любой намек, любой зародыш, ведь история — вот она, вот ее итог, закономерный и безжалостный? И фильм французского режиссера Роже Анена «Адский поезд» напоминает: нельзя ни на минуту ослаблять бдительность. Фашизм живуч, и сознание обывателя, маленького человечка, легко впитывает его лозунги. «Франция для французов!» — и обитатели небольшого города готовы после нескольких провокаций к расправе над рабочими-арабами. Утверждение превосходства человека над человеком, народа над народом, нации над нацией — вот питательная почва психологии фашизма. Во множестве фильмов фестивального экрана звучит тревога: симптомы налицо, можно ли остановить болезнь? В тяжкой духоте западногерманского фильма «Ночь Каминского» полицейский утверждает свою несостоявшуюся жизнь, расправляясь с беззащитной девчонкой. А в итальянской ленте «Бьян-

НЕОЦЕНИМЫЙ ОПЫТ

Корреспондент журнала «Огонек» В. Дунаев встретился с министром культуры Эфиопии Гырмой Йильмой, который был гостем кинофестиваля. Гырма Йильма поделился своими впечатлениями о празднике киноискусства в Москве.

— Кинематографисты Эфиопии, принявшие участие в Московском кинофестивале, смогли здесь, в Москве, за короткий срок перенять тот неоценимый опыт работы в кино, которым располагают и наши советские друзья, и кинодеятели других стран социализма, тот опыт, который иногда трудно приобрести и годами. Они просмотрели многие конкурсные фильмы и показали свои. Фильм наших кинематографистов «Заря занимается» получил приз и диплом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Картина эта рассказывает об очень важной для Эфиопии проблеме — борьбе с неграмотностью. Ведь до революции в Эфиопии 93 процента людей не умели ни писать, ни читать. Невозможно говорить об успешной борьбе за независимость, о каких-либо преобразованиях в области экономики и политики без ликвидации этого ужасного наследия прошлого. Именно поэтому кампания по ликвидации неграмотности стала одной из основных задач нашей революции. Десятки тысяч студентов, преподавателей, профессоров отправились в самые отдаленные и глухие уголки нашей родины, в маленькие деревни и хутора, чтобы научить людей читать и писать. В настоящее время процент неграмотности снизился до 37,6. Вот об этом и рассказал наш фильм.

Огромное впечатление произвел на меня советский фильм «Битва за Москву». В нем прекрасно показано единство партии и народа, то единство, перед которым отступают любые трудности, преодолеваются любые препятствия.

Наше пребывание в Советском Союзе было очень насыщенным. Кроме непосредственной работы на фестивале, просмотра конкурсных кинолент, мне предоставилась возможность встретиться с председателем Госкино СССР товарищем Ф. Т. Ермашом, с первым заместителем министра культуры СССР товарищем Е. В. Зайцевым. Я посетил Центральную киностудию имени Горького и Центральную студию документальных фильмов. Очень интересной была поездка в Киргизию. Во Фрунзе я побывал на студии «Киргизфильм», встретился с министром культуры республики. Эти встречи и беседы, безусловно, помогут мне в моей дальнейшей работе, они ориентируют меня на то, как должна проводиться политика в области культуры в Эфиопии.

Советские фильмы, которые мы видели здесь, в Москве, представляют для нас интерес не только с художественной точки зрения, но в первую очередь с точки зрения идеологии и политики. Ваши фильмы повествуют о жизни страны, о проблемах, встающих перед социалистическим обществом. Нам очень понравились также картины, в которых утверждается героическая тема, например, «Чапаев».

Для Эфиопии, где киноискусство

ка» воздушная непринужденность стилистики обрушивается в финале жутким открытием: чудаковатый Микаель, который так хотел видеть вокруг себя счастливые семьи, разочаровываясь в своих знакомых, убивает их. Конечно, это психические расстройства, но перед нами не медицинская карта, это анатомия общества, где расстройство грозит стать нормой, где нетерпимые к чужой точке зрения, системе ценностей, образу жизни не ограничиваются полемикой, а хватаются за оружие. И поэтому нельзя молчать, оправдываясь тем, что твой голос слаб и его не услышат. Прекрасный пример несгибаемого мужества воплощен в фильме Ральфа Кирстена из ГДР «Когда другие молчат»: в августе 1932 года на открытии заседаний рейхстага, когда победа гитлеровцев на выборах уже решена, выступает семидесятипятилетняя Клара Цеткин, старейший депутат. Да, ее речь уже ничего не изменит. Но по тому, как фашисты стремились всеми средствами помешать ее приезду в Германию из СССР, где она была на лечении, как они пытались убить ее — ясно, что любое слово правды, сказанное, когда другие уже молчат, имеет огромную цену для будущего.

После просмотра множества фильмов — только в конкурсе их участвовало более сорока — особенно ясно ощущается магия киноискусства, когда в темноте зала невидимые, но ощутимые зрители рядом с тобой устремлены взглядом в прямоугольник экрана, распахивающего перед нами пространство и время. И в какое-то мгновение ты чувствуешь, что оттуда, из этого распахнутого мира, тянется к тебе, к твоему разуму и сердцу луч взаимопонимания, доброты, надежды.

Этот луч протянут от фильма «Армейская история» американского режиссера Нормана Джюисона и фильма Христоса Шопахаса из Греции «Конец девяти», от картин «Чудо невиданное» Живко Николича (Югославия), «Женщина в шляпе» Станислава Ружевича (Польша), «Семена мести» Зелито Вианы (Бразилия), получивших золотые и серебряные призы фестиваля, от многих других фильмов — художественных, детских и документальных...

И загорается свет — и ты встаешь немного растерянный, собираясь с мыслями, и чуть рассеянно оглядываешь зал, всех людей, спешащих к выходу, всех их, только что испытавших то же, что и ты. И ты спрашиваешь себя: что поняли мы все вместе, что изменилось в нас? Ведь не могло не измениться, ведь не могли не понять!

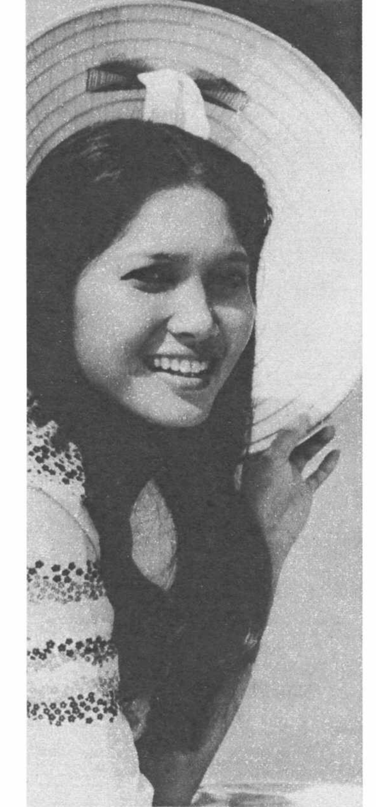
Кинофестиваль завершен. Но лучи, протянувшиеся с экранов к нашим сердцам, не погасли.

Юрий АРГЕЕВ

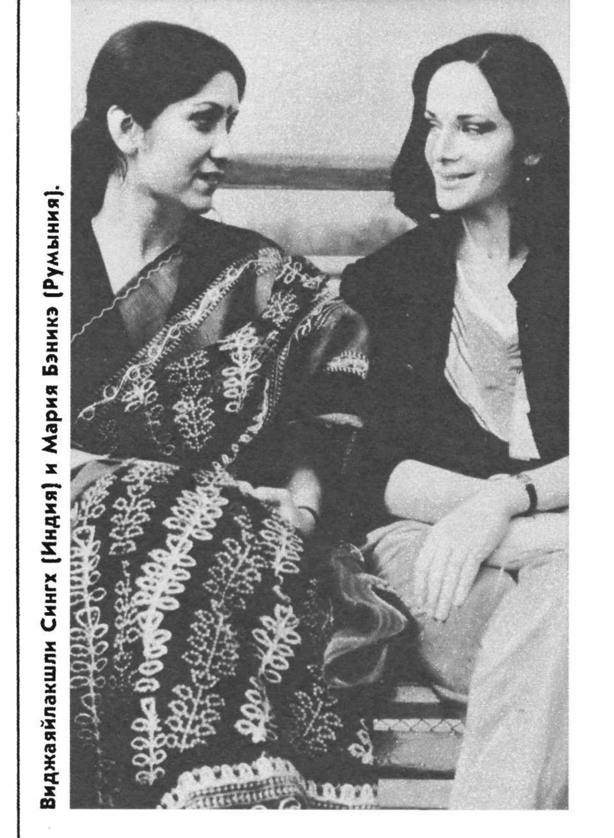
находится на довольно низкой ступени развития, где нет достаточного количества специалистов в области кино, возможности сотрудничества с кинематографистами Советского Союза, других социалистических стран представляют большую ценность.

Хочется отметить, что кинофестиваль был проведен на очень высоком уровне, была проделана значительная работа по его подготовке. Ведь в этом празднике искусства приняли участие гости из 107 стран. Цифра весьма внушительная. Московский фестиваль внес огромный вклад в дело укрепления мира и дружбы между народами.

Очень важно, на мой взгляд, что люди из различных уголков планеты смогли встретиться в Москве и обсудить вопросы как киноискусства, так и более глобальные вопросы. Фильмы, показанные на фестивале, сыграют свою положительную роль в решении тех проблем, которые существуют в современном мире.

Чан Ле Ван приехала из Вьетнама.

Виджаяйлакшли Сингх (Индия) и Мария Бэникэ (Румыния).

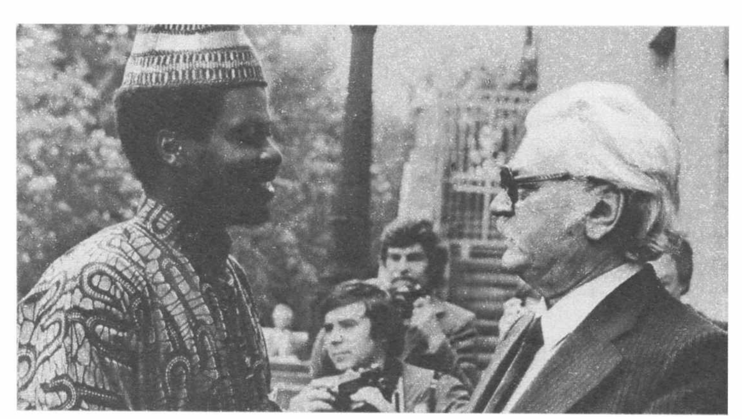

Китайская актриса Ли Лин.

Вручены призы детского жюри.

Ромен Ассонгба из Бенина и Сергей Бондарчук.

Светлана Суховей и Альхаджи Сабиу Шеху (Нигерия).

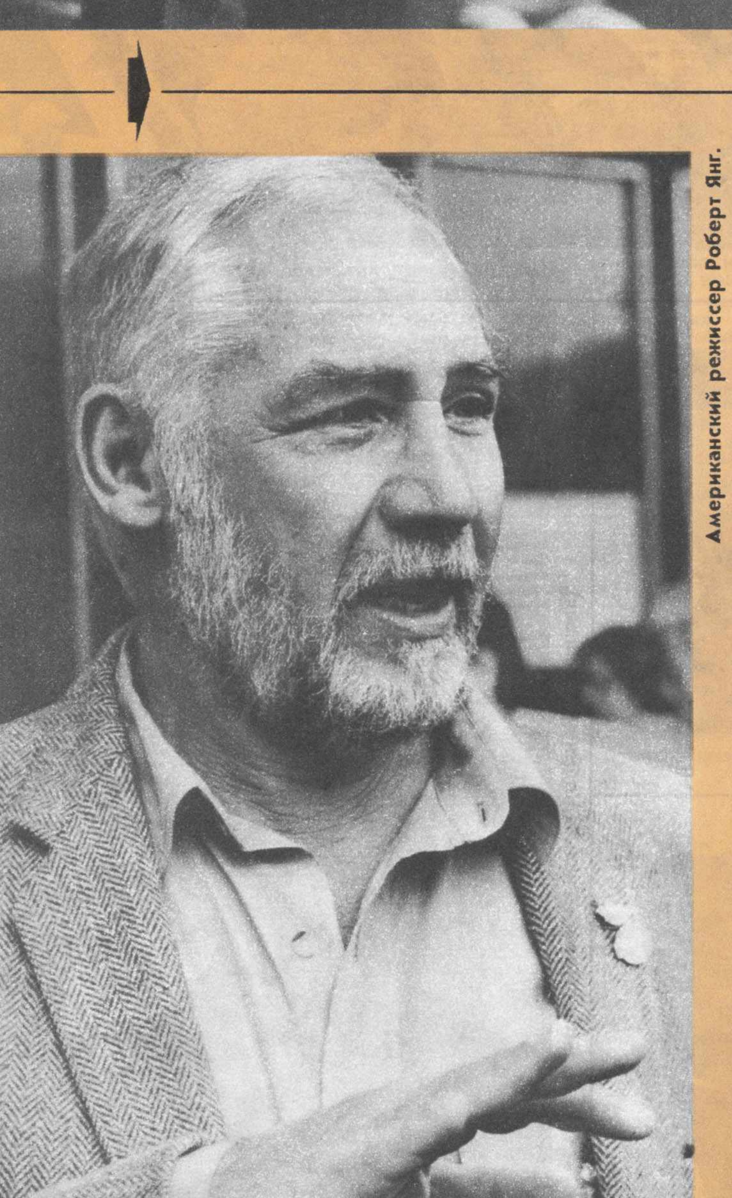

Киноактриса Риальда Кадрич (Югославия).

Обладатель золотого приза фестиваля — Христос Шопахас (Греция).

Золотого приза удостоен фильм «Иди и смотри». Режиссер Элем Климов (справа) с исполнителями главных ролей О. Мироновой и А. Кравченко.

Американский режиссер Роберт Янг.

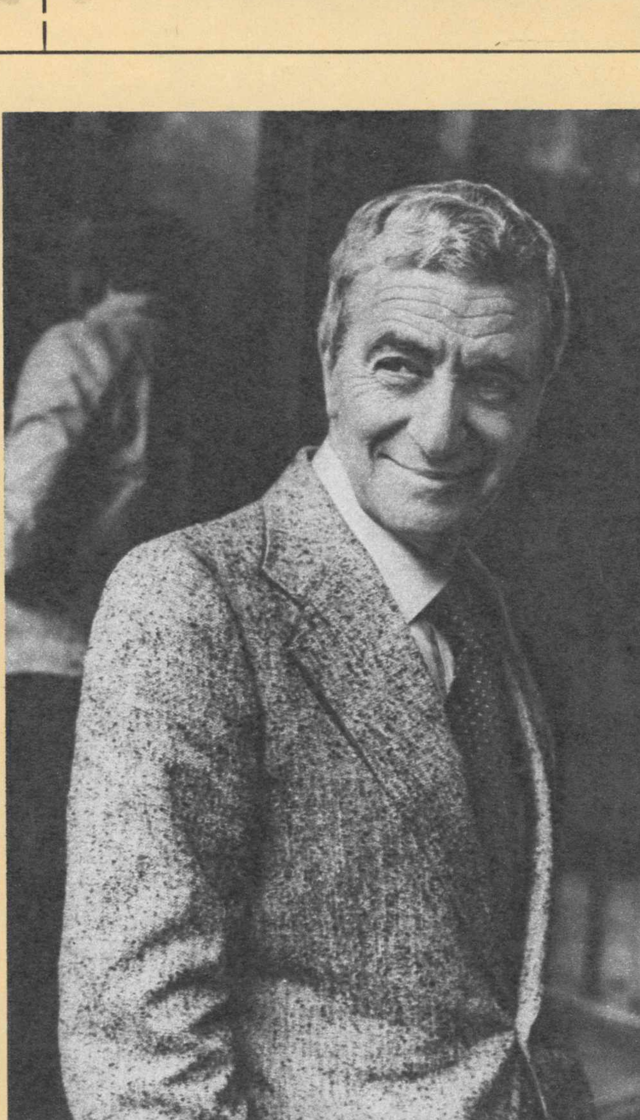
Прогулка гостей фестиваля по каналу имени Москвы.

Призы за лучшую женскую роль получили Юли Башти (Венгрия) и Че Ын Хи (КНДР).

Детлеф Кюгов (ФРГ) — приз за лучшую мужскую роль.

Джузеппе де Сантис — член жюри полнометражных фильмов (Италия).

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663